

ЛЕВ
ТОЛСТОЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ 14

ВОЙНА И МИР

ЧЕРНОВЫЕ РЕДАКЦИИ
И ВАРИАНТЫ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Весь Толстой в один клик

Лев Толстой

**Полное собрание сочинений.
Том 14. Война и мир.
Черновые редакции и
варианты. Часть вторая**

«Библиотечный фонд»

1863-1869, 1873

Толстой Л. Н.

Полное собрание сочинений. Том 14. Война и мир. Черновые редакции и варианты. Часть вторая / Л. Н. Толстой — «Библиотечный фонд», 1863-1869, 1873 — (Весь Толстой в один клик)

Содержание

Лев Николаевич	5
Предисловие к электронному изданию	6
ВОЙНА И МИР	9
РЕДАКЦИОННЫЕ ПОЯСНЕНИЯ	9
ВОЙНА И МИР. ВАРИАНТЫ К ТРЕТЬЕМУ ТОМУ	11
I. ВАРИАНТЫ ИЗ ЧЕРНОВЫХ АВТОГРАФОВ И КОПИЙ	11
* № 160 (рук. № 89. Т. III, ч. 1, гл. I, II, III).	11
№ 161 (рук. № 89. Т. III, ч. 1, гл. II).	14
* № 162 (рук. № 89. Т. III, ч. 1, гл. III).	16
* № 163 (рук. № 89. Т. III, ч. 1, гл. III—VII).	17
№ 164 (рук. № 89. Т. III, ч. 1, гл. VIII—IX).	26
№ 165 (рук. № 89. Т. III, ч. 1, гл. XII—XV).[231]	32
* № 166 (рук. № 89. Т. III, ч. 1, гл. XII и XVI).[244]	35
* № 167 (рук. № 89. Т. III, ч. 1, гл. XVI—XVIII).	36
* № 168 (рук. № 89. Т. III, ч. 1, гл. XVI—XXIII).	38
* № 169 (рук. № 89. Т. III, ч. 1, гл. XVII—XX).[295]	42
* № 170 (рук. № 89. Т. III, ч. 1, гл. XXI).	44
* № 171 (рук. № 89. Т. III, ч. 2, гл. I—VIII).	45
№ 172 (рук. № 89. Т. III, ч. 2, гл. IV).[428]	59
№ 173 (рук. № 89. Т. III, ч. 2, гл. VIII, X—XI).[434]	60
* № 174 (рук. № 89. Т. III, ч. 2, гл. VI—VII).	62
* № 175 (рук. № 89. Т. III, ч. 2, гл. XV—XVI).[452]	62
* № 176 (рук. № 89. Т. III, ч. 2, гл. XXVI, XXVII, XIX).[470]	64
* № 177 (рук. № 89. Т. III, ч. 2, гл. XIX).	66
* № 178 (рук. № 89. Т. III, ч. 2, гл. XVII—XXI).	67
№ 179 (рук. № 89. Т. III, ч. 2, гл. XXI—XXIII).	71
* № 180 (рук. № 89. Т. III, ч. 2, гл. XXIV—XXV).	74
* № 181 (рук. № 89. Т. III, ч. 2, гл. XXVIII).	88
* № 182 (рук. № 89. Т. III, ч. 2, гл. XXVIII?).	90
№ 183 (рук. № 89. Т. III, ч. 2, гл. XXVIII—IV).[721]	91
Конец ознакомительного фрагмента.	104

**Лев Николаевич
Толстой**

**Полное собрание сочинений. Том 14. Война и мир.
Черновые редакции и варианты. Часть вторая**

Государственное издательство
«Художественная литература»
Москва – 1953

Электронное издание осуществлено в рамках краудсорсингового проекта [«Весь Толстой в один клик»](#)

Организаторы: [Государственный музей Л.Н. Толстого](#)
[Музей-усадьба «Ясная Поляна»](#)
[Компания АБВУ](#)

Подготовлено на основе электронной копии 14-го тома Полного собрания сочинений Л.Н. Толстого, предоставленной [Российской государственной библиотекой](#)

Электронное издание 90-томного собрания сочинений Л.Н. Толстого доступно на портале www.tolstoy.ru

Если Вы нашли ошибку, пожалуйста, напишите нам info@tolstoy.ru

Предисловие к электронному изданию

Настоящее издание представляет собой электронную версию 90-томного собрания сочинений Льва Николаевича Толстого, вышедшего в свет в 1928—1958 гг. Это уникальное академическое издание, самое полное собрание наследия Л.Н.Толстого, давно стало библиографической редкостью. В 2006 году музей-усадьба «Ясная Поляна» в сотрудничестве с Российской государственной библиотекой и при поддержке фонда Э. Меллона и *координации* Британского совета осуществили сканирование всех 90 томов издания. Однако для того чтобы пользоваться всеми преимуществами электронной версии (чтение на современных устройствах, возможность работы с текстом), предстояло еще распознать более 46 000 страниц. Для этого Государственный музей Л.Н. Толстого, музей-усадьба «Ясная Поляна» вместе с партнером – компанией АBBYY, открыли проект «Весь Толстой в один клик». На сайте readingtolstoy.ru к проекту присоединились более трех тысяч волонтеров, которые с помощью программы АBBYY FineReader распознавали текст и исправляли ошибки. Буквально за десять дней прошел первый этап сверки, еще за два месяца – второй. После третьего этапа корректуры *тома и отдельные произведения* публикуются в электронном виде на сайте tolstoy.ru.

В издании сохраняется орфография и пунктуация печатной версии 90-томного собрания сочинений Л.Н. Толстого.

*Руководитель проекта «Весь Толстой в один клик»
Фекла Толстая*

Л. Н.

ПОЛНОЕ

ИЗДАНИЕ

ГОСУДА

Перепечатка разрешается безвозмездно.

ВОЙНА И МИР

ЧЕРНОВЫЕ РЕДАКЦИИ И ВАРИАНТЫ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

РЕДАКЦИОННЫЕ ПОЯСНЕНИЯ

В том 14 входят 92 варианта к третьему тому «Войны и мира». Из них 62 печатаются по черновым автографам Толстого и по переработанным им копиям, 21 – по наборной рукописи и 9 – по корректурам.

Варианты к первым двум томам «Войны и мира» опубликованы в томе 13 настоящего издания, варианты к четвертому тому будут опубликованы в томах 15—16. Нумерация вариантов – сплошная по всем томам.

В томах 13—16 печатаются только те варианты, которые существенно отличаются от окончательного текста или между собою.

Система расположения вариантов по ходу романа (в порядке глав окончательного текста), принятая в томе 13, в основном сохраняется и в данном томе. Отступления делаются в тех случаях, когда разбивка по частям и главам одной и той же рукописи нарушает представление об общем ходе творческого процесса. В таких случаях рукопись печатается полностью, без дробления ее на части и главы (см., например, вариант № 183).

В томах 14—16, как общее правило, сохраняется принятый в томе 13 порядок расположения вариантов: сначала печатаются первые черновые автографы и переработанные копии, со всеми добавлениями, написанными Толстым над строкою, на полях копии и на отдельных листах; затем – варианты, извлеченные из наборных рукописей, и, наконец, из корректур.

В текстологических примечаниях, публикуемых петитом под строкой:

1) печатаются зачеркнутые слова (или только начала слов), законченные предложения, а иногда и целые отрывки;

2) по вариантам, воспроизводящим автографы, оговариваются исправления Толстого, произведенные им спустя некоторое время, при вторичном просмотре рукописи;

3) по вариантам, воспроизводящим копии и корректуры, оговариваются наиболее существенные собственноручные исправления Толстого;

4) приводятся конспективные записи, сделанные Толстым на полях, не относящиеся к данному месту рукописи, но отмеченные во время писания лишь попутно, для памяти;

5) указываются переходы Толстого во время работы над одной и той же рукописью от автографа к копии и обратно.

Комментарии к вариантам, более подробно поясняющие отношение вариантов к той или иной рукописи, общая характеристика их, описание рукописей и их хронологизация (в тех случаях, где это возможно) печатаются в статье «Описание рукописей «Войны и мира» в томах 15—16 настоящего издания.

—

Тексты Толстого, публикуемые в настоящем томе, печатаются по современной орфографии, но с сохранением характерных особенностей правописания автора.

При воспроизведении текстов соблюдаются следующие правила:

Слова, не написанные явно по рассеянности, вводятся в прямые скобки [ ], без всякой оговорки.

Условные сокращения типа «к-рый» вместо «который», «б» вместо «был» и т. д., а также слова, написанные неполностью, и начальные буквы, как, например: «N.» вместо «Nicolas»,

«Р.» вместо «Pierre», «К. М.» вместо «Княжна Марья» и др., – воспроизводятся полностью. Прямые скобки в подобных словах ставятся лишь в тех случаях, когда возникает сомнение в раскрытии их.

После слов, написанных в рукописи недостаточно разборчиво, так что возникает сомнение в их прочтении, ставится знак вопроса в прямых скобках.

На месте не поддающихся прочтению слов ставится: [*1, 2, 3 и т. д. неразобр.*], где цифры обозначают количество неразобранных слов.

В ломаные скобки < > ставятся зачеркнутые Толстым тексты или отдельные слова.

Написанное Толстым в скобках воспроизводится в круглых скобках.

Подчеркнутое печатается курсивом. Редакторский текст, прерывающий в некоторых случаях текст Толстого и заключенный в прямые скобки, а также редакторский текст в сносках печатается курсивом.

Воспроизводится авторская пунктуация, за исключением тех случаев, когда она противоречит общепринятым правилам.

Переводы иностранных слов и выражений, принадлежащие Толстому (переводы были сделаны Толстым в печатном тексте «Войны и мира» для издания 1873 г. и даются в томах 9—12 настоящего издания под строкой), печатаются в сносках без скобок; принадлежащие редактору – в прямых скобках.

Знак * перед номером варианта означает, что вариант полностью публикуется впервые.

ВОЙНА И МИР. ВАРИАНТЫ К ТРЕТЬЕМУ ТОМУ

ПОДГОТОВКА ТЕКСТА И КОММЕНТАРИИ Н. С. РОДИОНОВА

I. ВАРИАНТЫ ИЗ ЧЕРНОВЫХ АВТОГРАФОВ И КОПИЙ

* № 160 (рук. № 89. Т. III, ч. 1, гл. I, II, III).

– Monsieur, mon frère,¹ – писал весною 1812 г. император Наполеон императору Александру. – Le comte de Norbonne m’a remis la lettre, dont Votre Majesté l’a chargée pour moi. J’y ai vu avec plaisir qu’elle se rappelle de Tilsit et d’Erfurt,² и т. д.

– Monsieur, mon frère, – писал³ 12 июня,⁴ на другой день после того, как войска Наполеона перешли Неман⁵. – J’ai appris que malgré la loyauté ..... Si Votre Majesté n’est pas intentionnée de verser le sang *de nos peuples* pour une mesentendu de ce genre ..... un accommodement *entre nous* sera possible.

Il dépend encore de Votre Majesté d’éviter à l’humanité les calamités d’une nouvelle guerre. Alexandre.⁶

Таковы были два последние письма, два последние выражения отношений между этими двумя лицами.

Но видно, несмотря на два раза вызываемые Наполеоном в письме воспоминания Тильзита и Эрфурта, несмотря на подразумеваемое обещание, что он останется таким же обворожительным, каким он был в Тильзите и Эрфурте, несмотря на это желание сквозь все сложные международные и дипломатические тонкости отношений проникнуть к самому сердцу, к личным, дорогим воспоминаниям о дружбе с Александром (как прежде любимая женщина говорит, усмиряя ожесточенного, охладевшего любовника: «а помнишь первую минуту признания, а помнишь минуту самозабвения – эту ночь при лунном свете»). Несмотря на всё это, видно, то, что имело совершиться, должно было совершиться, и Monsieur Mon Frère, Sa Majesté l’Empereur Napoléon⁷ quoique véritablement intentionnée de⁸ ni pas verser le sang *de nos peuples* et⁹ d’éviter à l’humanité les calamités d’une nouvelle guerre,¹⁰ вступил в пределы России, т. е. должен был поступить, как он поступил, так же неизбежно, как¹¹ падает с ветки созревшее яблоко.

Обыкновенно думают, что чем больше власти, тем больше свободы. Историки, описывая мировые события, говорят, что такое-то событие произошло от воли человека: Кесаря,

¹ Государь, брат мой,

² [Граф де Норбон передал мне письмо вашего величества. Вижу с удовольствием, что вашему величеству памятни Тильзит и Эрфурт,]

³ Зачеркнуто: памятного

⁴ Зач.: накануне которого

⁵ Зач.: и вступили в русскую землю.

⁶ До меня дошло, что, несмотря на прямодушие ..... Ежели ваше величество не расположены проливать кровь *наших подданных* из-за подобного недоразумения ..... соглашение *между нами* будет возможно. Ваше величество еще имеете возможность избавить человечество от бедствий новой войны. Александр.

⁷ След. два слова при последующей правке рукописи были надписаны Толстым вместо зачеркнутого слова: *était*

⁸ След. два слова надписаны позднее.

⁹ Зачеркнуто: *ne pas*

¹⁰ [Государь, брат мой, его величество император Наполеон, хотя искренне намеревавшийся не проливать крови *наших народов* и избежать бедствий новой войны, грозящей человечеству,] *Дальнейший текст, кончая:* В этом состоит всё недоразумение, *вписан при дальнейшем просмотре рукописи.*

¹¹ Зач.: должна двигаться стоящая на колесе лошадь

Наполеона, Бисмарка и т. п., хотя сказать, что в России погибло 100.000 людей, убивая один другого, потому что так хотел один или два человека, так же бессмысленно, как сказать, что подкопанная гора в миллион пудов упала потому, что последний работник Иван ударил под нее лопатой, Наполеон не привел в Россию Европы, но люди Европы привели его за собой, заставив его управлять собою. Для того, чтобы убедиться в этом, стоит просто подумать о том, что приписывают этому человеку¹² власть заставить 100.000 людей убивать друг друга и умирать. Понятно, что может быть зоологический человеческий закон, подобный зоологическому закону пчел, заставляющему их убивать друг друга и самцов убивать один другого, и даже история подтверждает существование этого закона,¹³ но чтобы один человек велел убивать друг друга миллионам – это не имеет смысла, потому что непонятно и невозможно. Отчего мы не говорим, что Атилла повел свои полчища, а уже понимаем, что народы пошли с востока на запад,¹⁴ в новой истории мы еще не хотим понимать этого.¹⁵

Нам всё еще кажется, что пруссаки побили австрийцев, потому что Бисмарк очень остроумен и ловок, тогда как всё остроумие Бисмарка только подделывалось под историческое, неизбежно имевшее совершиться событие. Этот обман наш происходит от двух причин: во-первых, от психологического свойства подделывания *après coup*¹⁶ умственных причин тому, что неизбежно совершается, как мы подделываем сновидения в прошедшем под факт, совершившийся в минуту пробуждения, и во-вторых, по закону совпадения бесчисленного количества причин в каждом стихийном событии, по тому закону, по которому каждая муха может справедливо считать себя центром и свои потребности – целью всего мироздания, по тому закону, по которому человеку кажется, что лисица хвостом обманывает собак, а она только работает рычагом для поворота. Фатализм в истории столь разумен, как неразумен в отдельном человеке. Недаром слово Соломона – сердце царевы в руке божией – сделалось пословицей. Царь есть раб истории, стихийного события, и у него произвола менее, чем у других людей. Чем больше власти, чем больше связи с другими людьми, тем меньше произвола.

Есть действия произвольные, относящиеся к стихийной жизни человека, и есть действия произвольные, что бы ни говорили физиологи и как бы точно ни исследовали нервы. Один неотразимый аргумент против них есть тот, что сейчас я могу поднять и могу не поднять руку. Я могу продолжать писать и остановиться. Это – несомненно. Но могу ли я в споре знать, что я скажу, могу ли я на войне знать, что я сделаю, могу ли в столкновении, каком бы то ни было, с другим человеком, в таком действии, где вообще субъект моей деятельности не я сам, – могу ли я знать, что я сделаю? Нет, не могу. Там действую я по стихийным, произвольным законам человечества. И чем больше власти, чем больше связи с другими людьми, тем меньше свободы. Действуя над самим собой, ученый, художник, мыслитель – свободен, действуя над людьми, полководец, царь, министр, муж, отец – несвободен, подлежит стихийным законам и, подчиняясь им, с помощью воображения и ума бессознательно подделывает свою свободу и из бесчисленных совпадающих причин каждого стихийного явления выбирает те, которые ему кажутся оправдывающими его свободу. В этом состоит всё недоразумение.

Monsieur Mon Frère l'Empereur Napoléon,¹⁷ несмотря на то, что ему более, чем когда-нибудь, теперь казалось, что от него зависело *verser* или не *verser le sang de ses peuples*,¹⁸ никогда более, как теперь, не подлежал тем неизбежным законам, которые заставляли его (полагая, что он действует по своему произволу) делать то, что должно было совершиться. Он не

¹² *Зач.*: ни больше, ни меньше как приказ

¹³ *Зач.*: но непонятно

¹⁴ *Зач.*: но не понимаем этого

¹⁵ *Зач.*: А между прочим это ясно. Есть события, действия произвольные

¹⁶ [задним числом]

¹⁷ Государь, брат мой, император Наполеон,

¹⁸ [проливать или не проливать кровь своих народов,]

мог остановиться, но мог поступать иначе.¹⁹ Бесчисленные сложные²⁰ исторические причины²¹ вели к тому, что должно было совершиться, а он был их вывеской, он, как²² лошадь в колесе, думал, что он²³ бежит вперед²⁴ для своих целей, и двигал механизм, подделанный к колесу²⁵ лошади. Войска громадные²⁶ были собраны по²⁷ стихийным, произвольным причинам. Этой силе надо было деятельность. Первым предлогом, естественно представлявшимся, была Россия, и по закону совпадения причин подделались сами собою 1000 мелких причин: укору за несоблюдение континентальной системы, герцог Ольденбургский, минута желчного настроения во время выхода, когда Наполеон, сам не зная что, наговорил Куракину, русскому послу в Париже.

Потом двинулись войска в Пруссию, чтоб поддержать угрозу. Чтобы угроза была не шуточная, нужно было сделать и серьезные приготовления. Делая серьезные приготовления, тот, кто их делал, увлекался ими. Когда много их было сделано, была *fausse honte*,²⁸ чтобы они не пропали даром, была потребность приложить их к делу. Были переговоры, которые, по взгляду современников, были²⁹ делаемы с искренним желанием, направлены к достижению мира и которые только уязвляли самолюбие той и другой стороны и делали неизбежным столкновение.

Не воля Александра, не воля Наполеона, еще менее воля народов, еще менее континентальная система или герцог Ольденбургский, или интриги Англии, но бесчисленное количество совпадающих обстоятельств, из которых каждое могло быть названо причиной, вело к тому, что должно было быть: к войне, крови,³⁰ к тому, что противно самому человечеству и потому не может происходить по его воле.

Когда созрело яблоко и падает, отчего оно падает? Оттого ли, что тяготеет к земле, оттого ли, что засыхает стержень, оттого ли, что сушится солнцем, что тяжелеет, что ветер трясет его, оттого ли, что стоящему внизу мальчику хочется съесть его? Ничто не причина. Всё³¹ это — только совпадение тех условий, при которых совершается жизненное, органическое, стихийное событие.³² И тот ботаник, который найдет, что яблоко падает от того, что клеточка... и т. п., будет так же³³ прав и так же неправ, как и ребенок, стоящий внизу, скажет, что оно упало оттого, что ему хотелось съесть его.

Как³⁴ прав и неправ будет тот, который скажет, что Наполеон пошел в Москву потому, что он захотел этого, и оттого погиб, что Александр захотел этого. В исторических событиях великие люди суть ярлыки, дающие наименование событию, но которые так же, как ярлыки, менее всего имеют связи с самим событием.

¹⁹ *Зачеркнуто позднее:* он даже не делал ничего, делали След. слово вписано позднее.

²⁰ *Зач. позднее:* неразбираемые

²¹ *След. семь слов вписаны позднее.*

²² *Зач. позднее:* белка и написано: лошадь

²³ *Зачеркнуто:* дви[жется]

²⁴ *Вписаны позднее следующие три слова.*

²⁵ *Зач. позднее:* белки и написано: лошади

²⁶ *Зач. позднее:* и «власть» сила громадная, собранная в один центр (не потому собранная, что он собрал ее, а потому, что она сложилась, собралась сама и должна была иметь центр, который случайно был он) и написано: были

²⁷ *Зач. позднее:* тем же

²⁸ [ложный стыд,]

²⁹ *Следующее слово вписано позднее.*

³⁰ *Вместо зачеркнутого:* и разрушению, и возникновению новых условий жизни *позднее вписано окончание фразы.*

³¹ *Вписаны позднее следующие два слова.*

³² *Стихийное событие вписано позднее вместо зач.: явление*

³³ *След. четыре слова вписаны позднее.*

³⁴ *След. два слова вписаны позднее.*

№ 161 (рук. № 89. Т. III, ч. 1, гл. II).

³⁵ 11 июня в 11 часов польский полковник Поговский, стоявший с полком улан у Немана, увидел скачущую прямо к нему коляску на шести взмыленных³⁶ лошадях, сопровождаемую императорской свитой. В коляске сидел император Наполеон, в своей шляпе и³⁷ мундире старей гвардии, и говорил с Бертье. Поговский никогда не видал императора,³⁸ но тотчас узнал его и собрал свою команду для отдания чести. Наполеон находился в это утро в том же состоянии, в котором он был в памятное утро Аустерлицкого сражения. Он был в том утреннем, свежем, ясном состоянии, в котором³⁹ всё трудное делается естественно легким, и именно потому, что человек верит в себя, что он всё может сделать, больше, чем верит – ни на минуту не сомневается и делает, как будто какая-то внешняя, независимая от него сила заставляет его действовать. Наполеон с утра находился в этом состоянии, еще более усиленном 15-верстной прогулкой на быстрых лошадях, мягких рессорах, по прекрасной дороге, между покрытой еще ночным дождем зеленью в трубку поднимающейся ржи и во всем блеске июня распустившейся зелени лесов. Он выехал (как он думал) для того, чтобы осмотреть место для переправы на Немане⁴⁰. Он еще не решил в своем уме вопрос о том, перейдет ли он теперь Неман, или ожидает нового ответа Лористона, но в сущности он поехал потому, что⁴¹ он в это утро был неизбежным исполнителем воли Провидения. Утро было прекрасное, он находился в том утреннем, Аустерлицком состоянии, в котором ему неизбежно нужно было предпринять что-нибудь, его веселила мысль, что *он*, он – несмотря на всё свое величие, несмотря на последнее Дрезденское пребывание, во время [которого] короли и императоры составляли его дожидаящ[ийся] выхода двор, он, сделавший милость Австрийскому дому, вступив в брак с его принцессой, – он, несмотря на это, сам едет осмотреть место переправы и отдать нужные приказания.⁴² Поздоровавшись с польскими уланами, он, не спуская глаз с делавшего в этом месте крутого изгиба Немана, вышел из коляски и махнул рукою к себе офицеров. Несколько генералов и офицеров подбежало к нему. Сухоржевский был один из первых, и Наполеон обратился к нему с вопросами о дорогах к Неману и о расположении аванпостов.⁴³ Не дослушав еще конца речей Сухоржевского, Наполеон, отпустив от глаз зрительную трубу, в которую он смотрел,⁴⁴ и сказал Бертье, что он намерен сам осмотреть Неман. Бертье поспешно спросил офицеров, не представляет ли такая рекогносцировка опасности от казаков для императора, и на утвердительный ответ доложил императору, что его особа и шляпа слишком известны всему миру и что было бы неблагоприятно ему выехать под выстрелы казаков. Наполеон оглянулся на офицеров, отыскивая между ними человека своего роста. Сознание своего небольшого роста всегда было

³⁵ *Зачеркнуто:* В то самое утро 11 июня <как происходило это гулянье в Вильне, в это>, особенно замечательное прекрасной летней погодой, после гроз <утро 11 июня> польский <полковник Поговский> майор Сухорже[вский], в первый приезд Нелёне в Бартенштейн очень близко знакомый с нею, теперь находясь в службе императора Наполеона и отделенный от Нелёне и всего русского, несмотря на близость расстояния, больше, чем океаном – цепью часовых, стоял с своим полком недалеко от Ковно на берегу Немана. В это утро *Позднее вписаны первые полторы строки варианта, кончая:* у Немана,

³⁶ *Зач.:* рысаках,

³⁷ *След. шесть слов вписаны позднее.*

³⁸ *Зач. позднее:* и был пленен его видом в нынешнее утро. *Вместо зач. надписан конец фразы.*

³⁹ *Зачеркнуто позднее:* гимнаст прыгает на два вершка выше обыкновенного прыжка, пьянист сделает чисто пассаж, никогда не удающийся, ездок сядет на опасную лошадь и без труда заставит ее покориться, мыслитель сразу изложит свою мысль и увидит свой труд ясно во всем объеме, – состояние, в котором

⁴⁰ *На полях:* Здоровается с полками; блестящий вид полков.

⁴¹ *Зачеркнуто:* утро было хорошо, что *вместо зач. надписан позднее текст, кончая:* Утро было прекрасное,

⁴² *Зач. позднее:* Он делает то, что не делает ни один государь, ни тот Александр, который хочет бороться с ним. И оттого ни один не может и не будет мочь бороться со мною.

⁴³ *На полях написано позднее:* Ужас всех, чтобы его не застрелили и этом costume Н[аполеона].

⁴⁴ *Далее, кончая словами:* под выстрелы казаков. Наполеон *надписано позднее.*

неприятно Наполеону, и большой рост смущал его. Но это было счастливое утро, как оно всегда бывает счастливо для людей, находящихся в счастливом расположении духа. Или офицеры случились небольшого роста, или Наполеон заметил только малорослых,⁴⁵ он сказал с улыбкой, что наденет польский мундир. Несколько⁴⁶ офицеров подходящего роста поторопились скинуть свои мундиры, в том числе и Сухоржевский. Но он еще не успел открыть плечи, как строгий взгляд⁴⁷ одного из свиты Наполеона остановил его. Наполеон, как Парис с яблоком, избирающий красавицу, не улыбаясь, оглянул раздевшихся офицеров и потому ли, что полковник Поговский был старше чином, или что открывшееся из-под снятых мундиров белье было чище всех на Поговском, император⁴⁸ выбрал его и, сняв свой серый сюртук с лентой, который тотчас же был подхвачен, как реликвия, надел сюртук и фуражку Поговского. Бертье позади тоже поспешно⁴⁹ наряжался в польского улана и⁵⁰ отдавал приказание, чтобы императору была⁵¹ выбрана помирнее верховая лошадь, так как Бонапарт был не смелый и не твердый ездок. В сопровождении одного Бертье и майора Сухоржевского Наполеон верхом поехал к деревне Алексотену и оттуда к Неману, за которым вдалеке видны были русские казаки.

Увидав тот Неман, на котором был 5 лет тому назад Тильзитский мир, и, главное, тот Неман, за которым⁵² начиналось то таинственно-громадное скифское государство, подобное тому, в которое ходил Александр Македонский, за которым был этот Александр, дерзко требовавший отступления французских войск из Померании, тогда, когда вся Европа преклонялась перед ним, владыкой Франции, за которым была эта *ville asiatique Moscou avec ses innombrables églises et ses pagodes chinoises*;⁵³ увидав этот Неман, это прекрасное небо, далеко открывающие зелень поля,⁵⁴ скрывающиеся там, надев раз польский мундир и сам выехав под выстрелы русских аванпостов – он⁵⁵ не мог не⁵⁶ решить в своем уме что завтра он наступает. Возвращаясь назад верхом, к селению Ногарлиски, Сухоржевский, ехавший сзади, слышал, как великий человек фальшивым голосом запел *Malborough s'en-va-t-en-guerre*⁵⁷ и видел блестящий, светлый, веселый взгляд, который безучастно и⁵⁸ безразлично останавливался на всем и говорил о счастливом, легком состоянии в эту минуту великого человека. В Ногарлиски послано вперед приказание перевести в них главную квартиру и там⁵⁹ продиктована Наполеоном диспозиция перехода через Неман и наступления. Кроме того, в Ногарлисках же были в первый раз представлены императору Наполеону образцы выделанный на 100 миллионов рублей фальшивых русских ассигнаций, сличены с настоящими⁶⁰ и одобрены императором, и представлен к подписанию приговор расстреливания польского сержанта,⁶¹ сказавшего дерзость французскому генералу.⁶²

⁴⁵ *Конец фразы вписан позднее.*

⁴⁶ *Исправлено из:* по несколько

⁴⁷ *Зачеркнуто:* Бертье

⁴⁸ император *исправлено из:* но он

⁴⁹ *Зач.:* одевался

⁵⁰ *Зачеркнуто позднее:* уже поняв, в чем было дело,

⁵¹ *Зач.:* подана

⁵² *Зач.:* было

⁵³ [азиатский город Москва с ее бесчисленными церквами и китайскими пагодами;] *Зач.:* Когда

⁵⁴ *Зач.:* увидав молодеватых польских

⁵⁵ *Зач.:* уже

⁵⁶ *Зач.:* дать при[казание]

⁵⁷ [Мальбрук в поход собрался]

⁵⁸ *Зач.:* однообразно указывал

⁵⁹ *Зач.:* отдано приказание наст[упить]

⁶⁰ *След. три слова вписаны позднее.*

⁶¹ *Зачеркнуто:* неповин[ного]

⁶² *Зач. позднее:* Император Наполеон был доволен исполнением приказания по выделке фальшивых ассигнаций и приказал

* № 162 (рук. № 89. Т. III, ч. 1, гл. III).

<Государь Александр с военным двором около месяца жил в Вильно. Та же,⁶³ как и в Петербурге, давка тщеславных, корыстолюбивых интересов происходила около него. Точно с теми же чувствами ходили люди по улицам Вильно, с которыми они ходили по Морской и Невскому.⁶⁴ Точно с теми же надеждами, завистями и желаниями, с маленьким оттенком национального различия, толпились поляки и полячки на балах и приемах государя и великого князя.⁶⁵ 11 июня в Вильне было гулянье. В с иголки новом мундире⁶⁶ с одним эполетом и аксельбантом, с той гордой и спокойной особенностью придворного молодого человека, для которого мир существующий ограничен весьма малым количеством придворных людей, шел по главному гулянию Вильно между рядами Борис Друбецкой и подходил к остановившимся коляскам знакомых дам. Великолепный польской⁶⁷ цуг серых в коляске, в которой сидела в шелку,⁶⁸ кружевах красавица Hélène, стал на самом видном месте,⁶⁹ окруженный генерал-адъютантами и графами польскими и русскими. Борис, не соображая своих прежних отношений к Hélène (все эти соображения не могли иметь места для светского человека. «Une femme du monde⁷⁰ – она, un homme du monde⁷¹ я, – подумал он,⁷² – всё, что было, должно быть comme поп avenue»⁷³), подошел к ней, потому что хорошо было с ней иметь вид близкого.⁷⁴ Они обменялись приятными дружескими улыбками и заговорили о бале. Предстоящий бал был некоторого рода новость и оригинальность, которую затеяли придворные люди. Пришло в голову это Балашеву, и все приняли мысль. Дело было в том, чтобы дать бал государю генерал-адъютантам⁷⁵ от себя. Они собрались, составили подписку по 300 р., взяли прелестный загородный дом Бенигсена и пригласили государя. Бал должен был быть великолепен и имел особенную прелесть именно своей оригинальностью. Узнали, кого государю приятнее будет видеть хозяйкой бала, и пригласили эту даму. Hélène одно время была в надежде и волнении, что выберут ее, но теперь считала нужным радоваться выбору другой дамы,⁷⁶ совершенно скрыв свою прежнюю надежду. Лучше выбора не могли сделать.

– On dit, que ce sera charmant et surtout le feu d'artifice,⁷⁷ – сказала она Борису. Поговорив о бале и обещая Борису 2-й cotillon,⁷⁸ вечером они разошлись.>

выдать денежную награду производителю. Приговор расстреляния тоже был им подписан.

⁶³ След. четыре слова вписаны позднее, вместо зач. в конце фразы: точно так же, как и в Петербурге

⁶⁴ След. восемь слов вписаны позднее.

⁶⁵ На полях: Анатолий и Борис. Анатолий подходит к сестре и говорит: а знаешь, мне кажется, я скверно поступил.

⁶⁶ След. восемь слов – последнее исправление из: с вензелями на эполетах,

⁶⁷ Слово: польской вписано позднее.

⁶⁸ Зач.: и <бархате> кисее и надписано позднее: кружевах

⁶⁹ Зач.: Борис

⁷⁰ [Светская женщина]

⁷¹ [светский человек]

⁷² Далее восемь слов вписаны позднее.

⁷³ [как не бывшее]

⁷⁴ Зачеркнуто: И действительно

⁷⁵ След. два слова вписаны позднее.

⁷⁶ След. пять слов вписаны позднее.

⁷⁷ [Говорят, будет очаровательно и особенно фейерверк,]

⁷⁸ [котильон,]

* № 163 (рук. № 89. Т. III, ч. 1, гл. III—VII).

Вечером на другой день был веселый, блестящий праздник с графиней Лович⁷⁹. Было особенно весело и оживленно.⁸⁰ В числе польских красавиц графиня Безухая не уронила репутацию русских красавиц и была замечена.⁸¹ Борис Друбецкой,⁸² через Hélène Безухову получив приглашение, был тоже на этом бале. В 12-м часу ночи еще танцевали. Государь прохаживался между танцующими и осчастливливал то тех, то других теми ласковыми словами, которые он один только умел говорить. Борис, как и все на бале, удостоенном императорским присутствием, душою всё время стремился к государю и был при нем, хотя и танцевал и говорил с дамами. При начале мазурки он видел, что Балашев подошел к государю, говорившему что-то польской даме, и остановился – непривторно остановился подле государя. Это что-нибудь значило. Государь взглянул вопросительно и понял, что Балашев поступил так только потому, что на то были важные причины, что ему нужно было говорить с государем.⁸³ Поклонившись даме слегка в знак, что аудиенция кончена, государь обратился к Балашеву и, взяв его под руку, пошел с ним, бессознательно для себя расчищая с обеих сторон, сажени на 3, широкую дорогу сторонившихся перед ним. Борис⁸⁴ посмотрел на грубое и подло-преданное лицо Аракчеева, который, заметив разговор государя с Балашевым, тянулся из толпы, но не смел подойти ближе. Борис, как и большинство порядочных людей, чувствовал инстинктивную антипатию к Аракчееву, но милость к нему государя заставляла его сомневаться в справедливости своих чувств. Балашев что-то с весьма серьезным лицом говорил государю. Государь быстро выпрямился, как человек оскорбленный и удивленный, и продолжал ласково и спокойно слушать. Борис, несмотря на ясное сознание, что то, что говорилось, очень важно, несмотря на страстное желание узнать, в чем дело, поняв, что, ежели граф Аракчеев не смеет подвинуться ближе, ему и думать нечего, отошел к стороне. Совершенно неожиданно государь с Балашевым направились прямо к нему (он стоял у выходной двери в сад),⁸⁵ он не успел отодвинуться и слышал следующие слова государя, говорившего с волнением лично оскорбленного человека:

– Я помирюсь только тогда, когда ни одного вооруженного неприятеля не останется на моей земле.

При этих словах государь, заметив Бориса, взглянул на него гордо, решительно и, как показалось Борису, государю приятно было высказать эти слова – он был доволен формой выражения своей мысли и был доволен даже, что Борис восторженно и почтительно услышал его.

– Чтоб никто не знал, – прибавил государь. (Борис понял, что это относилось к нему.) И государь прошел. Известие, сообщенное Балашевым на бале государю, было – без объявления войны переход Наполеона со всей армией через Неман, в одном переходе от Вильно.

Неожиданное известие это было особенно неожиданно после месяца⁸⁶ несбывающегося ожидания и на бале. Государь был в первую минуту возмущен и взволнован этим известием и нашел под влиянием этого минутного чувства то, потом сделавшееся знаменитым, изречение, которое самому понравилось ему, выражая вполне его⁸⁷ чувства. Возвратившись домой

⁷⁹ *Зач.:* и обворожительными польскими дамами, прелестной музыкой, фейерверком.

⁸⁰ *Далее, кончая словами:* тоже на этом бале *позднейшая вставка, написанная на полях.*

⁸¹ *Зач.:* В числе молодых танцоров

⁸² *Зач.:* адъютант, обращал на себя внимание своими отличными танцами, вел бал

⁸³ *Зач.:* Окончив

⁸⁴ *Зачеркнуто:* заметил След. два слова надписаны позднее.

⁸⁵ *Заключенное в скобки – позднейшая вставка.*

⁸⁶ *Зач.:* спокойного

⁸⁷ *Зач. позднее:* впечатление и надписано: чувства.

с бала, государь в 2 часа ночи послал за секретарем Шишковым и велел написать⁸⁸ приказ Петербургскому военному губернатору и войскам, в котором он непременно требовал, чтобы были помещены слова о том, что он не помирится, пока хоть один вооруженный останется⁸⁹ на русской земле.⁹⁰

⁹¹На другой день было написано то⁹² письмо,⁹³ начинающееся словами *Monsieur mon Frère*⁹⁴ (которое выписано в начале главы), и послан Балашев к Наполеону с последней попыткой примирения. На другой день новость, привезенная Балашевым, была известна всем. Императорская квартира переехала на станцию, назад в Свенцианы, и все войска отступали.

—
Отправляя Балашева, государь вновь повторил ему слова о том, что он не помирится до тех пор, пока останется хоть один вооруженный неприятель на русской земле, и приказал *непременно* передать их Наполеону; хотя, вероятно, именно потому, что государь чувствовал с своим тактом, что слова эти неудобны для передачи в ту минуту, когда делается последняя попытка примирения, именно потому он не написал их в письме и именно приказал Балашеву передать их,⁹⁵ т. е. чувствовал личную потребность выразить их.

Выехав ночью, Балашев к рассвету приехал на аванпосты и был остановлен французскими кавалерийскими часовыми. Гусары-солдаты в малиновых мундирах не пропустили его, не сделали ему чести, непочтительно, как и должно было быть, угрюмо в его присутствии переговаривались между собою и послали к офицеру. Необычайно странно было Балашеву, привыкшему издавна по своей службе к почестям и после той близости к высшей власти и могуществу – разговора 3 часа тому назад с государем – видеть тут, на русской земле, это⁹⁶ враждебное и, главное, непочтительное отношение к себе. Но естественно приходила мысль о ничтожестве этих людей, о том, что, несмотря на то, что они кажутся такие же люди, как он, с руками, с ногами, с воспоминанием, с мыслями, несмотря на то, что они грубой силой своей преграждают ему путь, – они относятся к нему, как относится⁹⁷ зернышко молотого хлеба к одному из главных колес мельницы. Он не смотрел даже на них в то время, как ожидал в цепи. Он ожидал недолго. Французский гусарский полковник Юльнер выехал к нему на красивой, сытой, серой лошади с видом довольства и исправности, которое было и на его солдатах, находившихся в цепи. Это было то первое время кампании, когда войска еще находятся в исправности, почти равной смотровой мирной деятельности, только с оттенком неформенной воинственности и с нравственным оттенком того веселья и раздраженности, предприимчивости, которые всегда сопутствуют началу кампании. Войска чистятся, щеголяют, как будто не зная того, что очень скоро они не только не будут успевать расчесывать хвосты лошадей, но и свои собственные

---

⁸⁸ *Зач.*: манифест

⁸⁹ *В рукописи*: не останется

⁹⁰ *На полях конспект*: Поездка Балашева. Мюрат – Даву. Вдруг соскочили (у Даву). Генерал-адъютант. Он пленный и даже страшно. Фальшивые ассигнации и расстрел мародеров. Наполеон сам не знает, зачем перешел. Перешел потому, что сел верхом и легко перейти. Какие требует условия? Императора австрийского успокоил подарками, кольцо бриллиантовое, в ту минуту, как он говорит с Балашевым.

⁹¹ *Зачеркнуто*: В эту же ночь

⁹² *Слово*: то вставлено позднее.

⁹³ *След. два слова надписаны позднее.*

⁹⁴ *След. пять слов – позднейшая вставка.*

⁹⁵ *Окончание фразы надписано позднее. Далее зач.*: Балашев выехал верхом в сопровождении двух казаков и трубача под впечатлением последней беседы с государем и лестного чувства быть представителем могущественнейшего и благороднейшего из государей.

⁹⁶ *Позднее зач.*: непочтительное и далее *вписано*: и, главное, непочтительное

⁹⁷ *Зач.*: крупинка

волосы, как будто не знают, что скоро не только не будет веселья, но будет страх, ужас, страдания и смерть.⁹⁸

Полковник Юльнер был сдержанно и достойно учтив, видимо понимая⁹⁹ всё значение посылки Балашева. Он провел его¹⁰⁰ мимо своих солдат и с приятной улыбкой вступил с ним в разговор.

Не проехали они 100 шагов, как навстречу им показался едущий король Неаполитанский, тот самый Мюрат, [который] так бойко один взял Венский мост и который за все свои услуги Наполеону теперь уже давно был королем Неаполитанского королевства. Когда Юльнер, указывая на блестящую группу, впереди которой ехал в красной мантии, облитый золотом и дорогими камнями¹⁰¹ Мюрат, сказал, что это – Неаполитанский король, Балашев¹⁰², в знак согласия и уважения, слегка наклонил голову и поехал навстречу Мюрату, который был теперь король,¹⁰³ величавее и представительнее, чем он был в 1805 году на Венском мосту, где они с Бельяром эскамотировали¹⁰⁴ другую половину Вены. Это был уже тот Мюрат, который назывался Неаполитанским королем, во что все совершенно искренне верили. Это был тот Мюрат, который¹⁰⁵ накануне того дня, когда, по требованию Наполеона присоединиться к его армии, он выезжал из Неаполя, прохаживаясь под руку с своей супругой и придворными по улицам Неаполя и когда два пирожника-итальянца вскочили от своих мест и прокричали¹⁰⁶ для того, чтобы развлечься от скучных занятий дня: *Viva il re!*¹⁰⁷ Мюрат с грустной улыбкой, которая тотчас же, как и всякая царская улыбка, отразилась на лицах придворных, сказал:

– *Les malheureux! Je les plains... ils ne savent pas que je les quitte demain.*¹⁰⁸

Он, как немного разъехавшийся, но всё готовый на службу старый конь, ехал на арабском жеребце, *chamarré d'or et des pierreries*,¹⁰⁹ веселый, сияющий, оживленный прежним привычным делом войны, подъехал навстречу Балашеву, притронулся рукой к своей обшитой золотом и с страусовыми перьями шляпе и весело приветствовал генерал-адъютанта императора Александра.¹¹⁰ Он подъехал близко и положил руку на холку лошади Балашева. Его добродушное усатое лицо сияло самодовольством, когда Балашев, разговаривая с ним, поддавал ему: *à Votre Majesté, de Votre Majesté*¹¹¹ во всех падежах, с неизбежной аффектацией учащения титула обращаясь к лицу, для которого титул этот еще нов.

⁹⁸ *Зачеркнуто позднее вписанное на полях:* Еще война была похожа для Балашева и Мюрата на веселую игру, хотя, в сущности, настоящее значение ее уже начиналось для некоторых: для одного казака, раненного на аванпостах пульей в локоть и которому доктора, пользуясь еще редким тогда случаем операции, весело отрезали руку, и кое для кого больных, завязших в грязи, избитых и ограбленных в той и другой армии.

⁹⁹ *Зач.*: всю важность

¹⁰⁰ *Зач. позднее:* через цепь и вывел навстречу ехавшему Мюрату, так как *Вместо зач. надписан конец абзаца и далее, кончая словами:* тот самый Мюрат,

¹⁰¹ *Слово:* камнями *пропущено в этой рукописи и восстановлено по следующей.*

¹⁰² *Слово:* Балашев *переделано позднее из:* Балашеву. *Далее зач.:* невольно пришло в голову, как и всем, кто тогда слышал про Мюрата или видел его: почему же гасконец без роду-племени, образования и ума – Неаполитанский король и почему – не я Неаполитанский король? Но почему бы это ни было, все верили, что Мюрат – Неаполитанский король, хотя в душе и знали, что это только на короткое время, верили и его подданные и чужие и называли его «ваше величество». И больше всех сам Мюрат верил, что он – действительно Неаполитанский король. Он верил в это так сильно, что *Вместо зач. надписано, кончая словами:* Мюрату, который был теперь король,

¹⁰³ *Зач.:* в чем никто не сомневался. *Дальнейший текст, кончая словами:* Это был тот Мюрат, который *вписан позднее.*

¹⁰⁴ *Галлицизм от франц. слова excommunié – отлучать.*

¹⁰⁵ *Зачеркнуто:* уезжая

¹⁰⁶ *Зач.:* ему в

¹⁰⁷ Да здравствует король;

¹⁰⁸ Несчастные! Мне их жаль... они не знают, что завтра я их покидаю. *Далее зач.:* Этот самый *и вписаны след. одиннадцать слов, причем осталось незачеркнутым слово:* был

¹⁰⁹ [разукрашенный золотом и драгоценными камнями,]

¹¹⁰ *Следующая фраза вписана на полях позднее.*

¹¹¹ [Вашему Величеству, о Вашем Величестве]

Понравилось ли Мюрату лицо Балашева, или вообще он был хорошо, весело расположен прекрасным утром и верховой прогулкой, но он, слезши с лошади и взяв под руку Балашева, вступил в тон разговора вовсе не королевского и не вражеского, а в тон добродушных, веселых¹¹² слуг ссорящихся господ, которые останутся добрыми приятелями, несмотря ни на какие отношения между принципалами.

– Eh bien, général! Tout est à la guerre, à ce qu' il paraît,¹¹³ – сказал Мюрат.

Балашев сознался, что это действительно так, но заметил, что государь Александр не желал войны и что его посылка служит доказательством этого.

– Так вы считаете зачинщиком войны не императора Александра? – сказал Мюрат с добродушной улыбкой из-под своих усов.

Поговорив о причинах войны, Мюрат сказал, вероятно, то, что он и не желал сказать, но сказал под влиянием развеселения:

– ¹¹⁴Je désire de tout mon coeur que les empereurs s'arrangent entre eux, et que la guerre commencée malgré moi se termine le plus tôt possible.

– Je ne vous retiens plus. Charmé d'avoir fait votre connaissance, général,¹¹⁵ – прибавил Мюрат, и Балашев, откланявшись его величеству, поехал дальше, по словам Мюрата, предполагая весьма скоро встретить самого Наполеона.

Но вместо скорой встречи с Наполеоном часовые пехотного корпуса Даву опять задержали Балашева, и вызванный адъютант командира корпуса проводил его к маршалу Даву.

Сумрачный солдат Даву был совершенная противоположность Мюрату.

[*Далее со слов: Это был Аракчеев императора Наполеона кончая: когда к нему ввели Балашева близко к печатному тексту. Т. III, ч. I, гл. V.*]

¹¹⁶Он еще более углубился в свою работу, когда вошел русский генерал, и, взглянув¹¹⁷ через очки на веселое и представительное под впечатлением прекрасного утра и беседы с Мюратом лицо Балашева, еще больше нахмурился и зло усмехнулся.¹¹⁸

«Вот мы, французы с любезностями, – подумал он, – теперь не до любезностей. Я был против этой войны, но ежели раз уж война начата, то надо не любезничать, а работать».¹¹⁹ Заметив на лице Балашева неприятное впечатление, Даву строго, холодно обратился к нему с грубым вопросом: что ему нужно. Предполагая, что такой прием мог быть сделан ему только потому, что Даву не знает, что он генерал-адъютант императора Александра и¹²⁰ даже представитель его перед Наполеоном, Балашев поспешил сообщить свое звание и назначение.

В противность ожидания его, что это известие мгновенно переменит тон и обращение Даву на самый почтительный, как это обыкновенно бывает с людьми грубыми, Даву, выслушав Балашева, стал еще суровее и грубее.

«Где же ваш пакет? – сказал он. – Donnez-le moi, je l'enverrai à l'Empereur».¹²¹

Балашев¹²² сказал, что он имеет личные приказания передать пакет самому императору.

¹¹² *Зач.*: лакеев

¹¹³ Ну, что ж, генерал, дело, кажется, идет к войне,

¹¹⁴ *Зачеркнуто*: Душевно желаю, что

¹¹⁵ Я желаю от всей души, чтоб императоры покончили дело между собой и чтобы война, начатая против моей воли, окончилась как можно скорее. Я вас не задерживаю более. [Рад был познакомиться с нами, генерал.]

¹¹⁶ *На полях запись для памяти, относящаяся к другому месту*: Князь Андрей говорит, что он мучитель, и с прокл[ятием] его уезжает.

¹¹⁷ *След. два слова вписаны позднее.*

¹¹⁸ *Зач.*: продолжая карандашом отмечать кресты на полях бумаги.

¹¹⁹ *Зач.*: Поставив в неловкое положение Балашева тем, что он не сразу обратился к нему, и искосясь

¹²⁰ *Зач.*: подавив и надписано: даже

¹²¹ Дайте мне, его я пошлю императору. *Далее зачеркнуто позднее*: Выпустив напрасно всю последнюю надежду на смягчение Даву,

¹²² *Зач. позднее*: нахмурился и

– Приказания вашего императора исполняются в вашей армии, а здесь, – грубо сказал Даву, – вы должны делать то, что вам говорят. – И как будто для того, чтобы еще больше дать почувствовать русскому генералу его зависимость от грубой силы, Даву высунулся из сарая и¹²³ кликнул дежурного.

Балашев вынул пакет, заключающий письмо государя, и,¹²⁴ не глядя на Даву, положил его на стол (стол, состоявший из двери, на которой торчали еще оторванные петли, положенной на две бочки).

Даву взял конверт и прочел надпись.¹²⁵

– Вы совершенно в праве оказывать или не оказывать *мне* уважение, – сказал Балашев, – но позвольте вам заметить, что я имею честь носить звание генерал-адъютанта его величества... Где я могу подождать ответа?

Даву¹²⁶ взглянул на него¹²⁷ молча. Он, видимо, соображал,¹²⁸ не ошибся ли он в самом деле, слишком удовлетворяя своей потребности¹²⁹ показать, что он – работник, а не любезник.

– Вам будет оказано должное, – сказал он и, положив конверт в карман,¹³⁰ вышел из сарая.¹³¹ Через минуту вошел адъютант и провел Балашева в приготовленное для него помещение.

Балашев обедал в этот день с маршалом, в том же сарае, на той же доске на бочках, и еще три дня провел при главной квартире Даву, с нею вместе передвигаясь вперед по направлению к Вильно, и уже не видя маршала, а имея при себе неотлучно адъютанта французского генерала.

После 4-х дневного уединения, скуки, сознания подвластности и ничтожества, особенно ощутительного после той среды могущества, в которой он так недавно находился, за Балашевым была прислана коляска и он¹³² мимо французских войск, занимавших всю местность, привезен в Вильно, в ту же заставу, из которой он выехал 4 дня тому назад. И к тому же самому лучшему в Вильне дому, в котором он получил последние приказания императора Александра. Четыре дня тому назад у дома этого стояли Преображенского полка часовые, теперь стояли два гренадера с распахнутыми синими мундирами и в мохнатых шапках. У крыльца дома толпились генералы и местные чиновники, из которых некоторые узнали Балашева и¹³³ отворачивались от него. У крыльца же стояла верховая императорская лошадь, паж, мамелюк Рустан и блестящая свита адъютантов. Вероятно, ждали выхода самого Наполеона.

¹³⁴ В первой комнате Бертье принял учтиво Балашева и, оставив его, прошел к Наполеону.¹³⁵ Через 5 минут он вышел и объявил, что императору угодно сейчас принять его.

¹²³ *Зач. позднее:* окликнул конвой, который сопровождал Балашеву и *вписаны след. два слова.*

¹²⁴ *Зач. позднее:* с жестом оскорбленного достоинства

¹²⁵ *Зач.:* – Ежели вам неуютно

¹²⁶ *Зач.:* – ясно

¹²⁷ *След. слово вписано позднее.*

¹²⁸ *Зач. ранее написанное:* как ему поступать и *написаны след. восемь слов.*

¹²⁹ *Зач. ранее написанное:* оскорбить человека и *вписано окончание фразы.*

¹³⁰ *Зач. позднее:* <проводил> приказал позвать адъютанта и, оставив проводить Балашева в соседнюю, пустую избу, занимаемую им <его с Балашевым>, вышел из сарая. *Вместо зач. вписано на полях окончание фразы.*

¹³¹ *Зач. позднее:* Во время его отсутствия адъютант убрал бумаги с двери, и денщики маршала накрыли тот же стол. И Балашев имел удовольствие обедать с маршалом, который говорил весьма мало о погоде и лошадях, но казался уже менее суровым. После обеда приставленный к Балашеву адъютант проводил его в назначенную для него избу. На другой день маршал Даву зашел к нему и объявил, что он еще не получил ответа, когда император Наполеон захочет принять русского генерала, но что он должен оставить его. – Мой дом к вашим услугам, – сказал Даву, <кланяясь>. – Прошу вас об одном, генерал, не говорить ни с кем, кроме как с господином NN (адъютант, приставленный к Балашеву). *Вместо зач. на полях вписано, кончая словами:* адъютанта французского генерала.

¹³² *Следующие шесть слов – позднейшая вставка.*

¹³³ *Зачеркнуто позднее:* старались не глядеть на него. В доме стоял Наполеон и всегдашний сотрудник Наполеона – маршал Бертье и *написано:* отворачивались от него.

¹³⁴ *Три первые слова вписаны позднее.*

Наполеон ждал Балашева и ждал его с тем волнением, которое не оставляло его всегда, когда дело касалось сношений с аристократами царской крови, из которых блестящее всех, и физическими и нравственными качествами, представлялся ему Александр. Он знал, что всякое слово, движение его, все впечатления, которые он произведет на посланного, будут переданы Александру. Он выбрал самое выгодное свое время – утро и самый, по его мнению, величественный свой костюм – открытый мундир с лентой *legion d'honneur*¹³⁶ на белом пикейном жилете и ботфорты, которые он употреблял для верховой езды. Сбор блестящей свиты у подъезда был тоже рассчитан. Наполеон решил принять Балашева на выходе для верховой прогулки и принял его стоя в своем маленьком кабинете. Он стоял у окна комнаты, облокотясь на маленький столик своей маленькой белой рукой, играя табакеркой, и слегка наклонил голову¹³⁷ в ответ на почтительный поклон Балашева.¹³⁸

«Буду спокоен и величествен. Выражение сознания силы есть спокойствие, думал в это время Наполеон. Оставлю его всё высказать¹³⁹ и покажу ему свою¹⁴⁰ власть. Покажу ему, как дерзко было требовать выхода моих войск из Померании и как они наказаны за это требование вступлением моих войск в их пределы». Воспоминание о требовании очищения Померании в первую минуту, когда оно получено было в <Дрездене>....., особенно оскорбило Наполеона по стечению разных обстоятельств и потому, что оно пришло к нему тогда, когда он был дурно настроен, и потому, что за час перед этим он говорил Бертье, что Россия предложит условия мира теперь, и потому воспоминание это начало было поднимать оскорбленное чувство в его душе. Но он сейчас же сказал себе: «Этого не будет. Теперь, занимая ту самую Вильну, из которой послан этот генерал-адъютант, я должен одним спокойствием показать свою силу».

«Ну! вы меня видите, не смущайтесь, придите в себя, успокойтесь и говорите, что вам нужно сказать», говорил его взгляд.

– Sire! L'Empereur, mon maître,¹⁴¹ – начал Балашев,¹⁴² немного смутясь, но с свойственной ему свободой и изяществом элокуции¹⁴³. Он передал Наполеону всё, что ему было приказано. Передал, что император Александр удивлен вступлением французских войск в русские пределы, что не он начинает войну и не желает ее, что князь Куракин требовал свои паспорта без ведома императора Александра, что с Англией еще нет никаких сношений и что император Александр желает мира, но приступит к нему [не иначе], как с тем условием, чтобы войска вашего величества отступили за Неман. Он сказал, чтобы *войска фр[анцузов] отступили за Неман*, а не сказал ту фразу, которая, очевидно, особенно нравилась императору Александру, которую он не написал в письме, которую он непременно приказал вставить в приказ войскам и которую он приказал Балашеву передать Наполеону. Балашев помнил про эти слова – «пока ни один вооруженный неприятель не останется на земле русской», – но какое-то необъяснимое сложное чувство, называемое тактом, удержало его – он, глядя в глаза, не мог сказать этих слов, хотя и хотел это сделать. Слишком личное чувство оскорбления слышалось в этих словах, и, вероятно, инстинкт, т. е. не один ум, а совокупность всех способностей, воспрещал Балашеву сказать их. Наполеон выслушал всё спокойно, но последние слова, хотя и смягченные, кольнули его. Кольнули еще более потому, что в них слышалось воспоминание о прежнем

¹³⁵ След. пять слов вписаны позднее.

¹³⁶ [почетного легиона]

¹³⁷ Зач.: принимая письмо

¹³⁸ Весь след. абзац вписан на полях позднее.

¹³⁹ Зачеркнуто: и заставлю

¹⁴⁰ Зач.: силу

¹⁴¹ Ваше величество! Император, государь мой

¹⁴² След. три слова вписаны позднее.

¹⁴³ выражения (от лат. слова *elocutio*).

требовании очистить Померанию, требованье, кончившееся тем, что я вступил в Россию,¹⁴⁴ – подумал он.

– Я желаю мира не менее императора Александра, – начал он. – Я 18 месяцев, – сказал он, – делаю всё, чтобы получить его. Я 18 месяцев жду объяснений. – Но он начал говорить и уже одно слово независимо от его воли, погоня другое, вырывалось из него, воспоминание о требовании очистить Померанию, кончившееся вступлением в Россию, представилось и тотчас же выразилось словами.

– Но для того, чтобы начать переговоры, чего же требуют от меня?

– Отступления войск за Неман.

Наполеон как будто не обратил на это внимания и продолжал: – Но для того, чтобы возможны были переговоры, нужно было, чтобы вы не были связаны с Англией.

Балашев передал в этом уверение императора Александра, что союза с Англией не было.

Наполеон еще раз¹⁴⁵ вывел сообщение о требовании отступить за Неман, только за Неман. Это требование нужно было ему. Оно было и оскорбительно и успокоительно для¹⁴⁶ него. «Вместо требования 4 месяца тому назад отступить из Померании, теперь требовали отступить только за Неман, и тогда союз и вражда с Англией продолжалась. Да, так и понимаю», думал Наполеон и хотел сказать, что после теперешнего требования отступить за Неман скоро будут требовать от него только отступить от Москвы. Но нет, я не скажу ничего лишнего, я не разрушу на него (на Александра через Балашева) это впечатление спокойного сознания силы. Но он¹⁴⁷ уже начал говорить и, чем больше он говорил, тем менее он становился в состоянии управлять своей речью. Все оскорбительные воспоминания о требовании очистить Померанию, о непризнании его императором в 1805 и 6 году, об отказе в руке великой княжны – все воспоминания эти восставали в нем по мере того, как он говорил. И вместе с каждым из воспоминаний этих унижений, против каждого из них восставало в его воображении воспоминание отплаты за унижение и торжества, как торжества Тильзита, Эрфурта, недавнего Дрезденского пребывания.¹⁴⁸ «Все они люди, ничтожные люди», думал он и продолжал говорить, радовался логичной, казавшейся ему неоспоримой, оскорбительности своих доводов. Он давно уже оставил свое положение и, то складывая руки на груди, то закладывая их за спину, ходил по комнате и говорил.

– Такие предложения, как то, чтобы очистить Одер и Вислу, можно делать принцу Баденскому, а не мне. Ежели бы вы мне дали Петербург и Москву (*ville asiatique Moscau*,¹⁴⁹ которая была там, в Скифии), я бы не принял этих условий. И кто прежде приехал к армии? Император Александр, а не я. Хотя ему нечего делать при армии. Я – другое дело, *je fais mon métier*.¹⁵⁰ И какое прекрасное царствование могло быть его царствование, – говорил он, как будто жалея о мальчишке, который вел себя дурно и не заслужил конфетку.¹⁵¹ – Я ему дал Финляндию, я бы ему дал Молдавию и Валахию. Говорят, что вы заключили мир?

¹⁴⁴ *Позднее зачеркнуто*: хотел сказать он, но воздержался. Он начал с того, что он желал мира не менее императора Александра. *Вместо зач. написано*: подумал он и первые семь слов следующего абзаца.

¹⁴⁵ *Зач.*: повторил вопрос.

¹⁴⁶ *Зач. позднее*: его оскорбленного самолюбия и *вписано*: него.

¹⁴⁷ *Зач. написанное ранее*: выслушав [?] всё, если начал и *написаны след.* два слова.

¹⁴⁸ *Зач. позднее*: Вспомнилось ему по самой сложной филиации идей (в то время, как он говорил о другом) последнее его столкновение с матерью его жены, императрицей Австрийской, которая не хотела ехать в Дрезден и не хотела обедать у него. И вспомнилась ему ее покорность и радостная улыбка, когда <он три дня сряду> после 3-х дней, во время которых посылал каждое утро камергера графа Роган узнать о ее здоровье и передать ей вазу, драгоценную коллекцию камеев и колье жемчугов. В другую минуту вспомнилось ему кроткое и запуганное лицо Марии Луизы, когда он встретил ее в Дижоне, вспомнил [ись] обеды и вечера в Эрфурте.

¹⁴⁹ [азиатский город Москву,]

¹⁵⁰ [я делаю свое дело.]

¹⁵¹ *Зачеркнуто*: Он был пайныка в Эрфурте и Тильзите, я ему дал игрушки и еще бы дал, а теперь подумаю и кажется, что

Балашев подтвердил это известие, но Наполеон не дал ему говорить, особенно говорить то, что было неприятно ему (а это было очень неприятно). Ему нужно было говорить самому одному, доказывать, что он прав, что он добр, что он велик, и он продолжал говорить с тем красноречием и невоздержанием раздраженности, к которому так склонны вообще балованные люди, и с тем красноречием невоздержания и раздраженности, с которыми он говорил в 1803 с английским посланником и недавно с князем Куракиным.

– Да, – продолжал он, – я обещал ему и дал бы ему Молдавию и Валахию, а теперь он не будет иметь этих прекрасных провинций. Он бы мог, однако, присоединить их к своей Империи и в одно царствование он бы расширил Россию от Ботнического залива до устьев Дуная. Катерина Великая не могла бы сделать более, – говорил Наполеон, всё более и более разгораясь, ходя по комнате и повторяя Балашеву почти те же слова, которые он говорил самому Александру в Тильзите. – *Tout cela il l'aurait dû à mon amitié!*.. Ah, quel beau règne, quel beau règne, – повторил он несколько раз и остановился, – *quel beau règne aurait pu être celui de l'empereur Alexandre!*¹⁵² Он¹⁵³ с сожалением взглянул на Балашева, и только что Балашев хотел заметить что-то, как он опять поспешно перебил его. В эту минуту Наполеону до озлобления непонятно было, как мог Александр отступить от блестящей (так казалось Наполеону) программы, начертанной ему.

– Чего он мог желать и искать такого, чего бы он не нашел в моей дружбе?.. Нет, он нашел лучшим окружить себя и кем же? – продолжал Наполеон, перебивая Балашева. – Он призвал к себе Штейнов, Армфельдов, Винцингероде, Бенигсенов. Штейн, прогнанный из своего отечества, – повторил Наполеон с озлоблением, и краска бросилась в его бледное лицо. Воспоминание о Штейне потому особенно сильно оскорбило его, что он начал с того, что ошибся в Штейне – сам считал его за ничтожного человека, рекомендовав его прусскому королю: «*Prenez Stein c'est un homme d'esprit*»,¹⁵⁴ и потом, узнав ненависть Штейна к Франции, подписав в Мадриде декрет, конфискующий все имения Штейна и требующий его выдачи. Оскорбительнее же всего было для Наполеона связанное с именем Штейна воспоминание о том, как он велел взять безвинно сестру Штейна и привезти ее судить в Париж. Этого уже не мог простить Наполеон, и он продолжал, еще более раздраженный и невластный управлять своим языком. – Армфельд – развратник и интриган, Винцингероде – беглый подданный Франции, Бенигсен – несколько более военный, чем другие, но все-таки неспособный, который ничего не умел сделать в 1807 году и который бы должен возбуждать в императоре Александре ужасные воспоминания... Положим, ежели бы они были способны, можно бы употреблять, – продолжал Наполеон, едва успевая словами поспевать за беспрестанно возникающими соображениями, показывающими ему его правоту, – но и того нет: они не годятся ни для войны, ни для мира. Барклай, говорят, дельнее их всех, но я этого не скажу, судя по его первым движениям. А они что делают?¹⁵⁵ что делают? – сказал Наполеон, еще более раздражаясь при мысли о том, что император Александр допускает в свою *intimité*,¹⁵⁶ которой так [1 неразобр.] и которой так дорожил Наполеон, допускает тех лиц, которых он презирал больше всего на свете и немедленно бы повесил, ежели бы они попали в его руки.

[Далее от слов: Пфуль предлагает, Армфельд спорит, Бенигсен рассматривает, кончая: но Наполеон перебивал его *близко к печатному тексту. Т. III, ч. I, гл. VI.*]

не дам, несмотря на всё мое желание, оттого, что не заслуживает.

¹⁵² Всем этим он был бы обязан моей дружбе!.. О, какое прекрасное царствование *могло бы* быть царствование императора Александра! О, какое прекрасное царствование!

¹⁵³ *Зачеркнуто:* кротко

¹⁵⁴ [«Возьмите Штейна, он человек умный»].

¹⁵⁵ *Зач.*: Они было выговорено с таким презрением и озлоблением, что Балашев чувствовал, как оскорблен был

¹⁵⁶ [близость.]

Например, о безумии шведов Балашев хотел сказать, что Швеция есть остров, когда Россия за нее. Но он и не пытается теперь уже говорить, он, не рассуждая, не умом, но всем существом своим чувствовал, что Наполеон находится теперь в том состоянии, в котором бывают все люди, в состоянии возбуждения нервов и происходящей от того потребности говорить, говорить и говорить только для того, чтобы самим себе доказать свою справедливость. С одной стороны, Балашеву приятно было видеть это раздраженное состояние; он видел, что Наполеон поступает дурно, говоря ему всё то, что он говорил. (Он это видел особенно по грустно-равнодушному выражению лица присутствующего Бертье, очевидно, не одобрявшего слова Наполеона.) С другой стороны, Балашев боялся уронить свое достоинство посланного императора и всякую секунду был готов на отражение.

– Да что мне эти ваши союзники? У меня союзники – это поляки. Их 80 тысяч, они дерутся, как львы. И их будет 200 тысяч. (Откуда будут эти 200 тысяч, подумал Бертье, грустно вздыхая.)¹⁵⁷ «Тоже писали протест о герцоге Ольденбургском», – подумал Наполеон, и, вспомнив это прежнее оскорбление, он продолжал:

– Ежели вы поколеблете Пруссию против меня, знайте, что я сотру ее с карты Европы, – сказал он, всё более и более разгораясь, с энергическим жестом маленькой руки. – Да, я заброшу вас за Двину, за Днепр и восстановлю против вас ту преграду, которую Европа была преступна и слепа, что позволила разрушить. Да, вот что с вами будет, вот что вы выиграли, удалившись от меня, – заключил Наполеон, начавший говорить с Балашевым с твердым намерением узнать взгляд императора Александра на дела войны и с намерением выговорить настоящий мир.

Остановившись против Балашева, чувствуя потребность заключить чем-нибудь свою странную речь, дошедшую в конце до итальянской восторженности, он опять сказал с поддразнивающим сожалением: «*Quel beau règne aurait pu avoir votre maître, aurait pu avoir.....*»¹⁵⁸

¹⁵⁹На доводы Балашева, который старался доказать, что со стороны России дела не представляются в таком мрачном виде, в каком они представляются Наполеону, что от войны генералы и союзники ожидают всего хорошего, Наполеон снисходительно кивал головой, как бы говоря: «Знаю, так говорить ваша обязанность, но вы сами в это не верите...»

– Уверьте от моего имени императора Александра, – перебил он, очевидно и не слышав того, что говорил Балашев, – что я ему предан попрежнему, я знаю его совершенно и весьма высоко ценю высокие его качества.¹⁶⁰

– Dieu, mon dieu, quel beau règne *aurait pu avoir* votre maître... Je ne vous retiens plus, général, vous recevrez ma lettre a l'empereur.¹⁶¹ – И Наполеон¹⁶² в своих ботфортах решительным шагом пошел, предшествуемый пажам, садиться, чтобы ехать на свою прогулку¹⁶³.

Балашев полагал, что он откланялся, но в 4-м часу он был приглашен к столу императора. На этом обеде, на котором присутствовали Бессьер, Коленкур и Бертье, Балашев был более настороже, при каждом вопросе Наполеона стараясь найти ту дипломатическую шпильку, ту тонкость Марк[ова] платка, которая бы почтительно отразила надменный тон Наполеона. И две такие дипломатические шпильки были найдены им: одна была ответ на вопрос Наполеона

¹⁵⁷ *Зачеркнуто:* Я отниму у вас польские провинции. Я отниму у всех родных вашего царствующего дома что остается у них в Германии. И пришлю их вам без корон и без владений. *Вместо зач. на полях вписано, кончая словами:* он продолжал:

¹⁵⁸ [Какое прекрасное царствование могло бы быть у вашего государя, *могло бы быть.....*]

¹⁵⁹ *Зач.:* Несмотря

¹⁶⁰ *Зачеркнуто:* Боже мой, боже мой

¹⁶¹ [Боже, боже, какое прекрасное царствование *могло быть* у вашего государя...] Не удерживаю вас более, генерал, вы получите мое письмо к государю.

¹⁶² *Зач.:* задумчиво спустив голову

¹⁶³ *На полях написано позднее:* «Que diable allait il faire dans cette galère» [«Какой чорт занес его туда»], возвращался он всё к сожалению о том, что Александр так испортил свою карьеру, и очевидно было, что он только о себе думал это.

о Москве, о которой он спрашивал, как о городе, который с приятностью и любознательностью путешественника намерен посетить в скором времени.

– Сколько жителей, сколько домов, какие это дома? Сколько церквей? – спрашивал Наполеон. И на ответ, что церквей более 200, заметил, что¹⁶⁴ большое количество монастырей и церквей, которое он заметил и в Польше, есть признак отсталости народа. Балашев почтительно и радостно, найдя помещение своей дипломатической шпильке, позволил себе не согласиться с мнением французского императора, заметил, что есть две страны в Европе, где цивилизация не может истребить религиозного духа народа. Страны эти – Россия и Испания, – пустил свой букет Балашев. Но как высоко был оценен этот букет дипломатического остроумия впоследствии, по рассказам Балашева, в кругах врагов Наполеона, так мало он был оценен за обедом и прошел незаметно. По равнодушным и недоумевающим лицам господ маршалов видно было, что они недоумевали, в чем тут состояла острота, на которую намекала интонация Балашева. «Ежели и была она, то мы не поняли ее или она вовсе не остроумна», говорили выражения лиц маршалов. Другая шпилька, столь же мало оцененная, состояла в том, что на вопрос Наполеона о дорогах к Москве, Балашев отвечал, что *comme tout chemin mène à Rome, tout chemin mène à Moscou*,¹⁶⁵ и что в числе разных¹⁶⁶ путей Карл XII избрал путь на *Полтаву*. Но это также показалось не остроумно.

[Далее от слов: и не успел Балашев досказать последний слог *Poltava*, кончая: и война началась близко к печатному тексту. Т. III, ч. I, гл. VII.]¹⁶⁷

№ 164 (рук. № 89. Т. III, ч. 1, гл. VIII—IX).

<Князь Андрей после¹⁶⁸ пребывания в Москве¹⁶⁹ не жил. Ничто его не интересовало, не радовало, не огорчало: ни вступление неприятеля в Россию, ни свидание с отцом, с сыном. Он не думал о¹⁷⁰ г-же Ростовой, ее не существовало для него. Он чувствовал только рану, такую большую, что он ни о чем, кроме о боли, не мог думать.¹⁷¹ Одно только ему хотелось – это увидеть *его* и убить его, этого ему хотелось, как хочется раненому расчесать свою рану. Это – не нужно, не поможет, но нельзя удержаться. Перед отъездом в армию, куда он был назначен по рекомендации Кутузова состоять при штабе в[оенного] м[инистра]¹⁷² Барклая де Толли, он заехал в Лысье Горы, которые были на Смоленской дороге. —

У отца было всё по-старому, но только значительно хуже, чем прежде. Страдания¹⁷³ княжны Марья становились невыносимыми для нее – она всё переносила и ничего не сказала брату.¹⁷⁴

Отец впадал в страшную ипохондрию. Он поразил сына тем, что почти ничего не говорил с ним по прежнему об общих делах, а только жаловался на всех людей, сговорившихся отравлять его жизнь. Княжна Марья была грустнее обыкновенного.

¹⁶⁴ *Зач.*: это слишком много... Русский народ – набожен.

¹⁶⁵ как всякая дорога, по пословице, ведет в Рим, так и все дороги ведут и в Москву,

¹⁶⁶ *Зачеркнуто*: дорог

¹⁶⁷ *На полях рукописи*: Хлеб вместе съест у древних – сближает.

¹⁶⁸ *Зач.*: <своего> подробностей измены Наташи

¹⁶⁹ *Зач.*: где он узнал подробности сношений его почти невесты с Курагиным,

¹⁷⁰ *Зач.*: Наташе

¹⁷¹ *На полях конспект*: < 1) Дрисса > 2) Р[остов] к удивлению храбр в Островне. 3) Д[олохов] зажигает Смоленск – Бож[ья] мат[ерь]. 4) Н[аташина] молитва. Ахрас[имова]. Дворянское собрание. Крикун Глинка, фальш[ивый] патриотизм. 5) Старый князь умирает. К[няжна] Марья вооружает. 6) Бородино. К[нязь] А[ндрей]. Наташин отъезд. 7) <Pierre в Москве.> N[icolas] Р[остов]. Княжна. 8) Р[иетге] в Москве.

¹⁷² *Зач.*: sous-chef d'état major [помощником начальника главного штаба]

¹⁷³ *Зач. позднее*: и мучения

¹⁷⁴ *Зач.*: но даже для посторонних <для> людей *Следующий абзац – позднейшая вставка на полях.*

Лавер, старый дядька князя Андрея, не боявшийся ничего сказать своему барину, уложив его в первую ночь спать во флигеле, расставив ноги, с свечой в руке, остановился.¹⁷⁵

– Постарели князь, очень постарели, – сказал он.

– А что?

– А и люди говорят, да и сам я видел,¹⁷⁶ всё в гневе, да [?] в гневе. Добро, прежде они изволили выходить, и Алпатыч подвернется, и ахтителтур, всё на них злобу выместят; а нынче, как никуда не выходят, всё одна княжна отвечают.¹⁷⁷ Жалкое их житье. – Князь Андрей промышал что-то и кивнул ему головой.¹⁷⁸ «А разве он и сам, отец, разве не мучается, подумал князь Андрей, разве кто-нибудь на свете, кроме животных, не мучается. Всё это так должно быть. Нечего говорить. Завтра еду смотреть, как в армии мучаются хорошие люди и торжествуют, наслаждаются животные».

Но на следующее утро отец, уже имевший прежде прихода князя Андрея столкновение с дочерью за то, что она не пришла к нему с Коко поутру, тогда как он¹⁷⁹ никогда [?] не велел ей приходить без зову, отец о первом стал говорить с ним о дочери.»¹⁸⁰

Он¹⁸¹ говорил, что ежели он болен, то только от нее, что она нарочно мучает и раздражает его, что она баловством и глупыми речами портит маленького Коко.¹⁸²

Князь Андрей, само собой разумеется, ничего не мог сказать и помочь ему. Но¹⁸³ старый князь говорил для того, чтобы сын мог выслушать и промолчать.¹⁸⁴ Старый князь чувствовал в глубине души, что он виноват перед дочерью, что он мучает и как только можно мучать живое существо, но не мучать ее он не мог. Стало быть, надо было ее мучать, и он был прав, что мучал ее, и на то были причины. И он нашел эти причины. Смутно ему казалось, что князь Андрей не одобряет его образа действий. Он, верно, не понимает, и потому надо объяснить ему, надо, чтобы он выслушал. И он стал объяснять. Но князь Андрей в том душевном состоянии, в котором он находился, не мог спокойно слушать.¹⁸⁵

¹⁷⁵ *Зач.*: Воля ваша, наше дело холопское. *Следующие две фразы – позднейшая вставка.*

¹⁷⁶ *Зачеркнуто позднее*: нашей матушке жить так нельзя. Хоть бы вы, батюшка, князю сказали. *Следующие шесть слов надписаны вместо зачеркнутого.*

¹⁷⁷ *Зач. позднее*: Князя Андрея поразило, что Лавер имел такой же, как и он сам, взгляд на господское сердце. Он *Вместо зач. надписаны следующие восемь слов.*

¹⁷⁸ *Зач.*: и промышал: гм, гм. Лавер ушел. Князь Андрей не хотел вмешиваться в дела сестры. Он видел, что ее замучивает отец.

¹⁷⁹ *Зач.*: вечером

¹⁸⁰ *Против зач. варианта на полях позднее вписано новое начало главы, тоже зачеркнутое*: Князь Андрей, возвратившись из Швейцарии с instituteur'ом, [учитель], в деревне получил письмо Наташи и, ничего не сказав сестре, <тут же решил поступить в военную службу и ехать в Турцию. В Москве он был проездом, уже получив назначение в турецкую армию. Когда до Букарешта дошли слухи об объявлении войны Франц[ией], князь Андрей перешел опять в западную армию, куда он по протекции Кутузова был назначен к штабу Барклая де Толли. Перед прибытием к армии он заехал в Лысье Горы> поехал в Москву, чтобы узнать подробности и увидеть, т. е. убить этого господина – он не мог называть его имени, но он <так же> твердо знал, что он должен убить и убьет его, <как и то, что он был>. В Москве, увидавшись с Ригт'ом, Андрей решил, что ее не существует, а что его надо поскорее убить. Случилось, что Курагин уехал в турецкую армию. Для князя Андрея это было очень кстати. Самому ему надо было что-нибудь делать. Он подал прошение о вступлении опять в военную службу и поехал в Турцию в штаб Кутузова. Приехав в Турцию, случайно или потому, что Курагин узнал о приезде князя Андрея, но Анатолий ни разу не встретился ему и уехал в Россию. Князь Андрей отпросился в Россию и, приехав в Москву, узнал о предстоящей войне и о том, что Курагин опять в армии при генерале Витгенштейне. Опять это было кстати, и князь Андрей получил место при Барклае де Толли и поехал в армию. По дороге он заехал в Лысье Горы. *Рядом с текстом на полях заметка*: С этим планом он поехал в Турцию.

¹⁸¹ *Зач. позднее*: жаловался Андрею, что она на и *надписано*: говорил

¹⁸² *Зачеркнуто позднее*: – Хоть бы оставила Бурьен, сама бы вышла замуж, я не держу, или в монастырь, она любит... Чем дальше он говорил, тем больше разгорался и тем убедительнее для него самого становилась его безвинность в отношении княжны Марьи и все ее вины в отношении к нему. Чего хотел старый князь, жалуюсь на дочь?

¹⁸³ *След. семь слов вписаны позднее.*

¹⁸⁴ *Зач.*: и тогда бы это много для него значило.

¹⁸⁵ *Зач.*: Ему тоже нужно было бороться и спорить и делать других несчастливими. «Что ж мне его жалеть? – подумал князь Андрей. – Он мне отец, пока он справедлив, magnus amicus Plato, sed majus amica veritas» [большой друг Платон, но

– Ежели вы спрашиваете меня, – сказал князь Андрей, не глядя на отца (он в первый раз в жизни осуждал своего отца), – я не хотел говорить, ежели вы меня спрашиваете, то я скажу вам, что¹⁸⁶ напротив, я нежнее и добрее существа княжны Марьи не знаю и не могу понять, за что вы ее отдаляете от себя. Ежели уж вы спрашиваете меня, – продолжал князь Андрей, раздражаясь, потому что он всегда был готов на раздражение это последнее время, и не соображая того, что он говорит, – то я одно могу сказать, что княжна Марья и так жалка мне.¹⁸⁷ Маша¹⁸⁸ такое добрейшее и невиннейшее существо, которое надо жалеть¹⁸⁹ и лелеять, потому что... – князь Андрей не мог договорить, потому что старик выпучил сначала глаза на сына, потом сардонически, ненатурально захохотал¹⁹⁰ и хохотом открыл новый недостаток зуба, к которому князь Андрей не [мог] привыкнуть.

– Так ей надо дать волю мучать меня и твоего сына глупостью своей...

– Батюшка, я не могу быть судьей всего, но вы вызвали меня и я сказал и всегда скажу, что¹⁹¹ не столько вы сами виноваты, сколько эта француженка.

– А! Присудил! Ну, хорошо, хорошо. Очень хорошо, – сказал он тихим голосом, потом вдруг вскочил и, с энергическим жестом указывая на дверь, закричал: – Вон! вон! Чтобы духу твоего тут не было...

Князь Андрей вышел с грустной улыбкой. «Всё это так и должно быть на этом свете», подумал он.¹⁹²

Княжна Марья, узнавшая о¹⁹³ ссоре князя Андрея с отцом,¹⁹⁴ стала упрекать его за это.¹⁹⁵

Князь Андрей хотел тотчас же уехать, но княжна Марья упросила остаться еще день. В этот день князь Андрей виделся с отцом. Они [не] говорили о прежнем разговоре. Только старый князь говорил своему сыну «вы» и особенно щедр и предупредителен был в награждении его деньгами. На другой день князь Андрей велел укладываться и пошел на половину сына.¹⁹⁶ Ласковый, по матери кудрявый, мальчик сел ему на колени. Князь Андрей начал сказывать ему сказку о Синей Бороде, но, не досказав, задумался и обратился к Laborde'у.

– Так вы очень хороши с княжной? – сказал он ему. – Я очень рад, что вы сходитесь во взгляде на воспитанье...

– Разве можно не сходитьсь с княжной? – восторженно сложив руки,¹⁹⁷ сказал Laborde. – Княжна это образец добродетели, ума, самоотвержения. Ежели Nicolas не выйдет¹⁹⁸ прекрасным человеком, то это будет не вина окружающих его, – сказал Laborde с наивным самохвальством.

Князь Андрей¹⁹⁹ заметил это, но заметил, как и в прежних своих разговорах с Laborde, его искренний восторг перед княжной.

– Ну, рассказывай же, – говорил сын.

еще больший – истина].

¹⁸⁶ *Зач. позднее:* вы мучаете сестру, que vous lui rendez la via dure [что вы делаете тяжелой ее жизнь] и надписан на полях дальнейший текст, кончая словами: так жалка мне.

¹⁸⁷ *Зач.:* и что

¹⁸⁸ *След. слово вписано позднее.*

¹⁸⁹ *След, два слова вписаны позднее.*

¹⁹⁰ *Конец фразы вписан позднее.*

¹⁹¹ *Конец фразы исправлен позднее из:* в ваших раздорах вы виноваты.

¹⁹² *Зачеркнуто:* И он уехал вечером, не выдав отца и простившись с одной княжной Марьей.

¹⁹³ *Зач. позднее:* причине

¹⁹⁴ *Зач.:* само собою разумеется, упрекала его за это, когда пришла к нему и вписаны след. пять слов.

¹⁹⁵ *Дальнейший текст, кончая словами:* чтобы переговорить с ним вписан на полях позднее.

¹⁹⁶ *В рукописи:* сыну *След. три слова вписаны позднее.*

¹⁹⁷ *В рукописи:* руку

¹⁹⁸ *Зач.:* таким же

¹⁹⁹ *Зач.:* улыбнулся

Князь Андрей, не отвечая, опять обратился к Laborde.

– Ну, а в религиозном отношении, как вы сходитесь с Marie? – спросил он. – Вы ведь поборник протестантства?

– В княжне я вижу только одно: чистейшую сущность христианства и никакого пристрастия к формам, и в религии, как и во всем, она совершенство.

– А ее странники, монахи, видели вы их? – спросил с улыбкой князь Андрей.

– Нет, не видел, но слышал про них. Княжна заметила, что князю это неприятно, и перестала принимать их.

Действительно, последнее время княжна так страстно привязалась к своему плану странствования и так очевидно убедилась, что она не может исполнять его иначе, как после смерти отца, что мысль о возможности желания этой смерти ужаснула ее. Она отдала свое платье Федосьюшке и оставила эту мечту.

В середине разговора Андрея с Laborde княжна Марья испуганно вошла в комнату.

– Как? вы едете? – сказала она. И на утвердительный ответ брата она увела его в свою комнату, чтобы переговорить с ним.

Как только она начала говорить об этом, губы ее задрожали и слезы закапали. Князь Андрей понял, что в противность ее словам, говорившим, что ей хорошо, слезы эти говорили, что он угадал, как она страдает, и что она благодарна и любит его еще больше (ежели это возможно) за его заступничество.

– Mais n'en parlons plus, cela passera. Je tacherai de l'apaiser.²⁰⁰ (Она знала, что это невозможно, что всё при враждебной разлуке падет на нее же.) Но вот что я тебе хотела сказать. – Она нежной рукой,²⁰¹ грациозным, женственным жестом взяла его за локоть, подвинулась к нему, и в глазах ее, в которых еще стояли слезы, засветились прямо в лицо брата²⁰² успокаивающие, поднимающие дух, лучи любви, одной любви.²⁰³ Она забыла уже о себе. Так, как в 5-м году ей нужно было надеть образок на Андрея, так теперь ей надо было дать ему совет, дать ему успокоение, утешение в его горе. Она знала обо всем по письмам Julie Друбецкой (теперь), но никогда не говорила о том с братом. «И не найдет человека, который бы понял и оценил всю нравственно женскую²⁰⁴ прелесть этой девушки, – подумал князь Андрей, глядя на нее. – И так погибнет, забитая и загнанная выживающим из ума старым отцом».

– André, об одном я прошу, я умоляю тебя. Ежели у тебя есть горе (княжна Марья опустила глаза), не думай, что горе это сделали тебе люди. Люди – орудия Его. – Она взглянула немного повыше головы князя Андрея с уверенным, привычным взглядом, с которым смотрят на знакомое место портрета. Она, верно, видела Его, когда говорила это.

– Горе послано им, а не людьми. Люди – его орудия, они не виноваты. Ежели тебе кажется, что кто-нибудь виноват перед тобой, забудь это и прости. Ради бога, André, не мсти никому. Мы не имеем права наказывать. Мы сами наказаны. —

André, только увидав ее взгляд, понял всё, понял, что она знала всё, понял, что она знала²⁰⁵ его²⁰⁶ желание встретить и вызвать Курагина, который был в главной армии, и говорила об этом. Ему хотелось верить ей. Он чувствовал всю высоту ее²⁰⁷ чувства. Он хотел вступить на нее. «Простить что? – спросил он себя. – Чувственные поцелуи женщине, которую я любил выше всего? Кому? Простить? Этому... Нет, это нельзя вырвать из сердца».

²⁰⁰ [Не будем больше говорить об этом, это пройдет. Я постараюсь его успокоить.]

²⁰¹ *Зачеркнуто:* таким

²⁰² *Зач.*: лучи любви

²⁰³ *Зач.*: ко всем людям.

²⁰⁴ *Зач.*: красоту

²⁰⁵ *Зачеркнуто:* теперь

²⁰⁶ *Зач.*: цель убить Курагина. След. десять слов вписаны позднее.

²⁰⁷ *Зач.*: мысли

– Ежели бы я был женщина, я бы это сделал, Мари. – Это добродетель женщины, но ежели мужчину ударят в лицо, он не то что не должен, он не может простить.

– André...

– Нет, душа моя, нет, милый мой друг Маша, я никогда не любил тебя так, как теперь. Не будем говорить об этом. – Он обнял голову Маши, заплакал и стал целовать ее.

Послышались шаги няньки и Николаши. Брат и сестра оправились. Андрей посадил к себе на колени Николашу.

– Поедем со мной, – сказал князь Андрей.

– Нет, я не поеду. Я с тетей пойду завтра в сад и соберу шишки, знаешь, шишки,²⁰⁸ и из шишки сделаю такой дом, знаешь, что все будут ехать по *большой* дороге. Знаете большую дорогу...

Николаша не договорил своей истории,²⁰⁹ как Андрей поднял его и опять со слезами припал к его хорошенькому личику. Князь Андрей совсем собрался и послал спросить отца, может ли он придти к нему проститься. Посланный воротился с известием, что князь²¹⁰ сказал, они уж простились и желают хорошего пути. Княжна Марья умоляла Андрея подождать еще день, говорила о том, что она знает, как будет несчастлив отец, ежели Андрей уедет, не помирившись с ним, но князь Андрей успокаивал сестру, что он, вероятно, скоро приедет опять из армии и непременно напишет отцу, а что теперь, чем дольше оставаться, тем больше растратится этот раздор.

– Это всё пройдет,²¹¹ всё пройдет, – говорил князь Андрей.²¹²

– Adieu, André. Rappelez vous que les malheurs viennent de Dieu et que les hommes ne sont jamais coupables,²¹³ – прокричала княжна Марья, когда коляска тронулась. И последние слова, которые слышал, были *le droit de punir*,²¹⁴ которые произнес полный слезами голос Марии. «Так это должно быть, – думал князь Андрей. – Она – прелестное существо – остается на съеденье прекрасному, но выжившему из ума старику. Я знаю, что она говорит правду, но сделаю противное. Мальчишка мой хочет поймать волка. А я еду в армию. Зачем? не знаю. Так надо. И всё равно, всё равно».

–

Князь Андрей приехал в главную квартиру армии 13 июля.

Как ни мало занимали его теперь общие вопросы войны, он знал, что Наполеон перешел Неман, занял Вильно,²¹⁵ разрезал надвое армию, что наши отступали к укрепленному лагерю на Дриссе, что были небольшие дела при отступлении, целью которых было только спасение армий и соединение их. Соединение еще не было достигнуто, и оно было сомнительно, как говорили. По слухам знал князь Андрей, что армиями командовал сам император Александр и что главным распорядителем был пруссак Пфуль, тот самый, который²¹⁶ с другими учеными пруссаками сделал план Прусской Иенской кампании, и что Пфуль имел полное доверие госу-

²⁰⁸ *Зач. позднее:* и волк придет, и собаки, много, много пустятся *Далее, кончая словами:* будут ехать *вписано вместо зачеркнутого.*

²⁰⁹ *Зач. позднее:* в которой смысл заключался только в произношении новых слов (Николаша учился, практиковался говорить), как Андрей встал и стал собираться. Он не согласился на просьбы княжны Марьи попытаться зайти еще к отцу после того, как старый князь прогнал посланного, спрашивавшего, можно ли прийти проститься. Князь сел в коляску (старик между тем ждал и готовил речь, с которой примет сына). *Вместо зач. на полях надписан новый текст кончая:* растратится этот раздор.

²¹⁰ *Зач.:* прогнал

²¹¹ *Позднее зач.:* по-французски успокаивал и *надписаны след. три слова.*

²¹² *Зач.:* – Я напишу ему а *также вписанное позднее:* и встал прощаться. – Прощай.

²¹³ Прощай, Андрей. Помни, что несчастья происходят от бога и что люди никогда не бывают виноваты,

²¹⁴ [право наказывать,]

²¹⁵ *Зачеркнуто:* пос[ле] разделения на

²¹⁶ *Зач. позднее:* делал диспозицию при Иене и *вписаны девять следующих слов.*

даря. При армии находились:²¹⁷ Румянцев – канцлер, бывший военный министр Аракчеев, новый военный министр Барклай де Толли, Бенигсен без назначения, Армфельд – шведский генерал, Штейн – бывший прусский министр, Паулучи – знакомый князя Андрея по Турции и вообще огромное количество иностранцев и сложный механизм штабных должностей. В случайных разговорах по дороге с военными чиновниками князь Андрей заметил общий характер недоверия к начальству и самые дурные предчувствия об исходе войны. Но об опасности нашествия в русские губернии никто и не думал.

Князь Андрей был назначен состоять при штабе Барклая де Толли, там же при этом штабе должен был быть и Курагин. Князь Андрей нашел Барклая де Толли на берегу Дриссы. Войска располагались в укрепленном лагере по²¹⁸ плану Пфуля. Так как не было ни одного большого села или местечка в окрестностях, то всё огромное количество генералов и придворных расположилось в окружности 10-ти верст по лучшим домам деревень по сю и по ту сторону реки. Барклай де Толли стоял в 4 верстах от государя. Он²¹⁹ сухо и холодно принял Болконского и сказал своим немецким выговором, что он доложит о нем государю для определения ему назначения. Тут князь Андрей, не спрашивая о том, случайно узнал, что Анатолий находится в армии Багратиона, куда он был послан и где остался. Князю Андрею было приятно это известие. Он не намерен был искать Курагина, он не торопился исполнить свое решение; он знал, что оно никогда не изменится. Здесь же, несмотря на всё его равнодушие к жизни, интерес центра производящейся огромной войны невольно привлек его. Тут в продолжение 4 дней до...²²⁰ июля, пока он не был никуда требуем, князь Андрей из разговоров с штабными успел узнать, что в управлении армиями происходила²²¹ такая путаница, которую даже князь Андрей, в настоящем настроении своего духа находящий всё безобразное таким, каким оно должно было быть, не мог себе представить.²²²

²²³Когда еще они стояли в Вильне, армии были разделены надвое. 1-я армия была под начальством Барклая де Толли, 2-я под начальством Багратиона. Государь находился при 2-й армии, но не в качестве полководца. В приказе не было сказано, что государь будет командовать, сказано только, что государь будет при армии. Кроме того, при государе лично не было штаба главнокомандующего, а был штаб императорской главной квартиры. При нем были: начальник его императорской квартиры – Волконский, его чиновники, генералы и флигель-адъютанты и большое количество иностранцев, но не было²²⁴ штаба армии. Так что иногда надо было исполнять приказы князя Волконского, когда знали, что они идут от государя, иногда нет. Кроме того, без должностей находились при государе: Аракчеев, полный генерал, Бенигсен, старший всех, и великий князь. Хотя эти лица и находились без должностей, но по своему положению они имели влияние, и корпусной начальник часто не знал, в качестве чего спрашивает или советует²²⁵ то или другое Бенигсен или великий князь или главнокомандующий. Но это была внешняя обстановка, существенный же смысл присутствия государя и всех этих лиц был с придворной точки [зрения] (а в присутствии государя все делается придворными) всё было ясно. Он был следующий: государь, не принимая на себя звания главнокомандующего,²²⁶ распорядился той и другой армией. Аракчеев был верный исполнитель и

²¹⁷ *Зач. позднее:* Кроме того и *вписано:* Румянцев – канцлер

²¹⁸ *Зач. позднее:* предварительному распоряжению и *надписано:* плану

²¹⁹ *Зачеркнуто позднее:* как всегда

²²⁰ *Многоточие в рукописи.*

²²¹ *Зач.:* невероятная

²²² *На полях:* В[еликий] к[нязь] н[аследник] озлоблен, что его не спрашивают, всех критикует.

²²³ *Зач.:* Армия была р[азделена?]

²²⁴ *Зач.:* генерал-кварт[ирмейстера], генерал-инт[ендант]а и т. д. и *надписано:* штаба армии.

²²⁵ *След. три слова вписаны позднее.*

²²⁶ *Зачеркнуто:* командовал

блюстителем выгоды и порядка, который всякую минуту мог понадобиться. Бенигсен, помещик Виленский, как будто делал *les honneurs* края,²²⁷ в сущности был хороший генерал, полезный для совета, а может, и для того, чтобы заменить им Барклая. Великий князь был тут, потому что это было ему угодно. Министр Штейн был тут потому, что он был полезен для совета,²²⁸ и потому, что он был честный, умный человек, которого умел ценить Александр. Армфельд был злой ненавистник Наполеона и генерал, уверенный в себе, что имело всегда влияние на Александра. Паулучи был потому, что он был смел и решителен в речах. Генерал-адъютанты были тут, потому что они – везде, где государь, и наконец, главное, Пфуль был тут, потому что он, составив план войны против Наполеона и заставив Александра поверить в целесообразность этого плана, руководил всем делом войны. При Пфуле был Вольцоген, который передавал мысли Пфуля в более доступной форме, чем сам Пфуль, резкий,²²⁹ самоуверенный до презрения ко всему и кабинетный теоретик.

Кроме этих поименованных лиц, русских и иностранных, при императорской квартире их было еще много (особенно иностранцев) и каждый, особенно иностранец (с смелостью, свойственной человеку в деятельности среди чужой среды), вносил свою лепту разномыслия в эту управляющую армией организацию.

Князь Андрей, не имея никаких личных интересов, был в самом выгодном положении для наблюдения. В числе всех мыслей и голосов в этом огромном, беспокойном, блестящем и гордом мире, князь Андрей видел следующие, более резкие, подразделения направлений и партий. <Во-первых, было направление Пфуля, то есть тактиков, методиков, теоретиков – таких людей, которые вместе с Пфулем имели непреодолимое ничем презрение к действительности.>²³⁰

№ 165 (рук. № 89. Т. III, ч. 1, гл. XII—XV).²³¹

<После последней своей зимы с Наташей в Отрадном Nicolas много переменялся. Он прежде был разочарован, теперь он успокоился в своем разочаровании, увидел, что кроме великих подвигов геройства, кроме всесветной славы, кроме небесной любви, соединяющей души, есть много хорошего и радостного на земле: добрые товарищи, выпить во-время и впору, охота, спокойная жизнь и добрая, верная, преданная и милая жена, и сверх того сознание, что я честный и благородный человек. Всё это было хорошо. И странное дело, как только Nicolas отрекся²³² от искания восторгов своей юности, все эти простые и честные блага жизни сами давались ему в руки. В полку ему стало еще легче и веселее после его отпуска. В его отсутствие он был произведен в ротмистры и ему дан был эскадрон. Начальство, товарищи и солдаты наперерыв высказывали радость его возвращению.²³³ Дело управления эскадроном, служба, отношения с товарищами, подчиненными и начальством пошли неожиданно легко с тех пор, как он видел только то, что было, не ища ничего дальше. В войне²³⁴ он²³⁵ перестал видеть бле-

²²⁷ принимал государя, как представитель края. *Далее зач.:* но

²²⁸ *Зач. позднее:* об направлении умов

²²⁹ *Зач.:* иронический,

²³⁰ *На полях конспект:* 1) <Придворное> Пфуль <с оттенком своего> методик во[йны]2) противоположность – атака: Багратион, Ермолов3) Придворн[ые] Пфуль и Багратион с оттенками<4) Придворные: уехать царю>4) Константин Павлович: всё пойдет к чорту. Надо – мир.5) Личные: а) Барклаевское – не меня, так кого-нибудь. б) Бенигсенское – не минуют меня. в) царское – самые преданные. д) Матаморское [?] Паулучи. е) [4 неразобр.] и наконец,6) Что надо это всё кончить и государю уехать. Разумно-старческое, государственное.

²³¹ *Первый слой рукописи без последующих поправок.*

²³² *В рукописи:* отрекшись

²³³ *На полях:* Бурая, казакская, большая лошадь. Рубай их в песи и ряд арифметических вычислений.

²³⁴ *Зачеркнуто:* уже

²³⁵ *Зач.:* дав[но]

стящие атаки и гарцованья, уже понимал значение слов, помня свою Шенграбенскую атаку и Фридландскую бойню. Он знал, что на войне золотые шурки, ташки и фразы ни к чему не нужно, а нужно терпение и спокойное перенесение трудов, неприятностей и страха, и готовился на это. Он уже, как старые офицеры, слушал всегда молча рассказы о подвигах геройских, с тем чувством, что хотя в глубине души он и знает, что этого не могло быть и что это всё вздор, но что все-таки, бог знает, может и правда и все-таки не следует сомневаться в истине геройств, клонящихся к возвышению духа нашей армии. Так, в недавнее время, когда его полк уже был <около Дриссы> на Двине, слушая рассказ про дело при Салтановке и древ[нее] геройство Раевского, поведшего на плотине 2-х своих сынов в атаку, он упорно молчал, не восхищался и не повторял этого рассказа. Ему, во-первых, не нравилось, зачем Раевский повел сыновей под пули. На плотине Салтановской не решалась судьба отечества, как у М[уция] Сцев[олы]. Потом ему неясно было, с какой целью он их повел. В путанице, которая должна была быть на плотине, 10 солдат ок[оло?] могли видеть и слышать Раевского с сыновьями, и от этого ничего лучше не было. Вспоминая свои прежние военные действия, он признавался себе, что всякий раз он был не в себе и просто трусил. «Теперь этого не будет, – думал он. – Теперь я команду, а потом – главное, сколько ни трусь, всё то же самое, попробую не обращать никакого внимания. Хорошо, что ни разу не заметили. А как осрамишься, да не убьют. Нет, теперь не обращу ни малейшего внимания, буду, как на ученьи. Да и нельзя, надо вести эскадрон».

Вследствие ли этих рассуждений, или рассуждение это пришло Nicolas вследствие того, что ему надо было вести эскадрон, но 13 июля, в первый раз, как Павлоградцы пошли в дело, Nicolas, к удивлению своему, во всё время дела не чувствовал ни малейшего страха.

12 июля, ночь накануне дела, несмотря на страшную бурю, гусары провели очень весело. Полк стоял биваками в поле просто среди ржаного, желтевшего, но выбитого до тла поля. Дождь лил ливнем, и прикрыться было негде. Один из офицеров нашел пустую корчму, и все офицеры ввалились за ним. Состав офицеров уже был совсем другой. Денисова не было, Кирстен был убит, но все были другие, но все такие же. В полку был молодой доктор, женившийся на немке в Польше, он тоже забрался с женой в корчму. И все до одного офицера влюбились тут в корчме в немку, грели и сушили ее, зажигали угли на окнах, играли с ней в короли, и з..... должен был итти за дровами, а король имел право поцеловать ручку.²³⁶ Ростов уже был такой офицер, что когда он остался з....., его не пустили, а за него пошел влюбленный в него корнет Ильин. Ручку же целовать ему дали, даже и без выигрыша, несмотря на то, что доктор притворялся очень довольным, но, наконец, нашел, под самым пустым предлогом увел свою жену под дождь в кибитку. Веселый, безвредный, беспричинный хохот почти без помощи вина, потому что имелась только одна бутылка кислого вина, звучал всю ночь до 3-го часа утра. Некоторые легли, укрывшись мокрыми шинелями, но вскакивали с постели, хохотали, вспоминая испуг доктора и веселье докторши, то плясали, пугая корнета тараканами, и смеялись, как дети.

В эту ночь было приказано в 3-м часу выступать к местечку Островне. Отрядом командовал граф Остерман.

В ночь была гроза и страшная буря, но к утру, в 3-м часу летнего утра, тучи разорванными хлопьями бежали по небу, и мокрая, серозеленая, выколосившаяся, мокрая рожь волновалась скучно и уныло. Овес зеленый, только что выскочивший в трубку, подрагивал от ветра. Большая дорога с ракиками по сторонам, как аллея, поросла низкой зеленой травкой, которая, на зло²³⁷ выбивающим гуртам и обозам, так и лезла под дождями лета. По дороге встречались обозы и один гурт скота для армии. (Видно, неприятель далеко.) Обогнав одну роту артиллерии, стоявшую на дороге. Nicolas ехал в стороне промежду ракичек с двумя офицерами: один – товарищ прежний, Перонский, другой – не отстававший от него, влюбленный в него корнет

²³⁶ На полях: Докторша сияла. Nicolas понял, что французы тоже боятся русских. Собака лягавая. Охота.

²³⁷ Зачеркнуто: срывающему

Ильин. Они весело болтали о прошедшей ночи. Nicolas сам удивлялся своему спокойствию, подходя к делу. Как будто будущее до него не касалось. Он думал, что это происходило от него самого – от умных правил, которыми он себя успокоил, в сущности²³⁸ перемену эту произвело в нем только время, возраст и всегда с возрастом совпадающее повышение в чине и звании – эскадронный командир. С Nicolas произошло то, что может наблюдать²³⁹ каждый за детьми, которые учатся, учитель. Есть знания, которые усвершенствуются и которые познаются только временем. Мальчика начинают учить дробям (большею частью это замечается на дробях); мальчик, хорошо учивший четыре правила, мучается, бьется; учитель пробует различные приемы и решает, что мальчик – дурак, он ничего не понимает; проходит время, год или около того, у мальчика мозг вырос до дробей, и он не верит, чтобы когда-нибудь ему могло казаться это трудно. Или вы играете на фортепьяно и оставили, плохо разбирая ноты; прошли года, вы садитесь за фортепьяно и читаете гораздо лучше: пришло время. Так для Nicolas пришло <время> спокойно переносить опасность. Ему жалок был корнет, особенно веселый и взволнованный. Nicolas видел, что корнет трусил и скрывал так, как сам он делывал это прежде. Nicolas чувствовал иначе и вид имел другой. Прежде Nicolas портил сам себя своим беспокойством, теперь корнет любовался его небрежно-спокойным и изящным видом и каждым движением, когда он либо обрывал листья ракиты, либо дотрогивался [до] тонкой ноги, до паха лошади, либо отдавал, не поворачиваясь, докуренную трубку ехавшему сзади гусару.

Только что солнце стало выходить на чистой полосе из-под тучи, как ветер стих, как будто он не смел портить этого прелестного после грозы летнего утра. Капли еще падали, но всё затихло, птицы запели, и Nicolas указал на баранчика, который высоко где-то гоготал в воздухе.

– Коли простоим тут, надо будет сходить в это болото, – сказал Ростов, не притворяясь, а искренно думая о болоте. Он сам себе удивлялся, как он не торопился, как он не думал о будущем,²⁴⁰ даже и тогда, когда впереди к Витебску послышался гул орудий. Даже тогда, когда прискакал адъютант графа Остерман-Толстого с приказанием итти на рысях по дорожке, Nicolas не думал ни о чем, как о том, чтобы эскадрон шел в порядке. Просторно и спокойно у него было в этот день в голове. Оттого ли, что он не доспал, он чувствовал себя нынче глупее и нечувствительнее обыкновенного. Вспоминая нарочно о Соне, о доме, он был равнодушен,²⁴¹ не возникало у него тысячи мыслей вследствие каждого впечатления; напротив, он ни о чем не думал и чувствовал, что он живет одной животной жизнью и имеет только настолько²⁴² сообразительности, чтобы распорядиться эскадроном, на что нужно едва ли какие-нибудь душевные способности.

Во всё время этого так называемого блестящего сражения при Островне, во время которого Наполеон полагал, что русские принимают генеральное сражение, Ростову с эскадроном два раза пришлось быть в так называемом жарком деле, но он всё время находился в своем полусонном, животном, охотничьем состоянии, ничего не боясь и только соображая удобства своего эскадрона. Когда они пришли на рысях к левому флангу, то тотчас были пущены в атаку против французской цепи. Ростов теперь уже не желал для своей сабли поесть вражьего мяса, не скакал стремглав, ничего не видя, а ехал, ровно прибавляя, объезжая неровности местности и равняя вытянутый эскадрон. К удивлению его, цепь, далеко не дождавшись их приближения, побежала, и гусары одного совершенно напрасно изрубили саблями, не до смерти, чего нельзя сделать саблей, но до крови и довольно больно, а трех взяли в плен. Возвращаясь назад рысью, так как навстречу им выехали французские драгуны, гусары проехали мимо

²³⁸ *Зачеркнуто*: это было только

²³⁹ *Зач.*: за собой

²⁴⁰ *Зач.*: до тех пор, по[ка]

²⁴¹ *Зачеркнуто*: ничего не

²⁴² *Зач.*: ума

графа Остерман-Толстого, который подозвал к себе Ростова и с особенным волнением, которого никак не мог понять Ростов, благодарил его за лихую атаку.²⁴³ Ростов не знал, что этот генерал был постоянно одержим страхом казаться трусом и что от этого страха он был всегда в сражении так взволнован и так храбр. Во время атаки Ростов совсем и не слышал выстрелов, а между тем два гусара были спешены, один ранен и один убит. И эскадрон Ростова был поставлен в заднюю линию за лейб-гусарами. Довольно долго они тут стояли, позавтракали, прислушиваясь к пальбе, которая всё разгоралась, и потом в 3-м часу увидели, что впереди их стоявшие лейб-гусары пошли влево, и видели, как они поскакали по лугу. Потом видели, как они вернулись еще левее и за ними летели драгуны французские по ложине. Французские драгуны остановились, проехавши линию Ростовских гусар и, наткнувшись на русскую пехоту, шагом поехали назад.

– Вот бы пугануть-то их сбоку, – сказал один гусар, стоявший в кучке офицеров, – они нас не видят.

Nicolas, находясь в своем сонном положении, понял, что это справедливо, что ничего не рискует наскочить на них, и, дальше не соображая, велел садиться и низом на полных рысях поскакал наперерез драгунам. Уже когда он ехал, он вспомнил, что распоряжается без приказаний высшего начальства. «Как бы не ответить», но было уже поздно. Он толкнул лошадь и с чувством, с которым несся наперерез волку, покотил (разумеется, вместе с эскадроном) к бугру, отделявшему его от ложины, по которой шли французы расстроенными рядами. Когда он выскакал на бугор, французы были внизу в 50 шагах. Их лица видны были. Они засуетились вперед, назад, но еще не успели принять одного направления, как Nicolas, выбрав себе одного на серой лошади офицера, пустился за ним. Добрая лошадь несла Nicolas под гору, как птица, прямо на офицера, только что пустившегося скакать.>

* № 166 (рук. № 89. Т. III, ч. 1, гл. XII и XVI).²⁴⁴

<Ростовы продолжали жить в Москве всем семейством, ждали каждый день Nicolas, которому было написано, что его присутствие необходимо, что ему надо выйти в отставку для того, чтобы заняться делами. Продажа дома и подмосковной всё оттягивалась от беспечности графа. Уже всё говорило о войне с Наполеоном. Граф Растопчин был назначен главнокомандующим в Москву, и слышно было, государь проехал в Вильно к армии. Все военные²⁴⁵: Борис, Анатолий, Долохов – были при армии. Но в Москве не было пусто и много веселились. Но Ростовы мало ездили в свет и мало принимали не оттого, что дела шли хуже, а оттого, что Наташа, к удивлению родителей, сказала им, что она отказала князю Андрею и что ей скучно ездить на балы. Она целые дни проводила одна в своей комнате, ничего не делая, не читая, ни поя, ни играя. Она очень побледнела и похудела. Призываемые доктора предписывали ей рассеяние, но она не хотела переменять своего образа жизни. С Соней она была ласкова, но никогда не говорила ни об Андрее, ни об Анатоле и сердито плакала, когда ей напоминали о том или другом.

Она редко оживлялась только с Петей, который готовился к университету и которому было теперь 15 лет, и с другим старым Петей – Pierre'ом, который часто эту зиму ездил к ним и с которым она²⁴⁶ оставалась в веселых, шуточных отношениях. – Pierre сказал ей раз потом, что он на днях ждет в Москву своего друга князя Андрея, не нужно ли ей что-нибудь передать ему. Ах, нет, ничего. Нет, не говорите ему, что вы со мной видите.>²⁴⁷

²⁴³ *Зач.*: У Ростова убили одного гусара.

²⁴⁴ *Первый слой рукописи. Вместо зач. текста написан текст след, варианта.*

²⁴⁵ *Зачеркнуто*: все мужчины

²⁴⁶ *Зач.*: раза два серьезно и со слезами говорила о князе Андрее о своем отказе ему, о том, что она не может

²⁴⁷ *На полях*: Всё всегда известно. И история Анатоля с Наташей была известна с прибавками клеветы всей Москве.

* № 167 (рук. № 89. Т. III, ч. 1, гл. XVI—XVIII).

Граф был в отчаянии, он выписал жену, и оба ходили за Наташей, как за больной. Доктора ездили к ней, но прямо говорили, что болезнь нравственная. Наташа мало ела, мало спала и ничего не делала, сидела на одном месте, изредка говоря ничтожные вещи. Когда ей напоминали о к[нязе] Андрее²⁴⁸ или²⁴⁹ Анатоле, она сердито плакала. Больше всех она любила быть с братом Петей и с ним иногда смеялась. Другой человек, с которым она оживлялась иногда, был Pierre. Pierre целые дни проводил у Ростовых и с нежностью и деликатностью, которую одна Наташа вполне ценила, обращался с ней.²⁵⁰

На страстной неделе Наташа говела, но она не хотела говеть со всеми в приходской церкви. Она с няней отпросилась говеть особенно в известной няне особенной церкви Успенья на плоту. Там особенный был священник, очень строгий и высокой жизни, как говорила няня. Няня была верный человек, и потому Наташу пустили с нею. Каждую ночь няня в 3 часа со свечой будила²⁵¹ Наташу. Она²⁵² испуганно – не проспала ли? – вскакивала, озябшая, умывалась, одевалась, и повязавшись платочком —²⁵³ «дух смиренномудрия», – вспоминала каждый раз Наташа, узлом завязывая вокруг себя ковровый платок. И в одну лошадку, на пошевнях, они ехали к заутрене, иногда шли пешком по темным улицам и обледенелым тротуарам. В Успеньи на плоту, где уже дьячки, и священник, и прихожане признали Наташу, она становилась перед иконой божьей матери, вделанной в зад клироса, освещенной ярким светом маленьких свеч, и, вглядываясь в кривое, черное, но небесно-кроткое и спокойное лицо божьей матери, – молилась за себя, за свои грехи, за свои злодеяния, за свою будущую жизнь, за врагов своих и за весь род человеческий²⁵⁴ и особенно за человека, которому она сделала жестокое зло.

Иногда к иконе, перед которой стояла Наташа и которая пользовалась большою верою прихожан, проталкивались, несмотря на сердитую защиту няни, не имевшей смиренномудрия Наташи, проталкивались мещане, мужики и²⁵⁵ низкого сословия народ, и, не признавая Наташу за барышню, били ее по плечу, покрытому ковровым платком, свечой и шептали: «матушке»²⁵⁶, и Наташа радостно, смиренно своими тонкими, похudevшими пальцами бережно устанавливала всё отлеплявшуюся свечу и скромно, как дворовые, прятала свои без перчаток руки под ковровый платок. Когда²⁵⁷ читали Часы, Наташа старательно вслушивалась в молитвы и старалась душою следить за ними. Когда она не понимала, что бывало чаще, когда речь шла о лядвиях и поругании, она что-то поддумывала под эти слова, и душа ее в эти минуты еще больше исполнялась умилением перед своею мерзостью и перед благостью неведомого бога и его святых. Когда дьякон, знакомый ей, как друг близкий, дьякон с русыми волосами, которые он, всякий раз далеко отставляя большой палец, выправлял из-под ризы, когда дьякон читал «миром господу помолимся», Наташа радовалась, что она миром, со всеми одинаково, молится, и радостно крестилась и кланялась и следила за каждым словом о плавающих и путешествующих (тут она вспоминала ясно, спокойно всякий раз о князе Андрее, только как о человеке, и молилась за него). О любящих и ненавидящих нас – тут она вспоминала о своих домашних – любя-

²⁴⁸ к[нязе] Андрее *позднее исправлено из:* том

²⁴⁹ *Зачеркнуто:* другом и *написано:* Анатоле

²⁵⁰ *Зач.*: Он иногда смешил ее, но

²⁵¹ *Зач.*: разоспавшуюся

²⁵² *Зач.*: зябла

²⁵³ *Зач.*: нужно было

²⁵⁴ *Окончание фразы вписано на полях позднее.*

²⁵⁵ *Зач.*: бабы

²⁵⁶ *Зач.*: или «празднику»

²⁵⁷ *Зачеркнуто:* молились

щих – и об Анатоле – ненавидящих нас.²⁵⁸ Ей особенно радостно было молиться и за него. Она знала теперь, что он был враг ее. И постоянно ей всё доставало врагов, чтобы молиться за них. Она причисляла к ним всех кредиторов и всех тех, которые имели дела с ее отцом. Потом, когда молились за царскую фамилию, она всякий раз преодолевала в себе чувство сомнения: зачем так много молиться за них особенно, и низко кланялась и крестилась, говоря себе, что это – гордость и что и они люди. Также усердно молилась она и за синод, говоря себе, что она также любит и жалеет священствующий правительствующий синод.²⁵⁹ Когда читали Евангелие, она радовалась и ликовала, произнося предшествующие чтению слова: «слава тебе, господи», и считала себя счастливою, что она слышит эти слова, имеющие каждое для нее особое значение. Но когда отворялись царские двери и вокруг нее шептали набожно: «Милосердия двери», или когда выходил священник с дарами, или слышны были таинственные возгласы священника за царскими дверями и читали «Верую», Наташа наклоняла голову и радостно ужасалась перед величием и непостижимостью бога, и слезы лились по ее похудевшим щекам. Она не пропускала ни заутрени, ни часов, ни всенощной. Она падала ниц при словах: «свет Христов просвещает всех» и с ужасом думала о том святотатце, который бы выглянул в это время и увидал, что делается над их головами. Она помногу раз в день просила «бога владыку живота ее» отнять от нее дух праздности... и дать ей дух... Она с ужасом следила за происходившими на ее глазах страданиями Христа. Страшная неделя, как говорила няня, страсти, плащаница, черные ризы – всё это смутно, неясно отражалось в душе Наташи, но одно было ей ясно: «да будет воля твоя». «Господи, возьми меня», говорила она со слезами, когда путалась во всей сложности этих радостных впечатлений.²⁶⁰ В среду она попросила мать пригласить Рьерг'a, и в этот же день она, запершись одна в комнате, написала письмо князю Андрею. После нескольких брьюонов она остановилась на следующем: «Приготовляясь к высокому таинству исповеди и причащения, мне нужно просить у вас прощения за зло, которое я сделала вам. Я обещала никого не любить, кроме вас, но я так порочна была, что я полюбила другого и обманула вас. Ради бога, для этого дня, простите меня и забудьте недостойную вас». Это письмо она передала Рьерг'у и попросила его передать князю Андрею, который, она знала, был в Москве.

Рьерге возвратился вечером с ответом князя Андрея.

< – Ну, что? – спросила Наташа, красная и дрожащая. – Простил?

– О, да, – отвечал Рьерге, – но...

– Нет, ничего, – закричала Наташа, – я никогда не буду его женою. Вы знаете, что я люблю и любила его одного, но я не достойна его.

Рьерге ничего не сказал, потому что он не имел ничего утешительного сказать Наташе. Князь Андрей, которого он нашел твердым, веселым и спокойным, в первый раз в жизни вышел из себя и с трясущимися губами сказал Рьерг'у:

– Ежели ты хочешь быть моим другом, никогда, никогда не говори мне о ней. Я спокоен и счастлив и ей не желаю зла. Только, ради нашей дружбы, никогда, никогда не упоминай о ней.>

Она отпросилась у матери, удивлявшейся и боявшейся за религиозную страстность дочери, исповедоваться не дома, а в церкви у отца Анисима в Успеньи на плоту. Там она за ширмочками у крылоса и исповедовалась, между кучером и купцом и его женою. Священник Анисим, усталый от тяжелой службы, ласково и небрежно взглянул на Наташу, покрыл ее эпитрахилью и грустно выслушал ее, с рыданиями вырвавшиеся, признания. Он отпустил ее с коротким и простым увещанием не грешить, которое Наташа поняла так, как будто каждое

²⁵⁸ *Зач.*: Она молилась

²⁵⁹ *Зач.*: Но когда отворялись царские двери и вокруг них

²⁶⁰ *Зачеркнуто*: В среду она вечером у всех в доме просила прощения. Особенно плакала она, прося прощения у Сони. Она теперь в первый раз призналась ей, что она была несправедлива, что Соня спасла ее, что она никогда не любила А[натоля], а что она всегда и на всю жизнь будет любить к[нязя] А[ндрея], но никогда не будет его женою.

слово это выходило с неба. Она пришла домой пешком и в первый раз со дня театра, спокойная и счастливая, заснула.

На другой день она еще счастливее пришла после причастия, и с тех пор графиня с радостью заметила, что Наташа стала оживать. Она принимала участие в делах жизни, пела иногда, много читала из книг, которые ей привозил Риегге, сделавшийся домашним человеком в доме Ростовых, но уже никогда к ней не возвращалась прежняя живость и веселость. Она постоянно перед всеми имела вид и тон виноватой, для которой всё было слишком хорошо по ее преступлениям.

* № 168 (рук. № 89. Т. III, ч. 1, гл. XVI—XXIII).

<Ростовы зажились всю весну и лето в Москве. Сначала задержали дела, потом уж не к чему было. Риегге жил также в Москве, во-1-х, потому, что там не было его жены, во-2-х, потому, что нигде он не был более, как рыба в воде, как в Москве, в-3-х, потому, что тут жили Ростовы, у которых он бывал каждый день.²⁶¹

В 1-х числах июля было получено письмо Nicolas. Всё семейство в сборе сидело в кабинете графа. Графиня держала платок, граф, весь красный, сидел, держась за ручки кресла.²⁶² Соня, с видимым усилием над собой, читала. Наташа, опустив глаза, смотрела то вперед себя, задумчиво, то на Петю.²⁶³ Наташа теперь во всем, даже в письме брата, видела одни свои стыд и горе. Слушая письмо брата, она думала о том, как он понимает ее разрыв с князем Андреем и узнает ли он когда-нибудь всё, что было.

Петя с блестящими глазами, красный, оглядывался, и особенно на Наташу. Пете было 14 лет, он готовился к университету, но ему яснее всех было, что он никогда не приготовится, потому что не только плохо учится, но забывает то, что выучит. Когда Соня прочла то место, в котором Nicolas говорил, что отечество дороже всего, старый граф засопел, как будто откупорили стклянку с укусовой солью под самым его носом, и графиня, видимо, решительно не понимая, что такое значило отечество, одобрительно покачала головой.

– Да, он прав, он прав, главное, – сказал граф, целуя руку плачущей жены. – Что делать, такое время. Я горжусь им. Отечество... – Граф не договорил. Слово отечество было привычно непреодолимо трогательно для него.

– Всё ж [?] он не жалеет меня, – сказала графиня.

– Маменька, уж в скольких он был сражениях, а я так знаю, знаю, что он останется жив, – сказала Наташа. – Маменька, разве вы не верите, что бог оставит вам его?..

Все замолчали. Так странны были от Наташи эти простые, наивные, краткие слова.

– Петя, принеси воды тапан, – сказал старый граф.

Петя встал, еще раз вспыхнув, и вместо того, чтобы идти за водой, он подошел к отцу и, сжав левый кулак, начал им махать еще прежде, чем говорить, и заговорил:²⁶⁴

– От того, что он правду пишет истинную... от того, что я принесу, может и всякий принести воды, а я вам хотел сказать, что, когда дело коснулось отечества, так я не хочу на печи лежать... а я пойду на войну, как вы хотите... потому что я не могу, когда сам государь всех призывает...

Как ни долго и мучительно одиноко, уже недели 2, передумывал эту речь маленький Ростов, она не произвела не только ожидаемого им, но никакого действия. На него оглянулись.

– Полно, перестаньте, Петя, – недовольно сказала графиня.

– Ну, ну, воин, – шутливо сказал Илья Андреич.

²⁶¹ На полях: Н[аташа] хочет приподняться и не может, как птица. В Москве получен Манифест.

²⁶² Зачеркнуто: Наташа смотрела то на того, [то на] другого блестящими глазами и хотела уйти и не смела.

²⁶³ Далее до конца абзаца позднейшая вставка на полях.

²⁶⁴ На полях: Оболенский, ему 15 лет – поступил.

Петя оглянулся за сочувствием на Наташу, которой он сообщил прежде свои планы и в сочувствии которой он был уверен, но и Наташа делала ему неодобрительные знаки, означавшие, что теперь ему лучше замолчать об этом.

– Коли так и все против меня, я прямо один пойду к главнокомандующему и запишусь, вы не можете остановить меня, коли бы я шел на что-нибудь...

– Полно, Петя, не говори этого, всё можно сказать после, – сказала Наташа и вывела его.

В этот вечер Наташа долго тайно совещалась с Петей и тайно посылала записку к Pierr'у.

«Chère et aimable comtesse, – отвечал Pierre, – quoique vos désirs soient les ordres pour moi²⁶⁵ и т. д., – писал он на французском языке, – я бы не желал вмешиваться в ваши семейные дела и заслужить неудовольствие ваших родителей, которых я так люблю и уважаю, хотя желание моего маленького тезки самое благородное и милое, которому я вполне сочувствую. Я буду к вам обедать, и всё переговорим».

Это было в воскресенье. Наташа со времени своего говения, хотя и с некоторыми отступлениями, продолжала исполнять те христианские обязанности, в неисполнении которых она так раскаивалась: она ела постное, ходила к обедне и старалась исполнять все 10 заповедей и, само собой, не раз отступала от них. Но одна только заповедь и заповедь, которая не была написана в числе 10, была всегда исполняема ею, и она ни разу не изменила ей. Это была заповедь²⁶⁶ смирения и отрешения от земных радостей.>

С самого того страшного времени, когда она написала князю Андрею письмо и поняла всю злобу своего поступка, она не только избегала всех внешних условий радости: балов, катаний, концертов, театров, но она ни разу не смеялась так, чтобы из-за смеха ее не видны были слезы, она не могла петь. Как только начинала она смеяться или петь, слезы душили ее – слезы раскаяния, слезы воспоминания о том невозвратимом, чистом времени, слезы досады, что так задаром погубила она свою молодую жизнь, которая могла бы быть так счастлива. Смех и пенье особенно казались ей кощунством над прошлым горем.²⁶⁷

О кокетстве она и не думала. Никогда ей не приходилось даже воздерживаться. Она говорила – и это было совершенно справедливо – все мужчины были для нее совершенно то же, что шут Нат[алья] Иван[овна].

Внутренний страж твердо воспрещал ей²⁶⁸ всякую радость. Да и не было в ней всех прежних интересов жизни из того девичьего, беззаботного, полного надежд склада жизни.²⁶⁹ Как часто (и чаще всего) вспоминала она эти осенние месяцы,²⁷⁰ когда она была невеста, проведенные с Nicolas на охоте. Что бы она дала, чтобы возвратить хоть один день из них. Но уж это навсегда кончено было. Предчувствие не обманывало ее тогда, что это состояние свободы и открытости для всех радостей никогда уже не возвратится больше. Но жить надо было.²⁷¹ И это было всего ужаснее. Одно время жизнь ее была наполнена религией, которая открылась ей стороной смирения, от которой так далека она была в прежней жизни. <Обедня и церковная служба были одними из лучших ее наслаждений. Она любила слышать: «Миром господу помолимся», думая, как она соединяет себя в одно с миром кучеров и прачек, она любила видеть раскрытые царские двери, непонятные, таинственные движения и непонятные слова.

²⁶⁵ [Дорогая и любезная графиня, хотя ваши желания для меня – приказ]

²⁶⁶ Зачеркнуто позднее: печали и написано: смирения

²⁶⁷ Далее до конца абзаца – позднейшая вставка на полях.

²⁶⁸ Зачеркнуто позднее: это и написано: всякую радость.

²⁶⁹ Зач. позднее: а жить надо было. Не было ничего, что бы

²⁷⁰ След. четыре слова вписаны позднее.

²⁷¹ Зач. позднее: И жизнь ее наполнили два чувства: религия и возмущение против Наполеона, осмелившегося презирать Россию и дерзавшего завоевать ее. Религия, охватывая каждого человека, редко человеку открывается всеми своими сторонами. Для одного – надежда будущей жизни, для другого – самоотвержение, для 3-го – мистичное объяснение всего, для 4-го – смирение. Для Наташи она открылась *Вместо зачеркнутого на полях написаны дальнейшие пятнадцать слов.*

Ей радостно было именно то, что она не понимает и не может ни она, никто понять этого. Она пошла к обедне в это воскресенье. Перед Евангелием знакомый ей священник вышел из алтаря с тетрадью и стал на колени. Все зашумели, становясь. Наташа²⁷² в белом платье, слушала, как всегда, службу с нежной набожностью, но кроме того она уж чувствовала чувство жизни, которого прежде не испытывала. Каждое слово службы имело для нее живое, сильное значение.²⁷³

«Господи боже сил, боже спасения нашего», – начал священник, превосходный чтец, поправляясь на коленях, трогательным певучим голосом, тем, которым он читал молитвы в Троицын день. Это была молитва о спасении от врага. Когда читали об ужасах врагов, Наташа всей душой чувствовала их злобу и кротко ненавидела их. «Доколе грешницы восхвалятся?» – спрашивала Наташа с ужасом. Когда заговорили о кротости императора, она чувствовала всю свою кротость в душе императора. «И подаждь ему победу, яко Моисею на Амалика, Гедену на Мадиаму и Давиду на Голиафа». И эти переходы с вдруг «сохрани воинство его», то есть Nicolas и Андрея, трогали ее до глубины души. «И препояши на брань». Да, Пете надо идти.

«Сердце чисто созижди и обнови во...»²⁷⁴

«Да, да, – говорила себе Наташа, вставая, – любовью соедини нас, да не вознесется жезл нечестивых на жребий освященных».

И, встав с колен, Наташа в первый раз сознала в себе новое чувство ненависти к врагу, оскорбленной гордости к французам за своих, за русских, за дядюшку, за папеньку, чувство, которым она давно уже жила, сама не зная этого.²⁷⁵

К обеду приехал Pierre. Наташа приготавливалась встретить его упреками за его равнодушие к судьбе Пети, к его французскому письму,²⁷⁶ но к удивлению своему она нашла его уже в том расположении духа, в котором она желала найти его. Было 11 число июля. Получено было известие о приезде государя в Москву, о занятии неприятелем Вильны, о взбунтовании Польши и разные, самые несправедливые слухи о громадных силах, об угрозах Наполеона. Pierre приехал растерянный и взволнованный. Он рассказывал слухи, сведения от графа Рас-топчина и говорил по-французски, не умея говорить так же хорошо по-русски. Наташа взволнованно смотрела на него молча и мало говорила. После обеда они вчетвером с Петей и Соней сошлись вместе на столике, на котором Наташа щипала корпию: это было модное занятие, введенное при дворе Марии Федоровны.

– Eh bien, vous êtes mecontente de moi, mais j'ai été chez le comte²⁷⁷ P[астопчин].

– Ах, зачем по-французски. Ну что? – спросил Петя.

Pierre улыбнулся.

– Ну, по-русски. Граф мне сказал, что он²⁷⁸ *поручается* заставить его вступить в *troupes de lignes*²⁷⁹ и²⁸⁰ дает мнение, что это предпочтительнее ополчения, *puis que voyez vous*,²⁸¹ – продолжал Pierre, не в силах ломать свой язык по-русски тогда, когда он говорил оживленно. Но Наташе вдруг сделалось страшно. «Боже мой, что же я делаю, помогая этому ребенку идти на войну».

²⁷² *Зач. позднее:* была особенно набожно раздражена этот день. Она плакала при простых словах ектеньи. Она *Дальнейший текст, кончая:* не испытывала *вписан вместо зачеркнутого.*

²⁷³ *На полях:* М[ихайловский]-Д[анилевский], 259, 1 т.

²⁷⁴ *Многоточие в рукописи.*

²⁷⁵ *На полях:* Шампинион – шпион!

²⁷⁶ *Зачеркнуто:* Наташа не говорила

²⁷⁷ [Ну, что же, вы недовольны мной, но я был у графа]

²⁷⁸ *Зач.:* берет

²⁷⁹ [линейные войска]

²⁸⁰ *Зач.:* советуют

²⁸¹ [так как, видите ли,]

– Ты меня просил, Петя, написать графу, но теперь я ничего больше не делаю и даже, ежели ты хочешь слушать меня, подожди.

– Вот, очень нужно... – Петя обиделся и ушел. Pierre остался один с Наташей и стал ей рассказывать, как он умел, смешные новости города, о прогнании французской труппы (*une victoire remportée par les russes*²⁸²), потом о том, как модные дамы учатся по-русски и князь Б[орис] В[ладимирович] Голицын взял себе учителя. Наташа²⁸³ улыбалась его шуткам, но оживлялась только тогда, когда он рассказывал ей о положении дел.

– Ну, а ежели Наполеон придет в Москву, что вы будете делать?

– Право, не знаю, только верно, что не пойду на войну.²⁸⁴

Pierre был друг дома Ростовых, ему ставили его любимое вино, и он любил всех, как семью, которая бы – он желал – была его. Он иногда думал о том, как бы он был счастлив, ежели бы его, шутника и кутилу, старая графиня приласкала своей большой рукой по голове и сказала бы «милый мой Петя»>.

12-го числа государь приехал в Москву, 13-го с раннего утра слышался благовест во всех церквях, и толпы праздничного народа²⁸⁵ шли по Поварской, мимо дома Ростовых, к Кремлю.

<«Это всё – вздор», – подумал Петя, выбежав на улицу и узнав, что это бегут встречать государя. «То Наташа была за меня, а теперь и она отказалась. Этак дело протянется, а я им всем докажу, какой я буду герой. Всё пустяки,²⁸⁶ они говорят. И этот толстый дурак сидит в Москве, и Наташа ему верит. Пойду к государю и прямо скажу ему, что я – Ростов, хочу служить отечеству».²⁸⁷ Петя радостно улыбался, представляя себе государя. Он может сейчас в офицеры, может и в генералы. И Петя придумывал и прочувствовал все то же, что думал и чувствовал 7 лет тому назад Nicolas, и отец Nicolas, и дед, и все, все, в какой бы то ни было другой форме и условиях.

Государь представлялся Пете самым прекрасным, самым могущественным, самым благородным человеком, но представлялся все-таки человеком – одним.> Он надел новый сертук, <потом>, как у больших, запрягал большие воротнички и,²⁸⁸ никому <не сказавшись>, пошел в <Кремль>,²⁸⁹ рассчитывая, что успех его прошения к государю должен зависеть от того, что он – ребенок (Петя думал даже, как все удивятся его молодости), а вместе с тем он хотел казаться стариком и так устроил свою одежду и наружность.

<В воротах²⁹⁰ Трицких уже начали жать Петю, и он отчаянно и решительно выставил локти, мрачно намереваясь проткнуть живых людей, но не поддаться. Толпа пронесла его в Кремль. Кремль был весь усыпан народом. Крыши арсенала, возвышения пушек – всё было полно. Жандармы давили лошадьми народ, но народ всё жал.>²⁹¹

Около Пети стояла баба с лакеем, два купца и отставной солдат. На веснушками покрытом лице бабы, и на сморщенном с седыми усами лице солдата, и на чиновнике, худом и горбатым, – было одно выражение ожидания и²⁹² торжественности. <Вот он идет, выходит.

²⁸² [победа, одержанная русскими]

²⁸³ Зачеркнуто: слабо

²⁸⁴ Далее зач. вписанное на полях: – Я вас не понимаю. Соня сказала, что она не понимает, как Наташа думает о войне, что ей за дело. Pierre сказал, что Наполеон сказал m-me de Sthal, что лучшая женщина та, которая родит много детей. Наташа. Я не знаю, это меня мучает день и ночь, что с нами будет, я знаю, что я не покорюсь Наполеону. Pierre философствует мистически. Наташа слушает внимательно и верит в ббб. Наташа расспрашивает, как он думает, выиграют ли сражение.

²⁸⁵ Зач. позднее: валили и надписано: шли

²⁸⁶ След. два слова вписаны позднее.

²⁸⁷ Зач.: Ну, удивится и сейчас меня. Вместо зачеркнутого вписано, кончая: он может сейчас

²⁸⁸ След. три слова вписаны позднее.

²⁸⁹ Зачеркнуто позднее: Петя не соображал того и вместо зачеркнутого надписано: рассчитывая.

²⁹⁰ Зач.: Спасских

²⁹¹ Надписано позднее и зач.: Зачем – никто не знал, Где был государь – тоже никто не знал.

²⁹² Зач.: притворства.

Торжественность была, когда говорили об государе,> и²⁹³ вместе с тем обыденность, когда переговаривались между собой. Петя хотел пролезть дальше к самым камергерам (он думал, что всегда камергеры у государя), но, несмотря на работу локтями, это оказалось невозможно. Баба сердито крикнула на него:

– Что, барчук, толкаешься. – Его поразило, как, находясь под таким восторженным состоянием, баба могла так ворчливо говорить. Он остановился, пот лил градом. Воротнички намокли, и лицо склеилось пылью с потом, и Петя понял, что в таком виде камергеры не пропустят его. Хуже всего было, когда в ворота проезжал, стуча гулко, какой-нибудь генерал с плюмажем; тогда Петю затискивали в вонючий угол. Один генерал был знакомый. Петя хотел просить помощи, но счел, что это было бы противно мужеству. Он иронически улыбался на слова окружающих, которые принимали генерала за государя и толковали о том, что государь собирает народ да всех в казаки запишет и т. п.

[Далее от слов: Но вот толпа хлынула и вынесла и Петю на площадь *кончая*: и удивлялись тому, что они сделали – *близко к печатному тексту*. Т. III, ч. I, гл. XXI—XXIII.]²⁹⁴

* № 169 (рук. № 89. Т. III, ч. I, гл. XVII—XX).²⁹⁵

Прошло более года с того времени, как Наташа отказала Андрею и из своей вечно счастливой, радостной жизни вдруг перешла к тупому отчаянию, которое²⁹⁶ смягчила, но не рассеяла религия.

Лето 1811 года Ростовы провели в деревне. В Отрадном²⁹⁷ были жгуче-живые воспоминания о том времени, когда Наташа чувствовала себя в этом Отрадном столь беззаботно счастливой и столь²⁹⁸ открытой ко всем радостям жизни. Она не ходила гулять, не ездила верхом, не читала даже, а молча сидела по целым часам в саду на скамейке, на балконе или в своей комнате.

[Далее см. текст варианта № 168, стр. 51, начиная со слов: С самого того страшного времени, – *кончая*: была в прежней жизни стр. 52].

Ей радостно было думать, что она не лучше, а хуже, а гораздо хуже всех, всех, кто только есть на свете. Но и этого мало было. Она знала это и спрашивала себя, что же дальше? Ростовы рано поехали в этот год в Москву, и главное для Наташи, которая пугала их своей безжизненностью. Она молчала, слабела и худела, видимо, стараясь только никому не быть в тягость и на всё соглашаться.

В Москве первое время было то же.²⁹⁹ Сначала возили ее в свет, но потом сжалились над ней. Она почти не выезжала из дома и рада была одному человеку из гостей – Pierr'у. Нельзя было нежнее, боязнее и вместе с тем серьезнее обращаться, чем обращался с нею толстый, ленивый граф Безухов.³⁰⁰ Pierre со времени своего невольного участия в деле Анатоля, Андрея и Наташи и глубокой жалости к ней, заменившей в нем чувство презрения к ней, несколько

²⁹³ След. три слова вписаны позднее.

²⁹⁴ На полях рукописи пометки: 1) И опять Петя между ними, но на этот раз с Соней, Наташей и душой спокойный. 2) Vive Henri IV. 3) Pierre конституцию.

²⁹⁵ Второй вариант части текста варианта № 168.

²⁹⁶ Зачеркнуто: только одна религия и дружба с Pierr'ом делали для нее сносным.

²⁹⁷ Зач.: не было ни церкви, ни Pierr'a.

²⁹⁸ Зач.: радостно[й]

²⁹⁹ Зач.: Но <Pierre> к концу зимы Наташа стала оживать. И домашние видели, что Pierre, сделавшийся домашним человеком у Ростовых, был тому причиной. Вместо *зачеркнутого* вписано, *кончая*: из гостей – Pierr'у.

³⁰⁰ Зач.: Он никогда не говорил с ней ни о любви (не своей – об этом он и не думал), ни о романтических чувствах, ни об удовольствиях, ни о светских пустяках. Странно сказать, он искренно говорило ей о самых ему казавшихся серьезных вещах, занимавших его самого. Pierre сам, хотя и внешне и не

изменил свой образ жизни. Он безвыездно жил в Москве, во-1-х потому, что в Москве ему³⁰¹ было ловко, как рыбе в воде, во-2-х потому, что жены его тут не было, в-3-х и главное потому, что здесь жили Ростовы.³⁰² Pierre ездил также в клубы, в свет и почти каждый день бывал у Ростовых, жил он по-прежнему, но он воздерживался от главного своего пристрастия и порока. В этот последний год Pierre опять возвратился к масонству, но в другом смысле, чем прежде. Он решил, что переделать людей и свет – невозможно,³⁰³ что в этом и масонство бессильно. Но мистическая сторона масонства привлекала его.³⁰⁴ Изменение его образа жизни нравственно [?] имело влияние на него. Он так много и странно думал, что по ночам в сновидениях он думал и видел сны, открывавшие ему таинства масонства.

Так в последнее время он записал следующее сновидение...³⁰⁵

В конце зимы назначен был Растопчин,³⁰⁶ вся Москва говорила только о³⁰⁷ будущей войне с Наполеоном, огромная комета виднелась на небе. И Pierre в этом приближающемся перевороте, в этой неслыханной славе Наполеона видел явление, подтверждающее его взгляды на жизнь. Власть Бонапарта была не что иное, как уничтожение власти, которая была не от бога, как перст и орудие божие. Кроме того, предсказание из Апокалипсиса о ббб и гибели Бонапарта в России поразило Pierre'a. Он, тайно запершись в комнате и никому не говоря и стыдясь, как преступления, делал вычисление над своим именем и Pierre Besuhoff выходило ббб, и он надеялся быть орудием гибели Бонапарта.³⁰⁸ Другая мечта его была вновь соединить Наташу с Андреем. Он так простил ее и не мог понять, как мог Андрей не сделать того же. Разумеется, Pierre не говорил этого никому <и еще менее Наташе, но он много говорил с ней, и серьезно, о Бонапарте, его власти, о будущей войне и о том, что ожидает Россию. К удивлению своему, он заметил, что этот патриотический вопрос³⁰⁹ начал занимать Наташу и потом сделался ее страстным увлечением, таким же, как было когда-то Дюпор, и теперь заменивший религию. Надо было жить Наташе, надо было увлечься чем-нибудь, и она увлеклась этой войной всё более и более, чем ближе она приближалась. Лето это Ростовы остались в Москве. В Москве они узнавали все действия войск. Получили известия об отступлении и о приезде государя. 11 июня было воскресенье. Наташа была у обедни с матерью.>

<Как это часто бывает, во время чтения молитвы Наташа слушала слова молитвы и вместе с тем думала.

Так же, как в вопросе о долгах отца ей пришло на купаньи простое, ясное средство исправить всё дело тем, чтобы жить умереннее, так теперь ей ясно представилось средство победить врага. – Как? – Соединиться любовью так, чтобы жезл нечестивых не вознесся на жребий освященных. Надо было просто сказать всем друг другу, что мы в опасности; давайте любить, помогать друг другу, отдадим свои деньги – ожерелье жемчужное. Пускай братья – Nicolas, Петя – пускай идет, он всё пристаёт выйти из университета, – и все пойдем на врага и сразу покорим его, это все-таки будет легче, чем биться, спорить, ссориться, как вчера Шиншин с папа, и все-таки пострадать.>

³⁰¹ В рукописи: его

³⁰² Далее исправлено из: Pierre теперь почти не ездил в клубы, мало ездил в свет, целые дни проводил у Ростовых, <но и> старался не пить, но никак не мог отвыкнуть; но главное – дал обет воздержания в главном своем пристрастии и пороке и твердо исполнял его.

³⁰³ Зачеркнуто: что единственное значение ордена есть исправление себя и изучение таинств и посвятил себя мистической стороне масонства и написаны след. двенадцать слов.

³⁰⁴ Зач.: В последнее время он настолько изменил свою жизнь и направил свою мысль так, что не только днем, он почти постоянно имел в мыслях свои цели, но *Вместо зачеркнутого вписано, кончая:* и странно думал, что

³⁰⁵ Многоточие в рукописи.

³⁰⁶ Зач.: появились его афишки

³⁰⁷ Зач.: будущем нашествии и на полях вписаны след. четыре слова.

³⁰⁸ Следующие две фразы вписаны позднее.

³⁰⁹ Зач.: страстно

* № 170 (рук. № 89. Т. III, ч. 1, гл. XXI).

Пете было решительно отказано. Он ушел один в свою комнату и там, запершись от всех, горько плакал. Все делали, как будто ничего не заметили, когда он к чаю пришел молчаливый и мрачный, с заплаканными глазами. После чаю, как обыкновенно, когда Pierre оставался. вечер у Ростовых, он составил с Ири[ной] Яковлевной и доктором партию графини.

Pierre ездил к Ростовым для Наташи, но он очень редко бывал³¹⁰ с нею и говорил с нею отдельно. Ему нужно было только для того, чтобы ему было радостно и покойно, чувствовать ее присутствие, смотреть на нее, слушать ее. И она знала это и всегда бывала там, где он, когда он бывал у них. Ей самой было приятнее всего в его присутствии. Он только один³¹¹ не тяжело, а напротив утешительно напоминал ей о том страшном времени. После игры Pierre остался у стола, рисуя на нем фигуры. Надо было уезжать. И, как всегда, именно когда надо было уезжать, Pierre чувствовал, как ему хорошо было в этом доме. Наташа и Соня подошли к нему и сели у стола.

– Что это вы рисуете?

Pierre не отвечал.

– Однако, — сказал он Наташе, — вы не на шутку заняты войной, — я этому рад.

Наташа покраснела. Она поняла, что Pierre рад ее увлечению потому, что увлечение это заслонит ее горе.

– Нет, — отвечая на ее мысль, сказал Pierre. — Я люблю наблюдать, как женщины обращаются с мужскими вопросами: у них всё выходит ясно и просто.

– Да и что же может быть неясного, — сказала Наташа оживленно. — Нынче, слушая молитву, мне так всё ясно стало. Надо только смириться, покориться друг другу и ничего не жалеть, и все будет хорошо.

– А вот вы жалеете ж Петю.

– Нет, не жалею. Я бы его ни за что не послала, но ни за что б не удерживала.

– Жалко, что я не Петя, а то меня вы посылаете, — сказал Pierre.

– Вас — разумеется. Да вы и пойдете.

– Ни за что, — отвечал Pierre и, увидав недоверчиво-добрую улыбку Наташи, продолжал. — Удивляюсь, за что вы обо мне такого хорошего мнения, — сказал он.³¹² — По-вашему, я могу всё хорошее сделать и всё знаю.

– Да, да, всё. А теперь самое главное — защита отечества, — опять слово «отечество» задержало Наташу, и она поторопилась оправдаться в употреблении этого слова. — Право, я сама не знаю отчего, но я день и ночь думаю, что с нами будет, и я ни за что, ни за что не покорюсь Наполеону.

– Ни за что, — серьезно повторил ее слова [Pierre]. — Вы и не покоритесь, — сказал Pierre и стал писать. — А это вы знаете? — сказал он, пиша ряд цифр. Он объяснил, что все цифры имеют значение букв и что по этому счислению написать 666 — выйдет L'Empereur Napoleon и 42. И рассказал предсказание Апокалипсиса. Наташа долго, с горячею устремленными глазами смотрела на эти цифры и поверяла их значение.

– Да, это страшно, — говорила она, — и комета.

Наташа так была взволнована, что Pierre раскаивался даже в том, что сказал ей это.

³¹⁰ *Зачеркнуто:* наедине

³¹¹ *Зач.*: без тяжелых воспоминаний

³¹² *Зачеркнуто:* Вы не хотите верить, чтобы я не был

* № 171 (рук. № 89. Т. III, ч. 2, гл. I—VIII).

7-я ЧАСТЬ

³¹³Что должно было совершиться, то должно было совершиться. Как Наполеон думал, что он начал войну с Россией потому, что он захотел всемирной монархии, а начал ее потому, что не мог не приехать в Дрезден, не мог [не] отуманиться почестями, не мог не надеть польского мундира и не поддаться предприимчивому впечатлению июньского утра и не начать переправу через Неман, так думал Александр, что он ведет отчаянную войну, в которой он не помирится, хотя бы ему дойти до Волги, только потому, что³¹⁴ не мог поступить иначе.

Лошадь, поставленная на покатоое колесо рушилки,³¹⁵ думает, что она³¹⁶ совершенно свободно, произвольно ступая с левой или с правой ноги, поднимая или опуская голову, идет потому, что ей хочется взойти наверх, так точно думали все те неперечислимые лица, участники этой войны, которые боялись, тщеславились, горячились, негодовали, думая, что они знают, что они делают, а все были только лошадьми, мерно ступавшими по огромному колесу истории,³¹⁷ производившими скрытую от них, но понятную для нас работу. Такова неизменная судьба всех практических деятелей, и тем несвободнее, чем выше они стоят в людской иерархии, чем выше, тем более они связаны, чем круче колесо, тем быстрее и несвободнее идет лошадь. Стоит ступить на это колесо, и³¹⁸ нет свободы, нет понятной деятельности, и чем дальше, тем быстрее идет колесо и³¹⁹ тем меньше свободы до тех пор, пока не сойдешь с него.

³²⁰Только Ньютон, Сократ, Гомер действуют сознательно и независимо, и только у тех людей³²¹ есть тот произвол,³²² который против всех доказательств о нервах доказывает моя, сейчас поднятая и опущенная рука.

³²³Еще можно бы было в какой-нибудь другой деятельности общественной человека оспаривать его зависимость от общих и произволь[ных причин], но не в военной, потому что военная есть одна из самых противных де[ятельностей] другой – нравственной стороне человека. Мы привыкли говорить о войне как о благороднейшем деле. Цари носят военный мундир. Военные люди называются так же, как и благодетели рода человеческого – гении, и так же, и более, несравненно более Сократа и Ньютона прославляются. Мечта мальчика есть война. Высшая почесть – военная. А что <есть война> и что нужно для успешного ведения войны? Для того, чтобы быть гением:

- 1) Продовольствие – организованный грабеж.
- 2) Дисциплина – варварский деспотизм, наибольшее стеснение свободы.
- 3) Умение приобретать сведения: шпионство, обман, измена.

---

³¹³ На полях: Д[олохов] напоил жид.

³¹⁴ Позднее зачеркнуто.: он нашел это справедливым для России, он вел такую войну, потому что он не мог не быть лично оскорблен Наполеоном и лично не мог забыть оскорбления. Как думает *Вместо зачеркнутого вписаны на полях след. четыре слова.*

³¹⁵ Слово: думает вписано позднее.

³¹⁶ След. четырнадцать слов вписаны позднее.

³¹⁷ Зач.: заставлявшими

³¹⁸ Зач.: и пошла нич

³¹⁹ Зач.: нет

³²⁰ Зач.: Есть

³²¹ Зач.: которые действуют сообразно с своей

³²² В рукописи слова: есть тот произвол повторены два раза.

³²³ Зач.: Теперь, когда

- 4) Уменьше прилагать военные хитрости, обман.
- 5) Что самая война? – Убийство.
- 6) Какие занятия военного? – Праздность.
- 7) Нравы – разврат, пьянство.

Есть ли один порок, одна дурная сторона человеческой природы, которая бы не вошла в условия военной жизни? Отчего же уважается военное звание? Оттого, что оно есть высшая власть. А власть *имеет льстецов*.³²⁴

Так вот почему военное дело более всего подлежит муравейным, неизбежным законам, руководящим человечество, и исключает всякий личный произвол и знание своей цели, тем более, чем более лица связаны с общим ходом дела. Как тем быстрее вертится³²⁵ то колесо последней передачи, чем больше под ним передач. Теперь двигатели колес 12 года давно сошли с своих мест, колеса уничтожились и преобразовались, а результаты перед нами, и потому нам ясно, как ни один человек, чем выше он был (ни Наполеон, ни Александр), не имел ни малейшего чаяния о том, что будет, а что вышло именно то, что должно было быть. Наполеон с Вильны всё ждал мира, Александр не мог допустить, чтобы Смоленск был отдан, не только Москва.³²⁶

Теперь нам ясно, что было причиной успеха 12-го года. Я думаю, никто не станет спорить, что успех зависел от заманения Наполеона в глубь России, от сожжения городов и возбуждения ненависти к врагу. И не только никто не видел этих средств. (Я не говорю о разных намеках в письме Александра к Бернадоту и разных намеках современников, которые, естественно, *argès sour*³²⁷ собирают из всего, что было думано и говорено, и забывают, что эти намеки – 1 на 100 000 противоположных – не упоминают о противоположных, а говорят о подтверждающих свершившийся факт. Это – прием, которым оправдывают[ся] и подтверждаются предчувствия и предсказания.)

Итак, не только никто не видел этого тогда, но, напротив, все силы были направлены на то, что[бы] помешать этому, то есть входу неприятеля в глубь России и возбуждению народному.³²⁸ И силы, направлявшиеся против, сами не сознавая того, обращались в пользу. Наполеон входит в Россию с 500-тысячной армией. Он страшен своим умением давать решительн[ые] сражен[ия]. Мы раздробляем на маленькие кусочки свою вдвое слабейшую армию и держимся плана Пфуля. Армии наши разрезаны. Мы стремимся соединить их и для соединения принуждены отступать. И³²⁹ невольно, описывая острый угол обеими армиями, заводим Наполеона до Смоленска. Мы намерены дать сражение впереди Смоленска и сами обойдены и принуждены защищать Смоленск. Смоленск мы защищаем, но не настолько, чтобы подвергнуть армии опасности, и не настолько, чтобы не обмануть жителей, которые погибают в стенах Смоленска, и Смоленск зажигают. Всё это делается противно распоряжениям свыше, всё это вытекает из сложнейшей игры, интриг, целей, планов, желаний противоположных друг другу и³³⁰ не угадывающих того, что должно быть, и того, что есть единственное спасение. Пфуль уезжает, ругаясь, говорит, что *die ganze Geschichte geht zum Teufel*³³¹ и не может понять бессмыслицы раздробить армию сообразно с его планом и потом оставить этот план. Император уезжает от армии по письму Ш[ишкова], А[ракчеева] и Б[алашева], в котором они, как за довольно удобный предлог, ухватываются за необходимость воодушевить столицу своим при-

³²⁴ *Зачеркнуто:* Это

³²⁵ *Зач.*: флюгерок в орк[естре]

³²⁶ *На полях:* <Планы> Сколько было планов! Дрисса – права. Высадка. Штейн. Армфельд. Слоним. Атака впереди Гродно.

³²⁷ [потом]

³²⁸ *В автографе:* народного.

³²⁹ *След. шесть слов вписаны позднее на полях.*

³³⁰ *Зачеркнуто:* ни одной

³³¹ [вся история идет к чорту]

сутствием, а в этом вся сущность дела. Генералы в отчаянии, что армии раздроблены и что нет единства начальства, что Багратион старше чином, а Барклай в[оенный] м[инистр], но из этой путаницы и раздробления вытекает нерешительность и избежание сражения, от которого нельзя бы было удержаться, ежели бы армия собралась вместе. Избрание не национ[альное] ничтожного Барклая главнокомандующим кажется ошибкой и горем, а оно-то спасает армию и возбуждает дух... Всё ведется для очевидной для нас, потомков, цели, но скрытой, как жернов от ходящей на круге лошади. И всё для исполнения предназначенной цели употребляется невидимым машинистом и берется во внимание: и пороки, и добродетели, и страсти, и слабости, и сила, и нерешительность – всё, как будто стремясь к одной своей ближайшей цели, ведет только к цели общей.

После отъезда государя из армии положение начальства³³² армии еще более запуталось, хотя это и казалось невозможно. Тогда, хотя неопределенно,³³³ неясно, но чувствовался всеми центр власти. Теперь и этого не было. Барклай мог (и то сомнительно) отдавать приказания именем государя, но Багратион и поставлен независимо, был старше чином и мог его не слушаться, точно так же надо было просить Чичагова и Тормасова. Весь рой лишних и потому вредных людей, г[енерал]– и ф[лигель]–адъютантов, всё судивших и всё путавших, был тот же. Пфуль уехал и Армфельд, но Бенигсен – старший генерал и цесаревич были при армии. Цесаревич вернулся к Смоленску из Москвы и высказывал свою ненависть к Барклаю и теперь, когда нельзя было уже говорить о мире, не было брата, которому он противуречил, он противуречил Барклаю во всем. Барклай стоял за осторожность, цесаревич намекал на измену и требовал генерального сражения. Любомирски[й], Браницки[й], Влодски[й] и т. п. так раздували весь этот шум, что Барклай вынужден был поручить им бумаги для доставления государю в Петербург и приготавливал еще нужнейшие бумаги для Бенигсена и великого князя. Каждый, даже из тех, которые не прямо противуречили главнокомандующему, каждый имел свой план и проэкт и делал всё возможное, чтобы план противника не удался. Один предлагал сражение, другой ехал как будто для рекогносцировки и вместо рекогносцировки³³⁴ ехал в гости к корпусному командиру около того места и говорил, что он осмотрел и место не годится. И ему точно казалось, что оно не годится, тогда как его противнику оно казалось единственно возможным. Остроты, шутки, насмешки, ссоры перекрещивались, как плутонговая³³⁵ пальба. Багратион долго не присоединялся, хотя это была главная цель всех начальствующих лиц, так как ему казалось, что он на этом марше ставил в опасность свою армию и что выгоднее всего для него было бы отступить левее и южнее и, беспокоя с фланга и тыла неприятеля, комплектовать свою армию в Украине. Он так думал, а в сущности он только выдумывал невозможности и придумывал выгоды для того, чтобы не подчиниться ненавистному и младшему в чине немцу Барклаю.

В Смоленске наконец соединились армии. Багратион в карете подъезжал к дому, занимаемому Барклаем. Барклай (за что редкие поклонники и перевозносили его) надел шарф и вышел навстречу и рапортовал Багратиону. Багратион был доволен и подчинился Барклаю. Но, подчинившись, еще меньше был согласен. Багратион лично доносил государю. И когда оба главнокомандующие свиделись, они как будто сошлись, но рой Браницких, Винценгероде и т. п. еще больше отравил их сношения, вышло еще меньше единства. Хотели, собирались атаковать, и вынуждены были принять неожиданное сражение в Смоленске, чтобы спасти свои сообщения. Так надо было.

³³² *Исправлено из:* начальствующих

³³³ *Зач.:* просто

³³⁴ *Зачеркнуто:* говор[ил?]

³³⁵ *Плутонг* – небольшое войско в строю.

Высший же машинист заставлял его топтаться в этом колесе для того, чтобы он соединился только под Смоленском, и для того, чтобы зажжен и избит был Смоленск. Это надо было³³⁶ для того, чтобы поднялся народ.³³⁷

Мы с 1-х чисел августа искали сражения впереди и правее Смоленска, два раза ходили войска туда и назад, но во время этой нерешительности и споров французы – о чем мы не знали – хотели обойти нас с правого фланга и, заняв Смоленск, отрезать от Московской дороги. Совершенно неожиданно 3-го августа дивизия Неверовского наткнулась, была атакована всем авангардом Мюрата, должна была отступить, билась целый день и, отступая, привела французов к самому городу Смоленску, который не только уступил французам, но до которого допустить французов за день до этих событий никто и не мог подумать. На защиту Смоленска послан корпус Раевского. Целый день 4-го августа шло сражение, но французы не стреляли по городу. 5-го корпус Дохтурова и Евгения Виртембергского послан на смену Раевского, и 5-го числа Наполеон сказал: *on prendra cette bicoque on toute l'armée у регіа*,³³⁸ и началась канонада из 150 орудий по войскам и городу и начались атаки французов. *Mais la bicoque ne fut pas prise et l'armée n'y répit point.*³³⁹ На другой день Барклай де Толли велел Дохтурову отступить, и тут-то Бенигсен и великий князь поехали к Барклаю внушать, что армия недовольна и что нужно дать сражение, и тут наконец нашлись в главной квартире Барклая такие важные бумаги, которые главнокомандующий не мог поручить никому для доставления в Петербург, кроме самого брата государя.

—

Старый князь после отъезда сына слабел с каждым днем, как замечала это его дочь, но на глаза равнодушные прислуги и знакомых он, казалось, [был] еще мужественнее и энергичнее, чем когда-либо. Он³⁴⁰ начинал изменять все свои привычки.

Следующую ночь по отъезде сына он долго ходил по кабинету, потом в 11-м часу отворил дверь в³⁴¹ официантскую и стал ходить по гостиной зале. В зале, у шкафчика, он сел, отворил окно и смотрел в сад, потом велел подать свечу и тут читал и потом тут же в зале велел Тихону разбить себе походную кровать. На другой день³⁴² днем он спал и много ходил и делал беспрестанные распоряжения, вечером и ночью опять стал ходить по комнатам и опять велел себе разбить постель уже не в зале, а в галлерее.³⁴³ Так он жил, беспрестанно переменяя ночлеги, очевидно не зная, что и когда и где он будет делать, но постоянно торопясь и не успевая всего обдумать и обделать. С княжной Марьей за всё это время совсем не было ссор, но была к ней постоянная холодность, которую княжна Марья объясняла себе только приличием. Ему неловко было перейти от прежнего озлобления к ласке. А княжна Марья думала, что он бы хотел и не смел сам перед собой это сделать.³⁴⁴ В конце июля он получил письмо о занятии Витебска и сражении под Островно. Прочтя письмо, он напился чаю с княжной Марьей и Бурьен и разговаривал оживленно о³⁴⁵ сражении на Дунае. В конце разговора он к чему-то сказал, что как скоро дошло письмо князя Андрея от границы. Княжна Марья взяла письмо и, осмотрев его, прочла: «местечко Градник Витебской губернии».³⁴⁶

³³⁶ След. пять слов вписаны на полях позднее.

³³⁷ На полях: В Петерб[урге] Кут[узов] назнач[ен].

³³⁸ [этот городишко будет взят, или вся армия погибнет там,]

³³⁹ [Но городишко взят не был, и армия там не погибла.]

³⁴⁰ Зачеркнуто: изменился особенно в том отношении, что стал деятельнее и заботливее. Все после

³⁴¹ Зач.: гости[ную]

³⁴² Зач.: был

³⁴³ Зач.: После двух

³⁴⁴ Зачеркнуто: <Отправив Алпатыча> В 1-х числах *Осталось незачеркнутым*: августа

³⁴⁵ Зач.: Измаиле

³⁴⁶ Зач.: – Мон рёге, он не с границы

– Они теперь должны быть перед Вильно. Бонапарт пойдет влево. Ах, ничего-то никто не заботится. – Вели карты разложить.

Князь встал и велел Тихону разложить географические карты и стал делать расчеты о движении неприятеля в окрестностях Вильны. Он старческими корявыми руками водил по карте и позвал архитектора. Всё было так ясно обдуманно, что он говорил, но всё относилось к прошедшему. Он не понял и не мог понять, что Наполеон уже был в Витебске. Давно уже это замечала княжна Марья, что последнее время князь не понимал того, что ему говорили, что у него были свои мысли, и ежели он спрашивал или узнавал о чем-нибудь, то он узнанное подводил под свои мысли. Княжна Марья попробовала напомнить ему о Витебске, но он сердито, презрительно и так самоуверенно посмотрел на нее, что она пришла в сомнение, не ошибалась ли она. Во время занятий над картами пришел Алпатыч. Князь поспешно пошел в кабинет, заметив иголок[ами] места на карте, и сел за бюро. Отправляемому Алпатычу надо было дать так много инструкций, и князю казалось, что никто заменить его не может.

– Почтовой бумаги, смотри же, этой золотообрезной – вот образчик, чтобы непременно по нем была. Потом протоколисту, этому мерзавцу, скажи, чтоб он записи мне выдал все. «Они всё запутают без меня, – думал он. – Лысые Горы чресполосны будут».

Потом была нужна покупка флера для портрета, потом ящик переплетный надо было заказать для укладки завещания.

Алпатыч принимал приказания, но удивлялся: никогда князь так подробно, мелко, торопливо не доходил до всего. Отпустив Алпатыча, князь раскрыл завещание свое, которое он вынимал для мерки, и стал читать, надев очки.

«Ах, да, еще надо приписать статью о том случае, коли у внука не будет потомства».

Но, затворив дверь, князь устал и стал³⁴⁷ перечитывать прежнее и писать новое. Завещание было очень пространное и обстоятельное, и князь испытывал успокоивающее чувство заниматься этим делом, которое будет иметь действие, когда его самого не будет. Тогда всё будет ясно, спокойно, – представлялось ему, – и он с особенным удовольствием обращался к тому времени. – Уже было поздно, когда князь встал от стола, но спать³⁴⁸ ему не хотелось, но он знал, что не заснет и что самые дурные мысли приходят ему в постели – он вспомнил еще поручение Алпатычу: к именинам Коли купить лошадь, позвал Алпатыча и подробно рассказал, какую.³⁴⁹

[*Далее от слов: Погуляв потом по комнатам и примеривая всякий уголок, хорошо ли тут будет спать... кончая: он открыл закрывшиеся было глаза близко к печатному тексту. Т. III, ч. 2, гл. III.*]

«Тяжело, больно! Нет покою телу, а духу еще, еще тяжеле. Не могу, не могу понять и запомнить всё, что надо. Да, да, еще что-то приятное было, очень что-то приятное я приберегу себе на ночь в постеле. Лимонад? Нет, что такое, что-то в гостинной было? Княжна Марья что-то врала. В кармане что-то... Не вспомню».

– Тишка! Об чем за обедом говорили?...

– Об князе Михайле.

– Молчи, молчи.

Князь захлопал рукой по боковому карману камзола. «Знаю, письмо князя Андрея. Княжна Марья что-то про Витебск говорила, теперь прочту».

<Он> достал письмо³⁵⁰ и положил на придвинутый к кровати столик с лимонадом и витушкой восковой свечкой. Он стал раздеваться.

³⁴⁷ *Зач.*: писать

³⁴⁸ *Зачеркнуто*: еще не

³⁴⁹ *На полях*: Но вдруг постель стала колебаться. Он стал тяжело, поспешно дышать. Он торопился, он заботился – не об чем еще было – но он уже заботился. – Да, и тело больно и духом не могу, не могу понять всей этой путаницы.

³⁵⁰ *Зач.*: лег в кровать, надел очки и

Боже мой, боже мой! Как тяжело было сгибать измученные, засохшие, 70-летние его плечи в то время, как Тихон снимал кафтан, как тяжело опустился он на кровать, как не хотела подняться нога, которую разували, и как она, худая, сухая, желтая, упала вниз. А надо было еще поднять их, передвинуться на кровати. «Ох, как тяжело, ох, хоть поскорее, поскорее кончились эти труды и вы бы отпустили меня», думал он.

Он сделал, поджав губу, в 20-т[ый] раз это усилие и лег с письмом в руке. Письмо сына было записано в его памяти чем-то утешительным и приятным, но оно подействовало обратно. Тут только, в тишине ночи, при слабом свете из-под зеленого колпака, он, прочтя письмо, понял всё его значение. Что же это? Французы в Витебске. Так они через³⁵¹ 4 перехода могут быть у Смоленска. Может, они уж там?

«Что ж это? Нет, нельзя мне успокоиться».

Он завертел своей трещеткой. Тихон вскочил.

– Пошли Алпатыча. Дай халат и посвети в кабинет.

Надо было внушить Алпатычу, как ему поступить, ежели он встретит неприятеля, надо было запастись оружием и порохом (ружей, мушкетенов было много) на случай нападения мародеров. В два часа ночи он отпустил Алпатыча, но только что он отпустил его, как ему вспомнились еще необходимые, несделанные распоряжения. Надо было написать письмо сыну, надо было здесь, в Лысых Горах, распорядиться постановкой пикетов на дорогах, надо было укрепить усадьбу, внушить мужикам, написать предводителю. Не снимая халата до рассвета, князь Николай Андреич не ложился.³⁵² Утром он оделся, пошел в кабинет и послал за дочерью и за чаем. Но, когда пришли, он спал в кресле, склонившись на ручку, и на ципочках унесли кофе. Так же, как и прежние дни, в неперемежающихся хлопотах и заботе, прошли эти 3 дни отсутствия Алпатыча, со 2-го дня были посланы гонцы за ним, и целые дни князь Николай Андреич распорядился шитьем платьев военных для всех дворовых и обучением их стрельбе, которое он поручил архитектору.³⁵³

Лысые Горы, имение князя Николая Андреича Болконского, находились в 60 верстах от Смоленска, позади его, и в 30 верстах³⁵⁴ от Московской дороги. 2-го числа, после медового Спаса,³⁵⁵ Яков Алпатыч по поручениям князя отправился в Смоленск.³⁵⁶

Яков Алпатыч, несмотря на то, или именно потому, что имел честь и счастье часто падать под удары суковатой палки старого князя, был по своему положению в той среде, в которой он действовал уже 36 лет и из которой не выходил, такой властный вельможа, какой теперь есть, может быть, только на востоке, такой вельможа, каким был какой-нибудь кардинал Ришелье и вообще полномочный любимец самодержавного государя. Не говоря о уездном городе, Смоленск находился еще в районе власти Алпатыча. В Смоленске Алпатыч, как с равными и даже низшими, обращался с губернскими секретарями и почтмейстерами. И купцы наперерыв просили его сделать честь посещения. Алпатыч под Очаковым мальчишкой был с князем и потому³⁵⁷ имел несколько воинственный, акуратный вид старого служаки. В войне он считал себя таким же непреложным судьей, как и своего барина, и так же, как князь, считал,

³⁵¹ *Зачеркнуто:* два

³⁵² *Зач.:* и заснул

³⁵³ *На полях:* Ехать в орденах. Ученье дворовых.

³⁵⁴ *Зач.:* только

³⁵⁵ *Осталось по ошибке не зачеркнутым:* который Яков Алпатыч *Далее позднее зачеркнуто:* степенно отпраздновал с обедней в нарядном, с кн[язьего] плеча кафтане и с пирогами и гостями, почтительно зашедшими поздравить (Якова Алпатыча) княжеского управляющего,

³⁵⁶ *Зач. позднее:* для покупок, отдачи писем на почту и, главное, для узнания подробностей о войсках и о Перновском полку, которого командиром был назначен князь Андрей. Князь Андрей сам извещал об этом отца и писал ему почтительное письмо, которое было последней радостью старого князя.

³⁵⁷ *Слово:* потому *вписано позднее.*

что под Очаковым действительно была война, и всё, что теперь называли войной, было так, детская забава – «так притворялись тоже, мы воюем» – говорил Алпатыч...³⁵⁸

Как всегда говорящие с чужого голоса, Алпатыч был увереннее в этом, чем сам князь.³⁵⁹

На зорьке прекрасного летнего дня 2-го августа, с вечера получив все приказания, напившись чайку, Алпатыч, провожаемый домашними, в белой пуховой шляпе – княжеский подарок, – с палкой, так же, как князь, вышел садиться в кожаную кибиточку, заложенную тройкой сытых саврасок.³⁶⁰ Колокольчик был подвязан, и бубенчики заложены бумажками. Князь никому не позволял в Лысых Горах ездить с колокольчиком, и один становой был собственноручно избит за это. Но Алпатыч любил колокольчики и бубенчики в дальней дороге.

Придворные Алпатыча: земской, конторщик, кухарка, черная и белая, две старухи,³⁶¹ мальчик-казачок,³⁶² кучера и разные дворовые провожали его. Горничная прибежала, прося божескую милость сделать, купить ей вот точно таких иголок. Дочь укладывала за спину и под него ситцевые пуховые подушки. Свояченица-старушка тайком сунула узелок. – (Алпатыч не любил бабьи сборы.) – Один кучер посадил его под руку.

– Ну, ну, бабьи сборы, бабы, бабы, – пыхтя, проговорил Алпатыч, точно так, как говорил князь, садясь в кибиточку. Отдал последние приказания о работах земскому и, в этом уж не подражая князю, снял с лысой головы шляпу и перекрестился троекратно.

– Вы, ежели что, вы вернитесь,³⁶³ Яков Алпатыч, ради Христа нас пожалей, – прокричала ему жена,³⁶⁴ намекавшая на слухи о войне и неприятеле.

– Бабы, бабы, бабьи сборы, – проговорил Алпатыч про себя и поехал холодком зари, оглядывая вокруг себя покрытые росой поля и соображая свои распоряжения о посеве и уборке и о том, не забыто ли какое княжеское приказание. Алпатыч не только словами и приемами, он даже лицом был похож на старого князя.

³⁶⁵Покормив дорогой в Поповых Крестах, к вечеру 2-го Алпатыч приехал в город и остановился у Ферапонтовых. Ферапонтовы были купцы, 5 братьев, у отца которых еще стоял Яков Алпатыч и с которым игрывал в шашки 30 лет тому назад точно так же, как играл теперь в мучной лавке с старшим братом.

По дороге Алпатыч³⁶⁶ встречал и обгонял обозы и войска, но в городе еще³⁶⁷ было тихо. Ферапонтовы сообщили ему, что некоторые по глупости собираются из Смоленска и боятся.

– А по нашему делу разве соберешься, да и губернатор объявил, что опасности нет и войска наши далеко впереди.

Ферапонтов еще рассказал некоторые военные новости, как Платов Матвей Иванович крепко бьет французов и на реке Марине (хотя никакой похожей по имени реки не было) 18 т[ысяч] французов в одну ночь утопил. Яков Алпатыч невнимательно слушал рассказы Ферапонтова. Он так же, как князь, презирал бабьи толки и был убежден, что кроме князя, хотя он и за 60 верст, никто вернее не знает хода дел.

На другой день Алпатыч надел камзол, который он надевал только в городе, и пошел по делам. Все его знали, все кланялись ему весело. Он зашел в лавки, на почту и в присутственные

³⁵⁸ Зачеркнуто: еще с более глубоким презрением, чем сам принципал его.

³⁵⁹ Слова: в этом... сам князь вписаны позднее вместо зачеркнутого: те, которые сами выдумали то, что он говорит. На полях: Тушин радуется на убитого и завидует.

³⁶⁰ Зач. позднее: А[лпатыч] любил

³⁶¹ Мальчик-казачок вписано позднее.

³⁶² Зач. позднее: лакеи, музыканты и надписаны след. три слова.

³⁶³ След. шесть слов вписаны на полях позднее.

³⁶⁴ Конец фразы вписан на полях позднее.

³⁶⁵ Зачеркнуто: Проехав

³⁶⁶ Зач. позднее: встретил мало воинских и надписаны след. три слова.

³⁶⁷ Слова: но... еще вписаны позднее.

места, где пробыл весьма долго. Алпатыч считал себя большим мастером *ходить* по делам и писать прошения с такими периодами, где далеко, далеко от всех обстоятельств глагол стоял на самом конце. Дело в присутствии было самое пустое, подача ревижских сказок, но Яков Алпатыч с другом своим протоколистом долго, тонко обсуждали предмет и решили сделать так, чтобы вышло как можно сложнее и хитрее, хотя в хитрости надобности не было. Потом Алпатыч с протоколистом выпил дрей-мадеры, поговорил о политике и пришел, несколько раскрасневшийся, в лавку к Ферапонтову. Яков Алпатыч, что было большая редкость в то время, был так крепок насчет вина, что он не скрывал от князя и в добрую минуту говаривал ему:

– Вы изволите знать, я пить не пью, окромя как другой раз дрей-мадеры придется с приказным выпить, я ее люблю.

Проиграв несколько партий и побив кучера, который, как всегда, напился в городе, Яков Алпатыч рано, по своему обыкновению, лег спать на дворе на сене. Но едва он заснул, как толстый Ферапонтов в одной рубахе, поправляя пояс с ключиком, пришел к нему и объявил, что дело плохо. Слышны были выстрелы недалеко за Смоленском и, говорят, неприятель близко. Алпатыч усмехнулся и объяснил, как военный человек, купцу, что это бабьи толки, что чего не соврут, что выстрелы могут быть – ученье и что³⁶⁸ до Смоленска ни за что не допустят, и заснул. А Ферапонтов не ошибался: в этот день, 3-го августа, было нападение на Неверовского и отступление его к Смоленску. На другой день рано Алпатыч разбудил пьяного, избитого кучера и, заложив лошадей и собравшись ехать, вышел на крыльцо. Действительно, по улице шли³⁶⁹ войска. Только что выехала Алпат[ычева] тройка саврасых, как один офицер, ехавший верхом, указал на кибиточку и что-то сказал. Двое солдат вскочили в кибитку и велели ей ехать в Петербургский форштат за раненым полковником. Алпатыч учтиво, но строго снял шляпу и, махнув рукой кучеру, чтоб он не ехал, подошел к офицеру, желая объяснить ему его ошибку.

– Ваше благородие, господин интендант, – сказал он, – как кибитка эта,³⁷⁰ так лошади и кучер,³⁷¹ принадлежат его сиятельству генерал-аншефу князю Болконскому, равно и я, и потому...

– Пошел, пошел, – крикнул офицер солдатам. – Ступай с ними, им по дороге, – и офицер поскакал, стуча по камням мостовой.³⁷²

Алпатыч остановился в недоумении.

– Это мило! – сказал он иронически, тоже повторяя слова своего барина. Он пожал плечами. – Вещи-то выложи! – крикнул он кучеру. Кучер исполнил его приказание, и с узелками и подушками Алпатыч вернулся к Ферапонтову и тотчас же стал сочинять прошение против офицера «неизвестного имени и чина, но, вероятно, вином до беспамьятства доведенного, не мою, но принадлежавшую его сиятельству генерал-аншефу князю Болконскому повозку взявшего». Написав и перебелив прошение и напившись чайку, Яков Алпатыч понес его к главнокомандующему. Узнав, что в городе за рекою находился старший генерал Раевский, он пошел к нему. Проходя улицами, Яков Алпатыч видел везде шедшие войска и, не дойдя до места, услышал близкую³⁷³ перестрелку. Раевский был за мостом и не принял Алпатыча. Он постоял.³⁷⁴

³⁶⁸ Следующие семь слов вписаны позднее на полях вместо: Смоленск не оставят.

³⁶⁹ Зачеркнуто: навстречу друг другу повозки с ранеными.

³⁷⁰ Зач.: но так и эти

³⁷¹ Зач. вписанное позднее: и я сам, – сказал он с улыбкой,

³⁷² Зач. позднее: — Так дерзко, – закричал Алпатыч. – Я дойду до главнокомандующего. Но прежде, чем <бежать> идти к главнокомандующему, он побежал к повозке и велел вынуть из нее вещи. С вещами он вернулся. Вместо зач. вписано на полях, кончая: Алпатыч вернулся.

³⁷³ Слово: близкую вписано позднее.

³⁷⁴ Позднее зачеркнуто: посмотрел и вернулся назад. Он не мог понять того, что делалось. В половине дня стала слышна канонада, и стали опять провозить раненых, и он видел двух французских пленных. Несмотря на всё недоумение и волнение свое, он, однако, пошел обедать к Ферапонтовым и за обедом только тогда оживился, когда, забывая и не объясняя того, что делалось теперь, стал рассказывать свои старинные военные похождения под Очаковым. Ферапонтов рассказывал

За мостом несли раненых.³⁷⁵ Улицы были запружены народом, и несколько человек посоветовали Алпатычу вернуться назад. Офицер, с которым нашел нужным посоветоваться Алпатыч, засмеялся ему в лицо и сказал, что Раевского он не найдет теперь. Алпатыч вернулся. Возвращаясь, он услышал близкую канонаду, и проходящие солдаты объяснили ему, что французы на стены лезут. Несколько раз Алпатыч останавливался, оглядывая то раненых, то пленных, которых вели мимо его, и неодобрительно покачивал головой. Когда он вернулся, Ферапонтовы³⁷⁶ подтвердили ему дурные слухи, но, несмотря [на это], пригласили обедать, так как было уже за полдень. За обедом, во время которого подрагивали стекла в окнах, Алпатыч, бывший почетный гость, начал разговор о Очаковской войне и с подробностями рассказал, что он там видел и как князь действовал и 3000 турок забрал. Ферапонтовы внимательно слушали его, но как только он кончил, как будто бы то, что они говорили, было ответом на его слова, начали рассказывать о том, что некоторые уезжают, что разбойники мужики дерут теперь по 3 рубля серебром за подводу, и про то, что Селиванов купец³⁷⁷ угодил в четверг, продал муку в армию по 7 рублей за куль, а что³⁷⁸ Марья пряничница и та села на мосту с квасом и с солдат выручила 6 рублей³⁷⁹ в день за квас.

– И квас-то дрянной,³⁸⁰ потому – жара.

К вечеру³⁸¹ стрельба затихла.³⁸² Одни говорили, что французов прогнали, другие говорили, что на завтра опять большое сражение будет за городом. Старший брат Ферапонтов³⁸³ ушел со двора. Братья ходили, растерянные, по двору и лавкам. Алпатыч сел с вечера на лавочку у ворот.³⁸⁴ Повозка Алпатыча не возвращалась.³⁸⁵ Он не ложился. Всю короткую, летнюю ночь он и сидел на³⁸⁶ лавочке, разговаривая с кухаркой и дворником, спрашивая о том, что делалось, у беспрестанно проходивших войск и прислушиваясь к говору и звукам. В соседнем доме убирались и уезжали. Ферапонтов³⁸⁷ вернулся, и [они] тоже не ложились и к утру³⁸⁸ стали укладываться.

³⁸⁹В ночь повозка вернулась. Кучер рассказывал, что его угнали за мост, что побоище было страшное и что его не выпускали. Лошадей надо было кормить. Алпатыч, только что рассвело, пошел к собору и в соборе нашел³⁹⁰ народ. Против Смоленской божьей матери, не переставая, по очереди служили молебны. Отслужив молебен и за себя, Алпатыч вместе с знакомым купцом вошел на колокольню, с которой, как ему говорили, видны были французы.

зачеркнутого вписан дальнейший текст, кончая: начали рассказывать о том,

³⁷⁵ *На полях: <сидел у ворот и смотрел, ни во что не верил, даже в бомбы. – Это не очаковские, всё пустяки, – и бомбы не посмели тронуть его. Он верит в победоносность русских.>*

³⁷⁶ *Зач.: сажались обедать*

³⁷⁷ *Зач.: ловко След. три слова вписаны на полях позднее.*

³⁷⁸ *Зач. позднее: его кухарка и вписаны след. четыре слова.*

³⁷⁹ *След. два слова вписаны позднее.*

³⁸⁰ *След. два слова вписаны позднее.*

³⁸¹ *Зач.: вернулась повозочка и*

³⁸² *Позднее зач.: но ехать было невозможно, потому что лошади были замучены, но вместо зачеркнутого вписан на полях дальнейший текст, кончая: сел с вечера на лавочку у ворот.*

³⁸³ *Зач.: ходил по двору и лавкам, крича на работников за нечистоту и беспорядок.*

³⁸⁴ *Зачеркнуто: так и сидел, молча глядя на проходившие войска.*

³⁸⁵ *Позднее зач.: и Алпатыч должен был ночевать еще 3-ю ночь. Повозка вернулась в ночь, но Алпатыч не мог уехать. След. фраза вписана вместо зачеркнутого.*

³⁸⁶ *Позднее зач.: завалинке и надписано: лавочке*

³⁸⁷ *След. два слова вписаны позднее.*

³⁸⁸ *Позднее зач.: переговорив с соседями, тоже*

³⁸⁹ *Дальнейший текст, кончая: когда вы выедете, прислав нарочного в Горки» (стр. 75) написан над строкою, на полях и на отдельном листке вместо зачеркнутого текста, дающегося в след. варианте, №172.*

³⁹⁰ *Зач.: не спящий*

Французы ясно видны были за Днепром. Они всё двигались и подходили. Еще не успел Алпатыч слезть, как опять началась канонада за Днепром, но в город не попадали ядра.

«Что же это будет?» думал Алпатыч, ничего не понимая и возвращаясь к дому.³⁹¹

Навстречу ему еще больше, чем вчера, с озабоченными, измученными лицами шли войска через город к тому месту, где была стрельба. Яков Алпатыч искал между ними своего молодого князя, но не находил. Один офицер сказал ему, что Перновский полк уже там, – он указал на предместья, откуда, сливаясь, гудели выстрелы и откуда везли и несли беспрестанно раненых. Яков Алпатыч вздохнул и перекрестился. Якову Алпатычу надо было ехать. Он, раб³⁹² князя по праву и по сердцу, знал, как мучался князь его отсутствием, но он не мог уехать. Он слушал этот страшный гул орудий, нюхал запах пороха, доносимый ветром в самый город, смотрел на раненых и стоял на месте. Вид бесчисленного количества наших солдат, проходивших к месту сражения, радовал Алпатыча. Он, умиленно улыбаясь, смотрел на них и не двигался с места.³⁹³ Он крестился на них и кланялся в пояс.

Мимо самого его проехали три телеги, полные ранеными и мертвыми, и один молодой офицер, который остановился против Алпатыча. Офицер кричал, чтоб его бросили, что он не доедет.³⁹⁴ Офицер бился головой и кричал: – Возьмите! Возьмите!

Алпатыч подошел к нему.

– Голубчик ты мой! – сказал он и хотел помочь ему выйти, но телега опять двинулась, и опять навстречу шли солдаты. Алпатыч вдруг смягчился. Он стал креститься, кланяться проходящим солдатам, приговаривая:

– Отцы родные, голубчики, защитите Россию православную.

Некоторые из проходивших оглядывались на этого благообразного старика и, не меняя строгого выражения лиц, проходили. Несколько подвод ехало навстречу войскам. Это уезжали жители. Алпатыч вспомнил, что ему тоже надо ехать, и пошел к дому. Еще не дойдя до дома, он услышал знакомый ему свист, который он слышал в Турции; это было ядро, которое влетело в город. Но вот другое, третье, и по мостовой, по крышам, по воротам стали бить снаряды. На дворах и в домах поднялся женский визг и беготня. Алпатыч прибавил шага, чтобы поспеть к Ферапонтовым. У монастыря укладывались монахини; баба с квасом сидела всё на перекрестке; из дома выбежал мужик и кричал:

– Держи вора!

Пьяные два прошли. Он подошел к своему дому. Ферапонтов, один брат, был дома и поспешно укладывался, другие с бабами сидели в погребке. Кучер рассказывал, что на соседнем дворе убило бабу, и спрашивал, не пора ли закладывать. Но Алпатыч³⁹⁵ ничего не ответил ему и сел опять на лавочку против ворот. Ядра всё еще летали и попадали через улицу. Стало смеркаться. Канонада стала стихать, но в двух местах показалось зарево. На соседнем дворе выли бабы.³⁹⁶

Ферапонтовы все повывлезли из погреба и суетились, запрягая, укладывая и торопливо бегая из дома к подводам. Солдаты, как муравьи из разоренной кочки, разных мундиров, но с одинаковым то робким, то наглым видом, бегали по улицам и дворам. Два с мешками и хому-

³⁹¹ *Зач.*: На <на соседнем дворе от Ферапонтова> улице убило бабу ядром, которое попало ей в плечо. В ворота попал осколок гранаты <Алпатыч, вернувшись с колокольни> недалеко от того места, где шел Алпатыч.

³⁹² *Зач.*: и верный исполнитель воли

³⁹³ *Зачеркнуто*: – Батюшки, родные, – говорил он им, когда они проходили мимо его, кланяясь им, до земли дотрогиваясь рукою, – защитите Россию православную, – и он крестился на них. Но

³⁹⁴ *Зач.*: Алпатыч подошел к нему.

³⁹⁵ *Зач.*: сказал

³⁹⁶ *Зач.*: Один из братьев Ферапонтовых подошел к Алпатычу и рассказал, что французов отбили и, говорят, сам Бонапарт убит. Алпатыч, молча, перекрестился и велел закладывать. Но в это время войска, переставшие было двигаться по улице, опять показали, шумя ногами и по временам цепляющимися штыками; они шли назад. Солдаты, проходя, говорили, что наши отступают и что французы уже на мосту. Становилось темнее, и ярче из-за крыш виднелось зарево пожара.

том пробежали из дома Ферапонтова. Бабы Ферапонтова съехали со двора. По улице хлынул народ, и послышалось духовное пение.

– Матушку Смоленскую понесли! – прокричала баба.

Алпатыч вышел на перекресток и увидел, как проносили священники в ризах икону и редкая толпа шла за ними. Какой-то полк шел назад от предместья.

– Позвольте спросить вашего благородия, – сказал Алпатыч, открывая лысую голову,³⁹⁷ – побежден ли неприятель?

– Сдают город,³⁹⁸ – коротко отвечал офицер и тут же обратился с криком к солдатам.

– Я вас дам по дворам бегать! – крикнул он на выбежавших из рядов и заворачивавших в двор Ферапонтовых солдат. Солдаты, однако, проскочили во двор, другие в лавку.

Алпатыч вошел на двор, велел выезжать кучеру и³⁹⁹ увидел Ферапонтова, подошедшего и остановившегося у открытых дверей лавки. В лавке человек 10 солдат с громким говором насыпали мешки и ранцы пшеничной мукой и подсолнухами.⁴⁰⁰

Ферапонтов вошел в лавку, хотел крикнуть что-то, но вдруг остановился и, схватившись за волосы, захохотал рыдающим хохотом.

– Тащи⁴⁰¹, всё бери, ребята! Не доставайся дьяволам! – закричал он.

Некоторые солдаты, испугавшись, выбежали, некоторые продолжали насыпать.

Алпатыч⁴⁰² торопил своего кучера. Полк всё еще тянулся по улице Фер[апонтовых].⁴⁰³ Было уже совсем темно, и звезды зажглись на ясном небе. У угла дома Ферапонтова под амбаром толпилась кучка солдат⁴⁰⁴ и начинало светить, точно заря занималась. Это был заряд пороха,⁴⁰⁵ который зажгли солдаты⁴⁰⁶. Алпатыч⁴⁰⁷ подошел посмотреть. Угол амбара загорался благодаря тесинам, которые подкладывали солдаты. Ферапонтов выбежал к горящему углу.

– Распаливай, тащи всё,⁴⁰⁸ всё... всё. Туда ей дорога! – кричал Ферапонтов, армяком раздувая огонь. Около пожара всё больше и больше собиралось народа.

– Важно! Пошла драть! Вот пошла! – слышались голоса.

– Пропадай всё! – кричал голос Ферапонтова.

Алпатыч долго не мог оторваться от вида этого пожара и стоял тут же в толпе. Чей-то знакомый голос окликнул его:

– Алпатыч!

– Ваше сиятельство! – отвечал Алпатыч, узнав голос князя Андрея. Князь Андрей в плаще, верхом на серой лошади стоял на перекрестке и⁴⁰⁹ оживленным взглядом смотрел на Алпатыча.

– Ты как здесь?

– По приказанию его сиятельства, сейчас возвращаюсь. Ваше сиятельство, что же, или уж пропали мы?

³⁹⁷ Зачеркнуто: <или> <будут> не оставляют ли город? След. три слова написаны позднее.

³⁹⁸ Слово: город вписано позднее.

³⁹⁹ Зач.: Дальнейший текст до конца фразы исправлен позднее из: увидав Ферапонтова, с ним вместе вошел в лавку.

⁴⁰⁰ Зач.: Грабят!

⁴⁰¹ Зач. позднее: руби, жги, След. три слова вписаны позднее.

⁴⁰² Зач. позднее: вышел на двор и, велел выезжать, <сел в кибитку> вышел на улицу. Вместо зачеркнутого надписаны след. три слова.

⁴⁰³ Зач. позднее: Алпатыч въехал в его ряды и шагом поехал с ним.

⁴⁰⁴ Зач. позднее: на корточках. Что-то шлепнуло между ними и осветило стену амбара и надписано окончание фразы.

⁴⁰⁵ Зач. позднее: на соломе

⁴⁰⁶ Зач. позднее: под углом амбара.

⁴⁰⁷ Зач. позднее: остановился и надписано: подошел

⁴⁰⁸ Зачеркнуто позднее: тащи всё, жги, черти! и надписано: всё... всё

⁴⁰⁹ Зач.: потухшим, ленивым

Князь Андрей, не отвечая, достал записную книжку и, приподняв колено, стал писать карандашом на вырванном листе. Он писал сестре: «Смоленск взят, – писал он, – Лысые Горы будут заняты неприятелем через неделю. Уезжайте сейчас в Москву. Отвечай мне тотчас, когда вы выедете, прислав нарочного в Горки».

[Далее от слов: Написав и передав листок Алпатычу кончая: Ну хорошо, ступай, ступай, – сказал князь Андрей. Сам, поклонившись Бергу, тронул лошадь вперед за полком, который уже прошел почти *близко к печатному тексту*. Т. III, ч. 2, гл. IV.]

До княжны Марьи доходили слухи о сражении под Смоленском, и она скрывала эти известия от отца, но приезд Алпатыча⁴¹⁰ и письмо Андрея и его требование уехать в Москву нельзя было скрыть от князя. Князь спокойно выслушал его.

– Да, да, хорошо, хорошо, – приговаривал он на все слова⁴¹¹ княжны и Алпатыча и, отпустив⁴¹² их, сам тотчас же заснул на своем кресле. Проснувшись ввечеру, он приказал позвать княжну Марью, которая и без того всё время провела в официантской, прислушиваясь к его двери.

– А, что? старый дурак отец из ума выжил? А? так что ли? – встретил он дочь. – Что я говорил? А?

– Да, вы правы, топ рège,⁴¹³ но... – Княжна Марья хотела сказать, что надо ехать, но не успела.

– Ну, теперь слушай, княжна Марья. (Князь казался особенно свеж в этот день.) Слушай, теперь время терять нечего. Надо действовать. Садись, пиши.

Княжна Марья⁴¹⁴ видела, что надо покориться. Она села к его столу и не могла найти хорошего пера.

– Пиши. (Это – ополченному главнокомандующему.) Ваше превосходительство...

Но княжна еще не нашла пера, он дернул ее за плечо.

– Ну, рыба! Ваше превосходительство, известившись... Пстой, раз навсегда: я к тебе бывал дурен, зол, несправедлив. Да, да, – говорил он сердито, отворачиваясь от ее обороченного к нему испуганного лица, – да, да, – и он своим неловким жестом гладил ее по волосам, – так, я стар, я устал жить и против воли зол, несправедлив. Прошу простить, княжна Марья, – закричал [князь], – *ein für alle mal*,⁴¹⁵ прошу простить, прошу, прошу, прошу, шу-кх-шу-шу! – кричал он и кашлял.

– Ну, пиши: известившись в близости врага... – и он, ходя по комнате, твердо продиктовал целое письмо, в котором говорил, что он не оставит Лысых Гор, в которых он родился и умрет, что он будет защищаться в них до последней крайности и что, ежели правительство не боится стыда, чтоб один из старших генералов русских попал в плен французам, то пусть не присылают никого, в противном же случае он просит только роту артиллерии и триста человек милиционеров с кадровым унтер-офицером.

– М[ихаил И[ванович]! – крикнул он. – Печатай, и чтоб кипело. Княжна Марья, пиши другое. К губернатору Смоленска: Г-н барон... Известившись...

В середине диктовки этого письма, мягко ступая и соболезующе улыбаясь, вошла М-лле Bourienne, спрашивая, не угодно ли князю чаю...

Князь, не отвечая,⁴¹⁶ подошел к ней.

⁴¹⁰ След. девять слов вписаны позднее.

⁴¹¹ След. два слова вписаны позднее.

⁴¹² Зач. позднее: его отдохнуть и надписано: их

⁴¹³ След. фраза вписана на полях позднее.

⁴¹⁴ Зачеркнуто позднее: разбирала его вещи на письменном столе и и вписаны на полях след. девять слов.

⁴¹⁵ [раз навсегда.]

⁴¹⁶ Зач.: повернулся к княжне Марье и велел писать еще другое. «При сем препр[овождо]»

– Сударыня! Благодарю за услуги, не считаю возможным удержать вас. Извольте ехать в Смоленск к губернатору.

– Princesse,⁴¹⁷ – обратилась Bougienne к княжне Марье.

– Вон, вон! – закричал князь, – М[ихаил] И[ванович], позвать Алпатыча и распорядиться отправить ее в город, не медля.

Он подошел к бюро, вынул деньги, старательно отсчитал.

– Передашь ей!.. Пиши дальше: Известившись, господин барон, что неприятель...

Он опять остановился, вспоминая что-то, и опять подошел к княжне Марье.

– Да, ein für alle mal. Я был жесток с тобой, княжна Марья, несправедлив. Прошу, прошу, прошу, пиши, пиши...

Написав еще два письма с половиной и, вероятно, забывая, что он уже сказал то, что хотел, княжне Марье, несколько раз еще повторив свое:

– Прошу, ein für alle mal,⁴¹⁸ – он в середине 4-го письма остановился,⁴¹⁹ сел в кресло, сказал «иди» и тотчас же заснул.

Княжна Марья, несмотря на страх, чтобы он не проснулся, поцеловала его в лоб и еще более испугалась того, что он не проснулся, что он так странно и крепко спал.

Был уже 1-й⁴²⁰ час ночи. Княжна Марья пошла к себе,⁴²¹ но по дороге она встретила Алпатыча, который в первый раз в ее жизни обратился к ней за советом и приказанием, за разъяснением вопроса, в какой степени нужно теперь исполнять приказания князя.

Алпатыч, запустив руку за пазуху, пожал плечами и закрыл глаза:

– В своем сомнении осмелюсь прибегнуть к вашему сиятельству, прикажете ли отослать француженку и послать в Богучарово за мужиками, как распорядились их сиятельство князь Н[иколай] А[ндреевич], или...

Алпатыч сказал это, но княжна Марья поняла совсем другое, она поняла, теперь в первый раз, что отец ее, тот отец, для которого она перенесла столько, что этот отец умер или умрет скоро, что его не будет скоро. Княжна Марья остолбенела и вопросительно, почти с ужасом смотрела на Алпатыча.

– Ваше сиятельство, ежели бы не было необходимости, я бы не осмелился докладывать этих слов вашему сиятельству.⁴²² Но князь А[ндрей] Н[иколаевич] действительно объясняли об опасности оставаться в здешнем имении и⁴²³ изволили приказать ехать в Москву и их о том уведомить.

– Я не знаю, – сказала княжна Марья, – но одно: Амалию Федоровну (Бурьен) нельзя отправить в Смоленск, ты сам говоришь...

– Не прикажете ли, ваше сиятельство, отправить их в Богучарово, там Дронушке приказать сделать им всякую приятность, но не выпускать из дома. А от князя покаместа скрыть.⁴²⁴ Но насчет лично князя и вашего отправления в Москву как прикажете? Лошади и экипажи готовы. И князь, вероятно, в теперешнем положении изволят согласиться, потому покаместа...

– Да, да,⁴²⁵ я переговорю завтра, – разрыдавшись, проговорила княжна Марья, которая словом «покаместа» лишилась последнего присутствия духа, и она ушла своими тяжелыми

⁴¹⁷ [Княжна,]

⁴¹⁸ *Немецкий текст вписан позднее.*

⁴¹⁹ *Зачеркнуто: и отпустил дочь.*

⁴²⁰ *Переправлено из: 3-й*

⁴²¹ *Зач.: и едва разде[лась?] и с общего*

⁴²² *Далее до конца абзаца вписано на полях позднее.*

⁴²³ *Зач.: требовали*

⁴²⁴ *Далее до конца абзаца вписано на полях позднее.*

⁴²⁵ *Зачеркнуто позднее: пожалуйста, и надписаны след. три слова.*

шагами сначала в свою комнату, потом к Бурьен, которую она не могла забыть именно потому, что она-то в жизни ей сделала наиболее зла.

Она вошла к плачущей француженке и, как виноватая, умоляла ее простить и успокоиться и ехать в Богучарово.

Во 2-м часу неслышными шагами княжна Марья вернулась к себе в комнату, посмотрела на образа и не могла молиться. Она чувствовала, что ее призывал теперь другой, трудный мир житейской деятельности, совершенно противоположный нравственному миру молитвы. Она чувствовала, что, предаваясь последнему, она потеряет последние силы действовать. Она не могла и не стала молиться. Проходя в свою комнату, она слышала шаги отца по галлерее. Едва она успела раздеться, как шаги эти стали приближаться к ней, к ее двери и остановились, и опять зашевелился князь и опять остановился. Он прислушивался. Он хотел и не смел войти. Княжна Марья кашлянула. Он вошел в ее комнату. Никогда этого не бывало с тех пор, как себя помнила княжна Марья.

– А я всё хожу, не спится, – сказал старик измученным, усталым голосом, которому он хотел придать небрежные интонации. Он сел в кресло под образа. – Так-то я не спал раз в Крыму. Там – теплые ночи. Всё думалось. Императрица присылала за мной... Я получил назначение... – он оглянулся на стены. – Да, уж так не построят теперь. Ведь я начал строить, как приехал сюда. Тут ничего не было. Ты не помнишь, как сгорел? Нет, где тебе. Так не построят нынче: тяп да ляп, и корабь.⁴²⁶ Поживу, я отсюда обведу галлерею, и там будут Николаше покои. Там, где невестка жила, добрая бабенка была, добрая, добрая, добрая. А его надо будет послать прочь – надо будет, да и тебе... Ах, забыл, забыл, эка память становится. Ну, спи, спи. – Он ушел. Княжна слышала его трещотку и шаги и перестала слышать только тогда, когда заснула. Она проснулась поздно.⁴²⁷

По первому взгляду на лицо девушки она заметила, что что-то случилось в доме. Но ей было так страшно, что она не спросила. Она поспешно оделась и сошла вниз. Алпатыч, стоя в официантской, с любопытством и сожалением посмотрел на нее. Княжна Марья не остановилась спросить его, она подошла прямо к двери кабинета. Тихон высунулся из двери. Княжна Марья заметила, что гардины были спущены.

– Карл Иваныч сейчас выйдут, – сказал он.

Карл Иваныч был доктор. Он вышел на ципочках.

– Это ничего. Княжна, ради бога успокойтесь, – сказал доктор, – небольшой удар правой стороны.

Княжна Марья тяжело переводила дыхание. Она сделала, как будто всё знала.

– Можно мне видеть его?

– После лучше, – и доктор хотел затворить дверь, но княжне Марье было страшно оставаться одной, она поманила его к себе и увела в гостиную.

– Это не могло не быть. Он так принимал к сердцу, он так страдал нравственно, что силы не вынесли. Нынче поутру, получив письмо от губернатора и князя А[ндрея] Н[иколаевича], пошел смотреть делать ополченцам-дворовым, сам всё показывал. Он хотел ехать и карета была заложена, как вдруг с ним сделалось...

Княжна Марья не плакала.

– Может ли он ехать до Москвы? – спросила она.

– Нет. Мое мнение – лучше ехать в Богучарово.

– Могу я видеть его?

– Пойдемте.

⁴²⁶ *Зач.*: Николаша не дай бог

⁴²⁷ *Зач.* позднее текст варианта № 173, вместо которого вписан на полях дальнейший текст.

Княжна Марья вошла в темную комнату и в темноте сначала ничего не видела, потом на диване ей обозначилось что-то. Она подошла ближе. Он лежал на спине с согнутыми ногами, покрытыми одеялом. Он весь был такой маленький, худенький, слабый. Она нагнулась над ним, лицо его прямо было уставлено в противоположную стену, левый глаз, очевидно, не видел, но, когда правый глаз увидел лицо княжны Марьи, все лицо задрожало, он поднял правую руку и схватил ее за руку, и лицо его задергалось с правой стороны. Он заговорил что-то, чего не могла понять княжна Марья, и, заметив, что она не понимает, он сердито засопел. Княжна Марья кивала головой и говорила «да», но он всё фыркал сердито, и княжну Марью отвел доктор.

«Так долго мы не понимали друг друга, – подумала княжна Марья, – и теперь тоже».

Посоветовавшись с доктором и с городничим, княжна Марья решила вместо Москвы ехать с больным, разбитым параличом отцом не в Москву, а в Богучарово, которое было в 40 верстах от дороги, а Ницолушку с Laborde отправить в Москву к тетке. Чтобы успокоить Андрея, она написала ему, что она едет с отцом и племянником в Москву.

В то время, как это произошло в Петербурге, французы уже прошли Смоленск и всё ближе и ближе приближались к Москве.

№ 172 (рук. № 89. Т. III, ч. 2, гл. IV).⁴²⁸

<Утром можно было ехать, но Алпатыч не уезжал. Им овладели тревога, беспокойство и потребность деятельности. Чуть зорька, он пошел к собору, там служили молебны и лазали на колокольню смотреть французов. Они ясно видны были за Днепром, они всё двигались и подходили. С утра началась канонада, всё застилало дымом за Днепром, но в город⁴²⁹ не попадали ядра. Вдруг в 3-м часу, как будто прорвало вдруг плотину, полетели ядра и гранаты в город и засвистели осколки и ядра.

«Что ж это будет?» думал Алпатыч, ничего не понимая и взад и вперед ходя по городу. К вечеру в трех местах загорелось; войска наши всё шли через город. Раненых много было, и один мальчик в фабричном халате пробежал мимо него с окровавленной рукой. Какой-то ряд мыслей, совсем независимых от старого князя, овладел Алпатычем. Ему было тяжело, ему надо было что-то сделать, но он не знал, что. Он крестился и ласково кланялся в пояс приходившим войскам и влезал на колокольню, ругал, сколько мог, французов, потом опять молился. Во время своих блужданий он сходил к раненому шедшему солдатом и провожал его назад, расспрашивая, то с своим кучером Влаской, которого он прибил утром и с которым они теперь были друзья, то с бабой, продававшей квас солдатам, которая под ядрами сидела совсем спокойно⁴³⁰ и заботилась только, чтоб не разбили ее кувшина, то он провожал пленного и ругал его, идя сзади. В конце дня он встретился с знакомым⁴³¹ городничим Тушиным с оторванной рукой. Тушин так же, как Алпатыч, нечаянно приехал в этот день и не мог уехать; он ходил под ядрами с своей трубочкой и завидуя раненому, запах пороха возбуждал в нем <радостно>-тревожное военное чувство, и он завидовал тем, которые дрались, и так же, как Алпатыч, не мог уехать. Они подходили к перевязочному пункту в доме богатого купца, стараясь больше раздражить свое чувство, и ходили к Никольским воротам, к иконе, где женщины выли, и к монастырю, в котором укладывались монахи. Они видели воров, которые таскали вещи из домов, и пьяных солдат и фабричных. Наконец смерклось. Канонада и стрельба затихла, и пронеслась молва (справедливая), что французы разбиты и Наполеон убит.

Ферапонтов один с братом был дома; он поставил самовар, и Тушин с Алпатычем у открытого окна сели с стаканами. Кое-где горело, но нечего было смотреть, надо было отдох-

⁴²⁸ *Первый слой рукописи, без дальнейших поправок. См. вариант № 171, стр. 72, прим. 6.*

⁴²⁹ *Зачеркнуто:* ничего

⁴³⁰ *Зач.:* как

⁴³¹ *Зач.:* Красн[енским].

нуть. Напившись чаю и потолковав, Алпатыч опомнился и велел закладываться, но только что он опять выехал из ворот, как войска запрудили всю дорогу. Войска шли поспешно, весело и говорливо, но шли назад.

– Куда?

– Отступать.

Молва, что отступают, поразила всех. Из одних ворот, с криком теснясь, выли бабы.

– Французы на мосту, отступают, – слышались голоса, и Алпатыч побежал опять, сам не зная куда. В Петербургском предместьи (ночь была месячная) стояли солдаты против генеральского дома, и один офицер раздувал лапами костер, подложенный под вынутую доску забора. Забор занимался. Алпатыч набрал тесин и понес под другой угол дома, вся рота взялась за это дело.

– Так, дедушка, важно! – кричали голоса. – Вот как занялась, пошла драть.

Князь Андрей, отступавший позади своего полка, наехал на эту сцену. «Старик-то точно Алпатыч», подумал он. Адъютант доложил князю Андрею, что солдаты жгут.⁴³²

– Я вас об этом не спрашиваю, – сказал князь Андрей.

Алпатыч, удовольствовавшись видом падавшего забора, пошел к лошадям, там тоже горело и толстый Ферапонтов кричал:

– Так, важно! Пропадай вся!

Алпатыч увязался за повозкой с снарядами и выбрался из города и в самое Преображенье к вечеру приехал в Лысые Горы.⁴³³>

№ 173 (рук. № 89. Т. III, ч. 2, гл. VIII, X—XI).⁴³⁴

<Князь, вышедший из комнат в 5-м часу, успел уже переделать много дела. Он был на фортификационных работах, где мужики копали ров, принял приехавшего доктора и городничего⁴³⁵, и когда княжна Марья вышла в сад, он на кругу в тени смотрел свою милицию и раздавал всем ружья и копья. Никто еще ничего не говорил про состояние князя, но все дворовые уж не так, как прежде, исполняли его приказания, вопросительно переглядываясь между собой. Показывая, как держать ружье, князь пошатнулся и упал. Когда княжна Марья вышла из дома, навстречу ей вели под руки, а он⁴³⁶ кричал что-то.

– Эти ракальи не хотят! С ними ничего не будет, они первого вала не защитят! Расстреляю! Je me suis foulé le pied ce n'est rien,⁴³⁷ – сказал он дочери, встретившей его, и замолк.

Когда его провели в кабинет, он посидел, закрыв глаза, и потом вдруг позвал Тихона, велел закладывать карету и подавать себе одеваться мундир со всеми регалиями.

«Надо самому объяснить, ничего не будет.⁴³⁸

И, одеваясь, поддерживаемый двумя людьми, он беспрестанно останавливался, чтобы отдавать приказания о том, что делать в его отсутствие, как часовые должны скакать, донося дневальным, как надо стрелять во рву, как карета должна быть готова для Н[иколушки] и няни и другая для княжны Марьи. Его всё еще не смели не слушаться, и он был одет в напудренный парике и мундире екатерининского времени. Уж он сбирался выходить, когда ему принесли

⁴³² *Зачеркнуто:* – Ну что ж, – сказал князь Андрей.

⁴³³ *На полях:* <Князь Андрей в свете огня радостен.><Берг приказывает остановить пожар.– Прикажете, – говорит князь Андрей, – я приказывал вчера ротному командиру отвести обоз, а он не отвел и его убили. – Князь Андрей отвернулся. Рр-рухнула стена.> <(Князь Андрей написал записку отцу с Алпатычем.)>

⁴³⁴ *Первый зачеркнутый слой рукописи, вместо которого написано окончание варианта № 171, см. стр. 78, прим. 3.*

⁴³⁵ *Зач.*: Тушина

⁴³⁶ *Зач.*: красный от волнения,

⁴³⁷ [Я свихнул себе ногу, это ничего,]

⁴³⁸ *Зачеркнуто:* Нет, не надо сердиться, надо быть спокойным».

письмо от смоленского губернатора.⁴³⁹ Губернатор писал, что советует князю немедленно уезжать, так как войска наши отступают за Дорогобуж и всё пространство до Лысых Гор будет открыто.⁴⁴⁰

Княжна Марья, вышедшая в это время к доктору, с которым она советовалась, как бы удержать князя от поездки и увезти его в Москву, услышала падение чего-то в кабинете и громкий крик, как будто князь ругал кого-то. Когда она вошла, он сидел на кресле, рвал с себя парик, ордена (стол, уроненный, лежал подле) и кричал с страшно налившимся кровью лицом, с сухими, запекшимися губами.

– Изменники! Прохвосты! Чтоб я уехал! Я не немец, заройте меня, тут заройте. Императрица, матушка. А?⁴⁴¹ Вон, злодеи. Сына вам отдал, дочь! Для вас украсил, для вас.⁴⁴² Я – старик.⁴⁴³ Ну!

Он хотел вскочить,⁴⁴⁴ вдруг оборвался и, упав навзничь, захрипел.

Его раздели, положили на кровать, пустили кровь: кровь не пошла. Он всё время неприятно улыбался и так с этой улыбкой и остановились его глаза и вытянулись ноги. На другой день его повезли похоронить, и княжна Марья поехала с ним в Богучарово.

Было несколько человек чиновников и Тушин без руки, к которому пот[ом] княжне Марье естественно было обращаться за советом и помощью.⁴⁴⁵

–

Приехав в Богучарово, княжна Марья нашла рыдающую Бурьен, но так рыдать нельзя постоянно. Амалия Федоровна с грустью спросила княжну Марью, что она намерена предпринять теперь.

– Я ничего не знаю, я, как во сне [?], – говорила княжна Марья.

– Ах, я очень то понимаю, но дело в том, что мы в опасности. Я знаю, что французы со всех сторон и вот что.

Амалия Федоровна показала письмо, в котором французский полковник Fleury обещал жителям покровительство и защиту, ежели они останутся на своих местах, и обращался к своей compatriote,⁴⁴⁶ прося ее содействовать распространению этой повестки, за что она и жители получат награждение императора.

Княжна Марья дочла всё письмо, слезы еще стояли в ее глазах, но, окончив письмо и прочтя последние слова о награде императора ей, ей, на которой было теперь всё: и Коко, и гроб отца, – она вдруг вскочила.

– Mon père avait raison,⁴⁴⁷ – сказала она, – чтоб я отдала прах отца, Коко, – говорила, раздражая себя. Она пошла к Тушину и сообщила ему всё. Был собран военный совет: Алпатыч, Дронушка и Тушин, и решено, что так же опасно уехать, как защищаться. Решено защищаться, созвана сходка, которая, по словам Бурьен, уже решила покориться Наполеону, и княжна провозгласила им свое решение умереть, дожидаясь помощи, но не сдаваться.⁴⁴⁸ Тушин хотел поддержать это геройство, махнул своим остатком руки, говоря: за царя и отечество, но его слова

⁴³⁹ *Зач.: вписанное позднее:* и от князя Андрея.

⁴⁴⁰ *Зач. вписанное позднее:* Князь Андрей писал то же самое, умоляя отца ехать в Москву и прося ответа.

⁴⁴¹ *Зач.:* Внучек хорош.

⁴⁴² *Зач.:* Ну, выходи!

⁴⁴³ *Зач.:* а еще постою.

⁴⁴⁴ *Зач. вписанное позднее:* но вдруг почувствовал, что правая рука и нога его не двигаются. Он хотел говорить, и язык издавал какие-то неясные звуки. Он быстро успокоился и замолк.

⁴⁴⁵ *На полях конспект:* Князь не умер, а болен, паралич. Княжна Марья получила письмо от Жюли: *мы не колебнулись.* (Княжна Марья пишет успокоительное письмо.) Voila m-g Telianine [Вот г-н Телянин].

⁴⁴⁶ [соотечественнице,]

⁴⁴⁷ [Батюшка был прав,]

⁴⁴⁸ *На полях конспект:* Nicolas Ростов приходит и спасает ее, узнает Тушин. Старик отец успокаивается и умирает. Его гроб везут. Брат Алпатыча <Дрон> – Анисим, мужик суровый, верный. Пешком прошел 50 верст.

не действовали. На сходке сзади что-то говорили неясно. Мужики же были готовы принять Напол[еона], освобождавшего их и платившего по 10 рублей за воз хлеба фальшивыми ассигнациями. Но, когда услышали слова княжны Марьи и Тушина, один поближе ловко и удобно сумел выразить, что они куда княжна, туда и они, и все заговорили то же и разошлись с мыслью, что они – молодцы. Княжна Марья с Тушиным и главное Алпатычем занялись распоряжениями.>⁴⁴⁹

* № 174 (рук. № 89. Т. III, ч. 2, гл. VI—VII).

Да не упрекнул меня в подборании⁴⁵⁰ тривиальных подробностей для описания действий людей, признанных великими, как этот казак, как Аркольский мост и т. п. Ежели бы не было описаний, старающихся выказать великими самые пошлые подробности, не было бы и моих [?] описаний. В описании жизни Ньютона подробности о его пище и о том, как он спотыкнулся, не могут иметь никакого влияния на значение его как великого человека – они посторонни; но здесь наоборот. Бог знает, что бы осталось от великих людей, правителей и воинов, ежели бы перевести на обыденный язык всю их деятельность.⁴⁵¹

* № 175 (рук. № 89. Т. III, ч. 2, гл. XV—XVI).⁴⁵²

⁴⁵³Князь Андрей приехал в Царево Займище в тот самый день, как Кутузов делал первый смотр войскам. Князь Андрей остановился в деревне у дома попа, у которого стоял экипаж главнокомандующего, и сел на завалинку, ожидая его. Вдали ему слышны были страшные крики всей армии, приветствовавшие Кутузова. Крики, уже несладкие, послышались, приближаясь.⁴⁵⁴ Это Кутузов отпустил войска, благодарил, обещал сражение и победу и толпы офицеров бежали за ним и его свитой, крича ура. Князь Андрей и офицеры встали⁴⁵⁵ и посторонились. Поповский домик был на дворе. У ворот показалась белая донская лошадь на уздечке. На ней сидело огромное, расплывшееся тело Кутузова в мундирном сертуке без эполет, в белой кира[сирской] фуражке без козырька, с красным околышем, и плетью через плечо по-казацки. Добрая лошадь тяжело шла под своей раскачивающейся ношей. Кутузов, с тех пор как не видал его князь Андрей, еще потолстел, обрюзг и оплыл жиром. Знакомый ему белый глаз и рана первые бросились ему в глаза.⁴⁵⁶

У ворот дома он остановился, обернулся к провожавшим его генералам, поклонился, поговорил с Барклаем, сделал жест всем и, повернув лошадь, поехал к крыльцу. Князь Андрей пошел за ним.

---

⁴⁴⁹ *На полях:* Истор[ик] Наполеона. Пленный <казак> Алпатыч. Казак [?] Портрет le roi de Rome [?], приказ [2 *неразобр.*] Ригге ездит к главнокомандующему, ездит по бивакам, танцы. Hélène [?] Попадья, и Pierre спокоен. Начало дела, линия огней и дурман, наступающий на него, и тоска, что нечего делать. Андрей узнал его, он улетел с атакой, и Андрей усмехнулся. Андрея ведут на Шевардино, он наслаждается, что он в рядах. Ну теперь конец. А теперь-то и жалко. – Бросьте, ребята, – говорит, хотя знает, что не бросят. Перевязочный пункт в лесу. Ils veulent encore, donnez leur en [Они еще захотели, так задайте же им]. Сморкается. Назначение Кутузова.

⁴⁵⁰ *Зачеркнуто:* комических

⁴⁵¹ *На полях конспект:* Н[é]lène и А[нна] П[авловна], два салона. По-французски также. Труп[п]а, дорого стоящая. Укладываются. Неопределенность первое время. К[нязь] В[асилий] говорил: Il est borgne [Он – кривой]. На другой день рассказ князя Василия: Il у voit assez [Он достаточно видит] – дипломату. Кутузов делает свои условия [?] и едет. Комитет.

⁴⁵² *Первый слой рукописи, без дальнейшей правки.*

⁴⁵³ *На полях конспект:* Nicolas с княжной Марьей и потом казак с Наполеоном. – Стр. 363. Историк Наполеона – Тьер. Князь Андрей писал, чтобы сестра уехала в Москву, и ничего не знал. *Зач.*: Приехав в армию, Кутузов отправил в Петербург всех ф[лигель]-а[дъютантов] и г[енерал]-а[дъютантов] без дела и объявил, что будет дано генеральное сражение. Приехав в армию, Кутузов вспомнил о князе Андрее и послал за ним. Князь Андрей командовал б[атальоном] Перновского полка.

⁴⁵⁴ *Зачеркнуто:* Офицер

⁴⁵⁵ *Зач.*: чтоб

⁴⁵⁶ *На полях:* Суворовская замашка. Молодчина, даром что старик, сказал офицер, дожидавшийся с князем Андреем.

– Фю-фю-фю! – засвистал он чуть слышно, подъезжая к дому и выражая на своем лице⁴⁵⁷ радость успокоения человека, намеревающегося отдохнуть в простоте после представительства. Он вынул ноги из стремен и с трудом занес правую, 4 человека ссадили его. Он оправился, оглядываясь своим сощуренным глазом и шагая своей ныряющей походкой.

– Фю-фю-фю, – опять по-домашнему засвистал и, увидав князя Андрея, радостно обратился к нему.

– А, здравствуй,⁴⁵⁸ князь, здравствуй, голубчик, пойдем, устал. – Он вошел на крыльцо, расстегнул сертук и сел на лавочку.

– Ну, что отец? – Но в это время попадья,⁴⁵⁹ полная, белая и красивая женщина, которая, очевидно, знала, что она красива, вышла из дверей и стала просить его светлость пожаловать в комнату. Кутузов оглянулся на попадью, глаза его прищурились еще больше, он отвернулся от князя Андрея и подманил попадью.⁴⁶⁰ Где же, где же комнаты? А вы перешли?⁴⁶¹ Зачем? не надо переходить! Поди сюда⁴⁶². Он ввел ее за собой.

Окончив аудиенцию с попадьею, Кутузов позвал опять князя Андрея. – Ну, что? – сказал он ему. – Как это ты бросил службу? Поступай ко мне опять.

– Благодарю вас, ваша светлость, но я привык к полку и полюбил его.

– А, ну что же, ступай, помни, что я тебе отец другой. Прощай, голубчик, устал – и он, подставив щеку, лег на постель, взяв книжку романа *M-me de Genlis*.⁴⁶³

Как и отчего это случилось, князь Андрей не мог бы никак объяснить, но после этого странного свидания с Кутузовым он вернулся в свой полк, успокоенный насчет общего хода дел и насчет того, кому оно вверено было.⁴⁶⁴ Чем более он видел отсутствие всего человеческого в этом старике, в котором оставались одни привычки страстей, тем более он был спокоен, что этот-то и нужен.

У него не будет ничего своего, и он не испортит общего дела.⁴⁶⁵ Он всё запомнит, выслушает, разочтет, будет бояться осрамиться и потерять командование, которое забавляет его, и сделает нечаянно всё, что нужно для общего дела. Он – та тяжелая лошадь, избитая, старая, которая не побежит на колесе, не соскочит, не будет дергать и ломать, а пойдет ровно настолько, насколько падает колесо, что и нужно. На этом же чувстве, которое более или менее смутно испытывали все, и основано было то единомыслие и общее одобрение, которое сопутствовало избранию Кутузова в главнокомандующие.⁴⁶⁶

Князь Андрей был очень мрачен и грустен в этот день. Накануне только он получил известие о смерти отца.⁴⁶⁷ Последний раз, как он видел отца, он поссорился с ним. Он умер скоропостижно и мучительно. Сестра и его сын с гувернером, чувствительным, идеальным другом ребенка, но никуда не годным для помощи в России, оставались одни без покровительства.

⁴⁵⁷ *Зач.*: успокое[ние]

⁴⁵⁸ *Зач.*: брат

⁴⁵⁹ *Зач.*: красивая

⁴⁶⁰ *Зач.*: Ты попадья. Ай да попадья.

⁴⁶¹ *На полях*: К[утузов] презирает ум. Не умом, а чем-то другим. *Позднее на полях еще написано*: <К[утузов] доволен и говорит о Каменском. Пустить надо время и терпенье и о том, что не даст никому мешаться.>

⁴⁶² *Зач. вписанное на полях*: и он спросил ее о чем-то и опять обернулся к Андрею, который говорил, что он разлюбил служить при штабах и желает одной службы во фронте. Князь Андрей говорил очень умно. Но Кутузов, видимо, презирал этот его ум. Так же точно презирал, очевидно, Кутузов и ум немца, который пришел к нему с замечательным проектом. Но чем же он презирал его? Попадьею, вероятно, потому что не дослушал немца.

⁴⁶³ [М-м Жанлис.] *На полях*: После, – сказал он Т[олю], вошедшему с бумагами.

⁴⁶⁴ *Зачеркнуто*: Это было

⁴⁶⁵ *Зач.*: Ежели бы он слепо сознавал, то

⁴⁶⁶ *На полях*: Б. сам себя оправдывает всегда. Князь Андрей узнал о смерти отца, холодно распорядился о сестре и продолжает служить в линии – он всё рисуется. Н[аташа] спасается в дружбе.

⁴⁶⁷ *Зач.*: и принял его как

Как надо было поступить князю Андрею? Первое чувство сказало ему, что надо всё бросить и скакать к ним, но потом ему живо представился общий характер мрачного величия, в котором он находился, и он решил, подчиняясь этому характеру, остаться. Отечество в опасности, все надежды личного счастья уничтожены, жизнь никуда не нужна, один человек, понимавший его – отец, умер в несчастье. Еще, что есть близкого в опасности? Что остается ему делать? Малодушно бежать из армии, искать помощь своим близким, но самому выйти из опасности и долга, или в темных рядах войска искать смерти, исполняя долг и защищая отечество? Да, последнее надо было выбрать. *Le devoir et la mort.*⁴⁶⁸

Он послал дядьку в Лысые Горы и Богучарово, написал длинное наставление княжне Марье и швейцарцу, все практично обдумал и велел немедленно ехать в Москву. Сам же, побывавши у Кутузова, с еще большим мрачным наслаждением погрузился в темные ряды армии после приглашения Кутузова и своего отказа.⁴⁶⁹

* № 176 (рук. № 89. Т. III, ч. 2, гл. XXVI, XXVII, XIX).⁴⁷⁰

24-го августа камергер императора французов *le comte de Beaumont* приехал из Парижа в штаб-квартиру императора Наполеона у Бородина. Переодевшись в камергерский мундир,⁴⁷¹ отшучиваясь от адъютантов императора, окружавших и спрашивающих о новостях Парижа, *M-r de Beaumont* с большим ящиком подмышкой вошел в дом помещика Можайского уезда Дурова, в котором император Наполеон ночевал в бывшем кабинете Дурова, в котором на окнах стояли еще тарелки с исполинской рожью, вазой и висел портрет отца Дурова в золотой рамке.⁴⁷²

Император Наполеон оканчивал свой туалет, когда в соседнюю залу вошел *M-r de Beaumont*. Н[аполеон] был голый в башмаках и коротких чулках, обтягивающих его толстые икры, и без рубашки, с выпущенным толстым животом, над которым висели, как женские груди, между которыми обросло волосами.⁴⁷³ Камердинер брызгал одеколоном на жирное маленькое тело, другой растирал щеткой спину его величества. Волоса, недлинные, были мокры и спутаны на лоб. Наполеон фыркал и приговаривал: «*Allez ferme!*»

– *Faites dire à M-r de Beaumont de m'attendre.*⁴⁷⁴

Два камердинера быстро одели его величество, и он вышел веселый, оживленный, твердыми, быстрыми шагами.

M-r de Beaumont с испуганным лицом торопился руками и зубами с помощью других господ разрывать свою посылку. Это был портрет сына императора, *le roi de Rome*⁴⁷⁵ (слово, которое так любят повторять о сыне Наполеона и которое так присвоилось ему, вероятно, именно оттого, что оно не имеет никакого смысла), сделанный *Legrand*. Надо было приготовить его на стульях (на тех стульях, на которых в лошадки играли дети Дурова) прямо перед выходом императора.

Но император так неожиданно скоро оделся, что придворные боялись, что не успеют этого сделать. Наполеон был в самом хорошем духе. Он, выйдя, заметил, что они делали, не

⁴⁶⁸ [Исполнение долга и смерть.]

⁴⁶⁹ *На полях вписано позднее:* Характеристика Кутузова. <Ужасы войны. *Hélène* бессмысленн[о]? Дрон – *Nicolas*. Мальчик.> Доктор и перевязочный пункт у Шевардина.

⁴⁷⁰ *Первый слой, без последующих поправок.*

⁴⁷¹ *Зачеркнуто:* осыпая

⁴⁷² *На полях:* 4 сентября 13 <14>-го он хотел зимовать в Смоленске, но уговаривал маршалов. Он сжег две повозки штабных. В Витебске снял дом.

⁴⁷³ *На полях:* *Dédié à ma mère.* [Посвящается моей матери.] *Pierre* читает и думает: я с ума сошел. А, видно, можно еще на это смотреть с личной точки зрения.

⁴⁷⁴ [«Ну еще!» – Скажите господину де Бомон, чтобы подождал.]

⁴⁷⁵ Римского короля

хотел их лишить удовольствия сделать ему сюрприз. Он сделал, как будто не видал, и обратился к M-g de Beaumont, который, низко кланяясь тем французским придворным поклоном, которым умели кланяться только старые слуги Бурбонов, подошел, подавая конверт.

Наполеон был в хорошем духе, потому что русские, очевидно, принимали сражение, и он был весел, как человек, который долго ждет случая поставить на карту, и не спрашивая, выиграет ли карта или нет, уже рад тому, думает, что выиграл, что пришло время поставить карту. Кроме того, самое поле сражения было на берегу реки Moscou, Moscou aux innombrables églises,⁴⁷⁶ в которой Наполеон знал, что он будет, так, как знают, что будет дурная погода завтра.

[Далее от слов: Наполеон весело обратился к Beaumont, кончая: Посидев несколько времени и дотронувшись... до шероховатости блика, он встал, позвонил и вышел завтракать – близко к печатному тексту. Т. III, ч. 2, гл. XXVI.]⁴⁷⁷

За завтраком, как всегда, принимал и отдавал приказания. Войска его еще не все пришли на Бородинское поле, делать ему было нечего. Наполеон поехал верхом и выехал на Бородинское поле.

Русские войска видны были за рекой и в редуте у деревни Шевардино. Никаких не нужно было Наполеону делать распоряжений, но он выехал, надо же было приказать что-нибудь. Все ждали приказаний. Многие предлагали свои мнения, на которые вызывал их Наполеон. Погода была прекрасная, и расположение духа Наполеона хорошее. Он посмотрел на Шевардинский редут и⁴⁷⁸ сказал:

– Elle ne sera pas difficile enlever.

– Vous-avez qu'à ordonner, sir,⁴⁷⁹ – сказал маршал Даву, и Наполеон приказал тотчас же атаковать и слез с лошади, чтобы спокойнее любоваться зрелищем.

Шевардинский редут был атакован 24-го вечером и убито и ранено около 10 тысяч человек с обеих сторон. Когда стало смеркаться, паж подал лошадь, другой подержал стремя Н[аполеону], и он шагом поехал ужинать в дом Дурова.⁴⁸⁰

<Дожд[ливый?] день 25-го прошел без одного выстрела с той и другой стороны. После сражения при Бородине Кутузов писал следующим образом, писал⁴⁸¹ государю, что бог помог ему наголову разбить французов. И Наполеон, глава этих французов, писал, что бог помог ему наголову разбить русских. Да как же было не писать этого Кутузову, когда он, еще приехав к войску, обещал, что разобьет, Растропчину писал, что не пустит в Москву, и Вольцогену, который в конце сражения приехал объявить ему, что мы везде разбиты (что было правда), отвечал при всех (он думал, что надо так отвечать именно от того, что это было при всех), что я сам знаю подробности сражения, французы везде разбиты и завтра мы их погоним дальше. Как же не было писать этого Наполеону, когда он обещал победу, давал rendezvous⁴⁸² в Москве и бил в ладоши, кричал на своих кавал[еристов]: ils y vont, ils y vont⁴⁸³ и, когда р[усские] стояли под огнем его 400 орудий, говорил:

– Ah, ils en veulent, donner leurs-en.⁴⁸⁴

Из этого только следует, что слова ничего не значат и не служат выражением дела. Слова эти говорились так же неизбежно и произвольно, как они дышали или ели и спали. Вся кажущаяся

⁴⁷⁶ [Москвы, Москвы с бесчисленными церквами,]

⁴⁷⁷ Позднее написано на полях: Палатка с тремя подразделениями. M-g de Beausset. Gerard. Colonel Fabvier – bataille de Salamanque. [Г-н Боссе. Жерар. Полковник Фабвье – битва при Саламанке.]

⁴⁷⁸ Зачеркнуто: спросил

⁴⁷⁹ [– Это нетрудно будет взять. – Государь, вам стоит только приказать,]

⁴⁸⁰ Далее в рукописи вместо зачеркнутого продолжения варианта написан на полях текст варианта № 177.

⁴⁸¹ Слово: писал повторено в рукописи.

⁴⁸² [свидания]

⁴⁸³ [напирают, напирают]

⁴⁸⁴ [А, им хочется, ну и задайте им.]

щаяся странность состоит только в том, что мы хотим разумно объяснить то, *что делается* неразумно. Охотник всегда лжет, и военный человек всегда лжет – это так же неизбежно, как то, что у старого кавалериста кривые ноги. И для того к воле одного человека относили то, что зависело от воли бога. Волю бога, нам надо признаться, что мы не понимаем, а Кутузова и Наполеона мы называем гением и не только понимаем, но и обсуждаем.⁴⁸⁵ Разве Кутузов и Наполеон выбрали место сражения и приказали убить 100 тысяч человек? (во-первых, ежели бы один человек мог убить 100 тысяч по своей воле, то надо бы признать человека неразумным существом). Ни того, ни другого. И это прямо говорят историки, сами не замечая того, что, говоря это, они уничтожают весь смысл своей истории, объясняющей мировые события волей одного человека, которого для того, чтобы он играл эту роль, называют *гением*.⁴⁸⁶ Точно как обвал горы объясняют тем, что одна крупинка земли отстала первая, и эту крупинку надо назвать гений и не нужно уж искать других причин. Те же историки – цвет историков, собравши всё со всех источников, говорят, что Наполеон пошел дальше от Гжатска оттого, что было ясное утро, что он не знал, где давать сраженье, и не послушался несомненно разумного совета, оттого, что не хотел так, что он во время сраженья портил его ход, потому что медлил, и то посылал дивизию Клапареда, то Фриана и не дал гвардию, и, пока ему доносили, на Шевардинском редуте дело уже изменялось. То же самое делал Кутузов. Отчего он выбрал худшую из прежних, Бородинскую позицию, отчего не усилил центр, что ему советовали, отчего поставил 3 линии под огонь неприятеля, отчего, сидя в Горках, получал известия о ходе сражения тогда, когда оно уже изменялось, и посылал войска за одним, а они делали другое? Ежели бы на месте Кутузова и Наполеона были бы вы и я – было бы совершенно то же самое. Убито и ранено 50 тысяч человек русских и 30 тысяч французов, и всё это произошло оттого, что Наполеон и Кутузов так и так распорядились. Это бессмысленно. Убито 90 тысяч человек и при этом г-н Бонапарт и г-н Кутузов говорили такие-то и такие-то слова, это верно. Понятно, что тот, кто сражается, думает, что вот я завоюю этого, получу чин, удивлю всех, покажу свое геройство и за тем сражюсь. Это понятно. Но когда дело кончено и мы его спокойно судим, непонятно, чтобы мы судили, как это всегда делают историки, стараясь натянуть истину с целью доказать, что мы больше побили людей, мы – русские. Нет, хоть тысяч на 5, но мы побили больше людей, говорят французы. Вот единственные книги, написанные в этом тоне, все истории, которые я бы жег и казнил авторов. Дратья, я понимаю, и кулаками, и на дуэли, и на войне, а никто не может сказать про себя – я не буду драться, но в тиши кабинета целью умственной работы сделать оправдание драки и с завистью думать о том, и лгать, что мы, нет – мы больше убили людей, это было бы необъяснимо, ежели бы не знать, что на 10 тысяч людей бывает один [?] думающий, а 9999 только повторяют то, что думают другие. Мало того, такие писания называются патриотическими и п[исатель] самым благородным. На Бородинском поле совершилось страшное убийство, причины которого лежат в свойствах роевого устройства человека.>

[Далее от слов: Результатом ближайшим этого убийства... кончая: а после 50 к 100 близко к печатному тексту. Т. III, ч. 2, гл. XIX.]

И Москва была отдана, <и историки под совершившиеся факты подводят хитросплетенные доказательства великодушия и гениальности людей, которые были <самыми> из произвольных орудий мировых событий самыми рабскими и произвольными деятелями>.

*** № 177 (рук. № 89. Т. III, ч. 2, гл. XIX).**

24-го было сражение при Шевардинском редуте, 25-го не было пущено ни одного выстрела ни с той, ни с другой стороны, 26-го произошло Бородинское сражение, которое исто-

⁴⁸⁵ *Зачеркнуто:* Ну что могли

⁴⁸⁶ *На полях:* Наполеон посылает Жюно, а потом Фриана, делает две диспозиции и все ошибочны, стрелять нельзя. Кутузов посылает то Евгения Вюртембергского, то Дохтурова, то Толя

рики называют великим событием – «La grande bataille de la Moscova»,⁴⁸⁷ годовщину которого празднуют теперь и в благодарность⁴⁸⁸ за которое тогда служили молебны как в русской, так и во французской армии, благодаря бога за то, что много убили людей, и про которое Кутузов писал государю, что он его выиграл, а Наполеон объявлял по своей армии и своему народу, что он его выиграл; сражение, про которое до сих пор происходят споры о том, чьи распоряжения были лучше и *гениальнее* (это слово особенно любят). Для нас же, потомков, событие это представляется столь же печальным событием, как единичное убийство, только настолько интереснее, насколько 80 тысяч убийств, совершенных в один день и на одном месте, интереснее одного, и таким событием, за которое мы не видим предлога ни благодарить, ни укорять бога, как за всякое неизбежное событие – за весну, лето и зиму. Событие это представляется нам неизбежным явлением, которое не могли произвести воли частных людей, Кутузова и Наполеона, и в котором их воли участвовали так же мало, как и воли каждого солдата, событие, которого эти военачальники не только не произвели, но не предвидели, не руководили и не понимали. Их действия – этих гениев были, как и всегда бывает в войне, так же бессмысленны, как действие того солдата, который в упор стрелял в другого неизвестного и чуждого ему человека.

Мы бы не останавливались на анализе действий⁴⁸⁹ полководцев, ежели бы не существовало то, в кровь и плоть перешедшее, убеждение о гениальности⁴⁹⁰ полководцев. – Действия Наполеона и Кутузова в Бородинском сражении были произвольны и бессмысленны.

* № 178 (рук. № 89. Т. III, ч. 2, гл. XVII—XXI).

<24 августа 1812 года⁴⁹¹ вечером узналось в Москве, что французы в 60 верстах⁴⁹² по Смоленской дороге и сражаются с русскими.⁴⁹³ В Москве уже всё волновалось, каждый день выходили растопчинские афишки,⁴⁹⁴ иностранцы все были высланы, скоро должен был быть готов шар, который полетит в лагерь французов, и многие уезжали по направлению к Нижнему и Тамбову. Из Москвы вывозили и присутственные места и пушки.⁴⁹⁵ Каждый день разносили растопчинские афишки; в одной писалось: «Здесь мне от Государя поручено сделать большой шар, на котором 50 человек полетят, куда захотят, и по ветру и п[ротив] ветру, и что от него будет, узнаете и порадуетесь...» и т. д.⁴⁹⁶ В другой писалось: «...а я теперь здоров, у меня болел глаз, а теперь смотрю в оба».

Riège, прочтя это, болезненно улыбнулся, как он улыбался, когда добрый человек от всей души рассказывал глупый, несмешной анекдот. Это действие производили на него все афишки графа. Он ничего не говорил и не думал даже ясно, но чувствовал, что это что-то не то.⁴⁹⁷

Riège испытывал неопределенное и радостное беспокойство; был в Москве, с утра и до вечера проводя вне дома, и прислушиваясь ко всем слухам.

⁴⁸⁷ [Великая битва под Москвою,]

⁴⁸⁸ *Зачеркнуто:* богу

⁴⁸⁹ *Зач.*: гениальных

⁴⁹⁰ *Зач.*: и необходимости

⁴⁹¹ *Зачеркнуто:* <было дело> в 3 часа было слышно

⁴⁹² *Зач. позднее:* от Москвы и надписаны след. три слова.

⁴⁹³ *На полях:* Общая характеристика Москвы. Казнь повара [?].

⁴⁹⁴ *Зач.*: фр[анцузы]

⁴⁹⁵ *Зач.*: 22 августа Riège'у принесли афишку. *Вместо зачеркнутого написаны позднее след. восемь слов.*

⁴⁹⁶ *След. фраза вписана на полях позднее. Там же ссылка:* В[антыш?] К[аменский?], ч. 3, стр. 138.

⁴⁹⁷ *Зач. позднее:* 24 утром Riège прочел следующую афишу: «А..... а я теперь здоров; у меня болел глаз, а теперь смотрю в оба». Riège'у было ужасно стыдно, когда он прочел это, он не узнавал приятного, живого Растопчина в этих афишках. Безуховский п[олк]. *Вместо зачеркнутого вписан на полях текст след. абзаца.*

Собирание и обмундирование Без[уховского] полка было поручено главному управляющему, и дело подвигалось. Pierre уж и не мешался в него – он знал, что во всяком практическом деле он только напутает. Он говорил только управляющему: «Ничего не жалеете. – <Ну, что за дело, что заложить, что продать – делайте>».

Pierre знал только одно, что пришло время, когда хорошо стало таким людям, как он,⁴⁹⁸ которые рады тому, что так или иначе, но расстроивается скучный порядок жизни. Pierre смотрел на ужас, отчаяние акуратных, почтенных людей, – всегда тайных врагов его и радовался. – «А мне-то и хорошо, что пришло время показать, что *всё это* – вздор». От этого приятного чувства он был⁴⁹⁹ беспокоен, ему всё хотелось еще что-нибудь⁵⁰⁰ отдать и как-нибудь сделать себе похуже и совсем, совсем изменить свою жизнь.

Он не засиживался дома и, как вставал, ходил по городу и знакомым. Все говорили по-русски.

– Вы слышали: мы не колебнулись, – говорила ему Жюли Друбецкая, щипля корпию.

– Это подобной древней Риму геройства, – сказал ему А. Б. Голицын.

Ростовы были такие же, как все, старались говорить по-русски, любовались афишами, щипали корпию. Худая Наташа с блестящими глазами присаживалась, слушала и ничего не говорила. Старая графиня заботилась о богатстве дома, составлявшем одну надежду поправления дел, и бранила Разумовского за то, что он теперь отделялся от покупки. Они ждали подвод из деревни для вывоза всего из дома, и экипажей, чтоб ехать в Тамбов. 24 числа Pierre был у них и сказал, что он едет в армию. Когда он сказал это, Наташа изменилась и не спускала с него глаз и проводила его до передней.⁵⁰¹

Несмотря на то, что всем своим знакомым Pierre,⁵⁰² краснея, одно и то же говорил, что он не только никогда не будет командовать своим батальоном, но что он ни за что в мире не пойдет на войну, что он и по корпуленции своей представляет слишком большую мишень и слишком неловок и тяжел, Pierre давно уже волновался мыслью о том, чтобы поехать к армии и самому своими глазами увидеть, что такое война.⁵⁰³

25 августа, получив от адъютанта Раевского известие о приближении французов и вероятном сражении,⁵⁰⁴ Pierre'у еще более захотелось ехать в армию посмотреть, что там делалось, и с этой целью, чтобы сдать свою должность по комитету пожертвований и быть свободным, поехал к Растопчину.

Проезжая по Болотной⁵⁰⁵ площади, он увидел толпу у Лобного места и, остановившись,⁵⁰⁶ слез с дрожек.

Это была экзекуция французского повара за обвинение в шпионстве. Экзекуция только что кончилась, и палач отвязывал от кобылы жалостно стонавшего толстого человека в синих чулках и зеленом камзоле,⁵⁰⁷ с рыжими бакенбардами.

Другой⁵⁰⁸ преступник, худенький и бледный, стоял тут же⁵⁰⁹ с испуганно болезненным видом, подобным тому же, который имел худой француз.

⁴⁹⁸ *Зач.*: которым было всё нипочем. Он испытывал постоянно счастливое чувство чел[овека]

⁴⁹⁹ *Зачеркнуто*: даже

⁵⁰⁰ *Зач. позднее*: ухнуть и вписано на полях до конца абзаца.

⁵⁰¹ *Далее вписан на полях текст след. абзаца.*

⁵⁰² *Зач.*: упорно

⁵⁰³ *Зач.*: В этот же день

⁵⁰⁴ *Зач.*: Pierre решил ехать сам

⁵⁰⁵ *Слово*: Болотной вписано позднее.

⁵⁰⁶ *Зач. позднее*: увидел, как <сводили> отвязывали от кобылы человека. *Вместо зачеркнутого надписан дальнейший текст, кончая*: жалостно стонавшего

⁵⁰⁷ *Зач. позднее*: который имел не русской вид. Это был французский повар и написаны три след. слова.

⁵⁰⁸ *Зачеркнуто*: стоял

Pierre проталкивался сквозь толпу, спрашивая: – Что это, кто, за что, – и не получал ответа; толпа чиновников, народа, женщин жадно смотрела и ждала. Когда толстого человека отвязали и он, видимо, не в силах удержаться, хотя и хотел этого, заплакал, сам сердясь на себя, как плачут взрослые сангвинические люди, толпа заговорила, как показалось Pierr'у для того, чтобы заглушить в самой себе чувство жалости, и послышались слова:

– То-то теперь запел: патушка, переяславные, ни пуду, ни пуду,⁵¹⁰ – говорил один,⁵¹¹ вероятно кучер господский, подле Pierr'a.⁵¹²

– Что, мусью, видно, русский соус кисел, француз набил оскомину,⁵¹³ – подхватил шутку кучера приказный. Pierre посмотрел, покачал головой, сморщился⁵¹⁴ и, повернувшись, пошел назад к дрожкам,⁵¹⁵ и решил, что он не может больше оставаться в Москве и едет к армии.

Растопчин был занят и через адъютанта выслал сказать, что очень хорошо. Pierre поехал домой и оставил приказание своему всезнающему, всемогущему, умнейшему и известному всей Москве дворецкому Евстратовичу о том, что он в ночь поедет в Татаринovu к войску.⁵¹⁶ <И дворецкий всё вспомнил и обо всем распорядился. Он старого Безухого берейтора послал с подводой и лошадьми верховыми вперед, а графу была готова коляска и выслана подстава.>

К утру 25, никому не сказавшись, Pierre выехал и приехал к вечеру к войскам⁵¹⁷ в дрожках на подставных. Лошади его ждали в Князькове. Князьково было полно войсками и до половины разрушено.⁵¹⁸ По дороге у офицеров Pierre узнал, что он выехал в самое время и что нынче или завтра⁵¹⁹ должно было быть генеральное сражение. «Ну что ж делать? Ведь я этого хотел, – сказал сам себе Pierre, – теперь – кончено».

У разломанных ворот стояла его подвода с кучером, берейтором и верховыми лошадьми. Pierre было проехал своих, но берейтор,⁵²⁰ узнав, окликнул его, и Pierre обрадовался, увидав свои знакомые лица после бесчисленного количества чужих солдатских лиц, которые он⁵²¹ видел дорогой.⁵²²

Берейтор с лошадьми и повозкой⁵²³ стоял в середине пехотного полка.⁵²⁴

Для того, чтобы иметь менее обращающий на себя общее внимание вид, Pierre намерен был в Князькове переодеться в⁵²⁵ ополченский мундир своего полка, но, когда он подъехал к своим (переодеваться надо было тут, на воздухе), на глазах солдат и офицеров, удивленно смотревших на⁵²⁶ его пуховую белую шляпу и толстое тело во фраке, он раздумал.⁵²⁷ Он отказался

⁵⁰⁹ *Дальнейший текст, кончая: послышались слова вписан на полях позднее.*

⁵¹⁰ *Зач.: шутил*

⁵¹¹ *Зач. позднее: фабричный и надписаны след. три слова.*

⁵¹² *Зач.: Pierre, когда он сошел с дрожек и сам не зная зачем пошел толкаясь в толпу*

⁵¹³ *След. четыре слова вписаны позднее.*

⁵¹⁴ *Зач. позднее: треснул изо всех сил фабричного по затылку Вместо зачеркнутого надписаны след. шесть слов.*

⁵¹⁵ *Зач. позднее: и поехал дальше. Вместо зачеркнутого вписан дальнейший текст, кончая: Pierre поехал домой*

⁵¹⁶ *Зач.: Pierre в ночь 25*

⁵¹⁷ *След. четыре слова вписаны позднее.*

⁵¹⁸ *Позднее на полях вписан текст до конца абзаца.*

⁵¹⁹ *Зач.: назначено*

⁵²⁰ *Зачеркнуто позднее: с криком бежал сзади и надписаны след. три слова*

⁵²¹ *Зач.: только и*

⁵²² *След. абзац вписан позднее на полях.*

⁵²³ *Зач.: подле*

⁵²⁴ *Зач.: в лесу у разваленной караулки.*

⁵²⁵ *След. слово вписано позднее.*

⁵²⁶ *Зач. позднее: него и надписаны след. девять слов.*

⁵²⁷ *Зач. позднее: Притом неловко и глупо ему казалось одеться в свой мундир, как будто напоминая о своем полке и вызывая на вопросы. – «Нет, нечего делать, так поеду».*

также от чая, который приготовил ему берейтор и на который с завистью смотрели офицеры.⁵²⁸ Pierre торопился скорее ехать. Чем дальше он отъезжал от Москвы и чем глубже погружался в это море войск, тем больше им овладевало беспокойство. Он боялся и сражения, которое должно было быть, и еще более боялся того, что опоздает к этому сражению.

Берейтор привел двух лошадей. Одну рыжую, англазированную, другого вороного жеребца.⁵²⁹ Pierre давно не ездил верхом, и ему жутко было влезать на лошадь. Он⁵³⁰ спросил, какая посмирнее. Берейтор задумался.

– Эта мягче, ваше сиятельство.⁵³¹

Pierre выбрал ту, которая была помягче, и, когда ему ее подвели, он, робко оглядываясь – не смеется ли кто над ним – он схватился за гриву с такой энергией и усилием, как будто он ни за что в мире не выпустит эту гриву, и влез, желая поправить очки и не в силах отнять руки от седла и поводьев. Берейтор неодобрительно посмотрел на⁵³² согнутые ноги⁵³³ и пригнутое к луке огромное тело своего графа⁵³⁴ и, сев на свою лошадь, приготовился сопутствовать.

– Нет, не надо,⁵³⁵ оставайся, я один, – прошамкал Pierre. Во-первых, ему не хотелось иметь сзади себя этот укоризненный взгляд на свою посадку, а во-вторых, не подвергать берейтора тем опасностям, которым он⁵³⁶ намерен был подвергать себя.⁵³⁷

Закусив губу и пригнувшись наперед, Pierre ударил обоими каблуками по пахам лошади, этими же каблуками уцепился за лошадь, натянул и дернул неровно на сторону взятыми поводьями и, не отпуская гриву, пустился по дороге неровным галопом, предавая свою душу богу.

---

⁵²⁸ *Зач. позднее:* <Надо> Им, верно, хотелось, но как предложить им? Делать нечего. Нельзя. *Затем вписано на полях и снова зачеркнуто:* которым желал и не смел Pierre предложить этот чай. *Далее вписан на полях текст до конца абзаца.*

⁵²⁹ *След. фраза переправлена из:* Pierre ездил давно верхом, еще когда он был женихом. Он ехал с намерением подвергаться всем опасностям генерального сражения

⁵³⁰ *Зач. позднее:* улыбнулся и

⁵³¹ *Зач.:* Pierre <взялся> схватил за гриву *Дальнейший текст, кончая:* он схватился за гриву *вписан на полях позднее.*

⁵³² *Зачеркнуто:* наивно вывернутые

⁵³³ *След. шесть слов вписаны позднее.*

⁵³⁴ *Зач. позднее:* на напряженность корпуса и, сев на свою лошадь, хотел ехать за Pierre'ом. *и вписано окончание фразы.*

⁵³⁵ *След. три слова вписаны позднее.*

⁵³⁶ *Зач.:* твердо

⁵³⁷ *Позднее зач.:* Pierre пустил свою лошадь – что будет, то будет – и, удержавшись на седле, остановился и успокоился. Pierre <с той же методичностью> верный попыткам методичности, которые были в нем, вероятно, потому, что в характере его всё было враждебно всякой методичности, сделал себе план и маршрут, куда и куда он должен ехать. <Во-первых, в главный штаб,> в главный штаб, по войскам и позициям, ночевать в Перновский полк к князю Андрею. Pierre'у многое было интересно в этом предстоящем сражении, как всегда и вечно было одним из самых интересных явлений жизни для мыслящего человека явление войны. Люди чужие убивают друг друга. Во-первых, как управляются все эти массы и подчиняются одной воле? Pierre был когда-то охотник до стратегических соображений, и тактическая сторона дела интересовала его. 2) Каким духом руководятся все эти массы? 3) И самое главное, вопрос для невоенного: что, был бы я трус или нет? Прежде всего Pierre направился в деревню Татаринову, где стоял Кутузов с главной квартирой. Как только Pierre выехал один верхом между войск с мыслью о том, что теперь ему уже нельзя отказаться от опасности, и о том, что каждую минуту может ожидать его, ему стало страшно за свое толстое, белое, нежное тело и, чтобы поддержать в себе мужество, он живо вспомнил то чувство патриотического воодушевления, в котором он находился в дворянском собрании, и под влиянием этого чувства почувствовал удовольствие в мысли показать, что всё – не только богатство, но и самая жизнь – вздор, в сравнении с чем-то. С чем? он не знал. Ни в войсках, которые проезжал Pierre, ни еще менее в Татариновой, где сосредоточивалось всё высшее и блестящее сословие армии, он не нашел этого настроения. По дороге он был, не доезжая Татариновой, в Бородине, которое было все <обвалено> загромождено вонявшими и работавшими ополченцами, он был остановлен толпой народа, впереди которой шли с пением попы. «О ду-ша-ах на-ших», пели священники и сзади солдаты несли икону. Pierre, сняв шляпу, остановился. Бывшие подле него рабочие весело бросили лопаты и побежали, крестясь, к шествию. Им, видно, весело было прервать тяжелую работу. Солдаты также подходили навстречу толпами и, сняв кивера, набожно крестились. Но Pierre'у очевидно было, что набожность солдат, <не имела ничего общего с иконой> с которой они встречали икону Смоленской божьей матери, которую носили перед сражением по полкам, не имела ничего общего с предстоящим сражением и патриотическим духом. Солдаты отходили, и ополченцы брались опять за лопату совершенно в том же расположении духа, в котором они оставляли их. *Вместо зачеркнутого вписан на полях и между строками новый текст до конца варианта.*

Проскакав версты две и едва держась от напряжения на седле, Риегге остановил свою лошадь и поехал шагом, стараясь обдумать свое положение.⁵³⁸

№ 179 (рук. № 89. Т. III, ч. 2, гл. XXI—XXIII).

<У Бенигсена был в саду обед в палатке, приготовленный отличным поваром, с отличными винами. Хотя Риегге и не был знаком с ним, Кутайсов повел его к нему.

– Он очень рад будет. Все у него обедают.⁵³⁹

Риегге хотел ехать сейчас осматривать позицию, но Кутайсов отговорил:

– Лучше поезжайте после обеда с Бенигсеном. Он едет. По всей позиции проедет.

– Ах да. Это – очень интересно.

Действительно, после обеда он сел на дрожки с адъютантом Тучковым и поехал.>⁵⁴⁰

Они проехали по фронту линии назад⁵⁴¹ через окапываемое бруствером⁵⁴² Бородино,⁵⁴³ в котором уже был Риегге, потом⁵⁴⁴ на редут,⁵⁴⁵ еще не имевший и потом получивший название редута Раевского, на котором устанавливали пушки. Риегге не обратил никакого внимания⁵⁴⁶ на этот редут. (Везде одинаково копали.) Он не знал, что это место делается памятнейшим из всех мест⁵⁴⁷ Бородинского поля, потом⁵⁴⁸ они поехали к Семеновскому, в котором солдаты растаскивали последние бревны изб и овинов. Потом под гору и на гору они проехали через поломанную, выбитую, как градом, рожь по вновь проложенной артиллерией по колчам пашни дороге на флешу, тоже тогда еще копаемые и⁵⁴⁹ памятные Риегге только потому, что здесь он, слезши с лошади, во рву позавтракал с Кутайсовым у⁵⁵⁰ полковника, предложившего им битков.

Бенигсен остановился⁵⁵¹ на флешах и стал смотреть на неприятелей напротив, в бывшем нашем еще вчера Шевардинском редуте, он был версты за 1½, и офицеры уверяли, что там группа это Наполеон или Мюрат.⁵⁵² Когда Риегге подошел опять к Бенигсену, он говорил что-то, критикуя расположение этого места и говоря: – Необходимо надо было подвинуться вперед.

Риегге внимательно слушал,⁵⁵³ дожевывая битки.

---

⁵³⁸ См. далее, вар. № 186. На полях конспект: Кутузов всхлипывает, говоря с войсками. Шуберт, разгоряченный спором, скачет в атаку. Он храбр против пехоты и храбр против французов. Кутузов под Аустерлицем в горячности – каналь[ями] бранится. Нелёне читает много книг и Corinne. Главная квартира – изба в три окна. Обед у Бенигсена. Икона. Кутузов: *Voire charmante femme*. [Ваша очаровательная жена.] Едет к Тучкову. – Ах, это очень интересно: ничего не видит. Прик[азание] о перевязочном пункте и лекаре. К князю Андрею. Он дре[млет] у костра. Поезжай к Б., у Кутузова ничего не увидишь. Офицеры. Тимохин. Солдаты продрогшие. Философия Андрея с Риегге. *Зачеркнуто позднее*: <Первое [1 неразобр.]> В улице, в дер. Татариновой

⁵³⁹ *Зач.*: А после

⁵⁴⁰ *На полях*: <Б[енигсен] разговаривает о фланге и готовится к отсылке курьера к царю. Это вопрос жизни и смерти. Видно, что он напряжен и дрожит, как дрожит человек перед решением участи.>

⁵⁴¹ *Слово*: назад *вставлено позднее*.

⁵⁴² *Слова*: окапываемое бруствером *вставлены позднее*.

⁵⁴³ *Зач. позднее*: окапываемое ополченцами, в котором оставались еще избы, но никого уже не было жителей и *надписаны след. пять слов*.

⁵⁴⁴ *Зач. позднее*: мимо и *надписано*: на

⁵⁴⁵ *След. восемь слов вписаны позднее*.

⁵⁴⁶ *След. три слова вписаны позднее*.

⁵⁴⁷ *След. два слова вписаны позднее*.

⁵⁴⁸ *След. два слова вписаны позднее*.

⁵⁴⁹ *Зачеркнуто*: ничем не известные и *вписано окончание фразы*.

⁵⁵⁰ *Зач.*: офицера

⁵⁵¹ *След. два слова вписаны позднее*.

⁵⁵² *Зач. позднее*: Бенигсен и *вписаны след. семь слов*.

⁵⁵³ *Зач.*: глядя ему в рот, терп[еливо], но всё не понимая значения слов Бенигсена.

– Вам, я думаю, не интересно⁵⁵⁴, – вдруг обратился к нему Бенигсен.

– Ах, напротив, очень интересно, – повторил Piere фразу, повторенную им раз 20 в этот день и всякий раз не совсем правдиво.⁵⁵⁵

Он не мог понять, почему флешам надо было быть впереди, чтобы их обстреливала Раевского батарея, а не Раевского батарея быть впереди, чтобы ее обстреливали флеша.⁵⁵⁶

– Да, это очень интересно, – всё говорил он.⁵⁵⁷

Наконец они приехали на левый фланг, и тут Бенигсен еще более спутал понятия Piere'a своим недовольством помещения корпуса Тучкова, долженствовавшего защищать левый фланг. Вся позиция Бородино представлялась Piere'у следующим образом.⁵⁵⁸

Передовая линия, несколько выгнутая вперед, простиралась на 3 версты от Горок до позиции Тучкова. Почти по середине линии, ближе к левому флангу, была⁵⁵⁹ река Колоча с крутыми берегами,⁵⁶⁰ разрезавшая всю нашу позицию надвое.

Выступающим пунктом справа налево были: 1) Бородино, 2) редут Раевского, 3) флеша, 4) оконечность левого фланга – леса березника в оглоблю,⁵⁶¹ у которого стоял Тучков.

Правый фланг был сильно защищен рекою Колочею, левый фланг был слабо защищен лесом, за которым была старая Калужская дорога. Корпус Тучкова стоял почти под горой.⁵⁶² Бенигсен нашел, что корпус этот стоит не хорошо и приказал подвинуться ему вперед на версту расстояния.⁵⁶³

Почему лучше было стоять впереди без подкреплений, почему не подвинуты были другие войска, ежели левый фланг слаб, почему Бенигсен сказал полковнику, который с ним был, что об этом распоряжении его не нужно было докладывать Кутузову, и почему сам не сказал Кутузову. Потом Piere слышал, как он, встретив Кутузова,⁵⁶⁴ прямо сказал, что он всё нашел в исправности и не нашел нужным ничего изменять – это не смог понять Piere, и всё это было ему еще более интересно.⁵⁶⁵

В 6-м часу Piere за Бенигсеном приехал в Татарину, где стоял Кутузов.

⁵⁵⁴ *Зач. позднее: сказал и вписаны след. пять слов.*

⁵⁵⁵ *Зач.:* Ему было очень интересно, но он ничего не мог понять и не мог понять так, как молодые люди не понимают Бетховена или Гете оттого, что они ищут найти это понимание в какой-то другой, высшей и ненормальной сфере. Piere'у казалось всё это очень премудро. Например

⁵⁵⁶ *Зач.:* потому что так после обеда пришло в голову Бенигсену, этого он не мог понять.

⁵⁵⁷ *Зач. позднее:* Но что ему было более всего интересно, это то, что он действительно почти понял, но потом опять спутался. Это – левый фланг и вопрос о том, как поместить и *вписано кончая:* недовольством помещения

⁵⁵⁸ *Зач.:* Лишь

⁵⁵⁹ *Слово была вписано позднее.*

⁵⁶⁰ *Зачеркнуто:* которую трудно обойти правому флангу и *вписано окончание фразы.*

⁵⁶¹ *След. четыре слова вписаны позднее и далее зач.:* и за ним старая Калужская дорога. 25 числа началась речь об том, что французы могут обойти левый фланг, и про это все говорили и разные слышал суждения в этот день Piere и затем ехал туда Бенигсен. Значительно отступив от линии, там стоял Тучков и казаки. Полковник 1-го полка подошел к Бенигсену (у него было сердитое лицо) и начал кричать, говоря, что здесь стоять нельзя, что людей перебьют под горой. Бенигсен, печально улыбаясь, молча слушал и поехал вперед смотреть, потом подъехал Тучков, и Бенигсен сказал, что корпус надо передвинуть вперед. Тучков не соглашался. Бенигсен приказал именем главнокомандующего и уехал, когда войска двинулись. *Вместо зачеркнутого вписан текст след. абзаца.*

⁵⁶² *Зач.:* Подъехав к первому казачьему полку, стоявшему тут

⁵⁶³ *На полях:* <Тут Piere видел мужиков с тачками. Они были очень веселы, «но на что они были нужны?» думал Piere>

⁵⁶⁴ *Зач. позднее:* передал ему только, что всё хорошо, и ничего не сказал о сделанном распоряжении. *Вместо зачеркнутого вписано, кончая:* ничего не изменять

⁵⁶⁵ *Зач. позднее:* Уже <стало смеркаться> <солнце> <был> 5-й час. Piere поехал по войскам изучать дух войска. Проезжая через Бородино, он увидел в реке солдат, моющих портянки. Двое с синими ногами стояли в воде и полоскали, двое дрались за доску, на которой хотели стоять. <Офицеры играли в свайку и> «Нет, поздно, надо застать Андрея», и, узнав, где стоит Перновский полк, он проехал к нему. *Перед зачеркнутым в рукописи знак сноски, приводящий к дальнейшему тексту. След. фраза вписана на полях позднее.*

Одна большая изба в три окна была занята Кутузовым. Рядом на плетне была прибита доска: «Канцелярия главного штаба». Напротив с фургонами у подъезда была изба, в которой жил Бенигсен.⁵⁶⁶

Перед самой деревней Pierr'a обогнал знакомый ему Кутайсов. Он верхом возвращался откуда-то с двумя офицерами. Кутайсов⁵⁶⁷ дружески обратился к Pierr'у, не в силах удержать насмешливые взгляды, которые обегали всю фигуру Pierr'a, и улыбнулся на вопрос Pierr'a о том, как ему просить главнокомандующего о разрешении *участвовать* в сражении.

– Поедьте со мной, граф.⁵⁶⁸ Князь (Кутузов), верно, в саду под яблоней. Я вас проведу к нему. Ну, что Москва? волнуется? И, не дожидаясь ответа, Кутайсов подъехал к навстречу ехавшим генералам на дрожках и по-французски что-то горячо поговорил с ними. *La position est intenable... Il faut être fou,*⁵⁶⁹ – слышал Pierre.

– Кто это? – спросил Pierre.

– Это⁵⁷⁰ принц Евгений, едет на левый фланг осматривать позицию, которая невозможна. Хотя, артиллерия чтоб действовала из-под горы... Ну, да вам неинтересно...

– Ах, напротив... мне⁵⁷¹ очень интересно... Я видел всё.

– А, – сказал Кутайсов и подъехал к плетню, на котором была вывеска. Кутайсов слез и приказал казаку взять лошадь Pierr'a и Pierr'у сказал, куда идти и где найти свою лошадь.⁵⁷²

В сарае на соломе спал один офицер, накрывшись рубашкой от мух, другой у дверей⁵⁷³ обедал подовыми пирогами и арбузом.

– Светлейший в саду? – спросил Кутайсов.

– В саду, ваше сиятельство.

И Кутайсов через сараи прошел в Яблоновый мужицкий сад с теми переливами тени и света, которые бывают только в густых яблочных садах. В саду было прохладно, и вдалеке виднелись раскинутые палатки, ковер и воротники мундиров и эполеты. Яблоки еще оставались на деревьях, и у плетня мальчишка босиком влез на дерево и тряс. Девчонка подбирала внизу. Они испуганно замерли, увидав Pierr'a. (Им казалось, что цель всех людей, а потому и этих, состояла в том, чтобы помешать им рвать яблоки.) Кутайсов прошел вперед, мелькая между деревьями, к блестящему коврику и эполетам. Pierr'e, не желая развлекать главнокомандующего, остался сзади.⁵⁷⁴

– Ну, хорошо, поезжай сам, да пошли его ко мне.⁵⁷⁵

Кутузов, засмеявшись чему-то,⁵⁷⁶ встал и пошел к избе⁵⁷⁷ переваливающейся, ныряющей походкой, руки назад. Pierr'e подошел к нему, но еще прежде главнокомандующий остановился

⁵⁶⁶ *Зачеркнуто позднее:* У Pierr'a было много знакомых, но он не подумал о том, к кому обратиться с тем, чтобы ему позволено было волонтером принять участие в предстоящем сражении. (Pierre думал, что это необходимо.)

⁵⁶⁷ *Зач.*: ласково

⁵⁶⁸ *Зач.*: Светлейший

⁵⁶⁹ [Позиция ненадежна... Надо быть сумасшедшим,] *Зачеркнуто:* говорил

⁵⁷⁰ *Зач.*: Бенигсен

⁵⁷¹ *Зач. позднее:* бы хотелось видеть позицию и расположение войск... – Ну, так поедьте, я вас сейчас проведу к светлейшему и поедьте для перевоза на левый фланг к Тучкову. Только я пообедаю. Меня звал Бенигсен. Он *Вместо зачеркнутого вписаны след. девять слов.*

⁵⁷² *Зач. позднее:* особенно заботливо, как ребенку.

⁵⁷³ *Зач. позднее:* на козлах писал с двумя писарями. *Вместо зач. вписаны след. пять слов.*

⁵⁷⁴ *Зачеркнуто вписанное позднее на полях:* но он слышал то, что говорилось. Вероятно, Кутузов говорил с <доктором> главным заведывателем по докторской части, потому что Pierre слышал слова, ужасом поразившие его, о количестве нужных перевязок и фура для перевоза будущих раненых и убитых, теперь здоровых и живых, но число которых уже приблизительно верно определялось главным доктором и Кутузовым. Pierre слышал слова Кутузова: «чем больше, тем лучше, – сказал Кутузов, – считай на 20 тысяч и не ошибешься». Потом заговорил Кутайсов, и Pierre слышал слова Кутузова

⁵⁷⁵ *Зач. позднее:* послышался ему голос Кутузова и потом хохот его.

⁵⁷⁶ *Слова:* засмеявшись чему-то *вписаны позднее.*

⁵⁷⁷ *Зач.*: осто[рожной]

перед ополченным офицером, знакомым Pierr'a. Это был Долохов. Долохов говорил что-то горячо Кутузову, который через голову его кивнул Pierr'у. Pierr'e подошел. Долохов говорил:

– Все сражения наши были проиграны от слабости левых флангов. Я осмотрел нашу позицию, и наш левый фланг слаб. Я решил,⁵⁷⁸ что, ежели я доложу вам, ваша светлость может прогнать меня или сказать, что вам известно то,⁵⁷⁹ что я докладываю, и тогда у меня не будет...

– Так, так.

– А ежели я прав, то я принесу пользу отечеству, для которого я готов умереть.

– Так, так...

– И ежели вашей светлости нужно человека, который бы пошел в неприятельскую армию убить Бонапарта, то я готов быть таким.

– Так, так... – сказал Кутузов, смеющимся, сузившимися глазами глядя на Pierr'a, и тут же обратился к Толю, шедшему за ним:

– Сейчас иду, не разорваться мне. Хорошо, голубчик, благодарю тебя, – обратился он к Долохову, отпуская его, и к Pierr'у:

– Хотите пороху понюхать? Да, приятный запах. Имею честь быть обожателем вашей супруги. Здорова она? Мой привал к вашим услугам, – и Кутузов прошел в избу.⁵⁸⁰

Пообедав у Кутайсова и взяв⁵⁸¹ у него лошадь и казака,⁵⁸² Pierre поехал к Андрею, у которого и намерен был отдохнуть и провести ночь до сражения.

* № 180 (рук. № 89. Т. III, ч. 2, гл. XXIV—XXV).

Князь Андрей в этот⁵⁸³ ясный, августовский вечер 25-го⁵⁸⁴ числа лежал в разломанном сарае деревни Князькова на разостланном ковре. Сарай этот был на задворках деревни, над скатом выгона, по которому стояли солдаты его батальона. Крыша с сарая вся была утащена, и одна сторона, выходящая над обрывом, отломана, так что князю Андрею открывался далекий и прекрасный вид, оживленный видом войск, лошадей и столбов дыма, поднимавшихся с разных сторон из котлов. На задворках около сарая был виден остаток овина и между овином и сараем была полоска дерев – осин и березок 30-летних, которых сучья были обрублены, одна срублена и некоторые зарублены. Князь Андрей застал своих солдат, рубивших этот лесок или садок, видимо насаженный старательным хозяином мужиком, и запретил им рубить, предоставляя таскать сарай и бревны. Спасенные им березки с кое-где желтеющей листвой стояли веселые и курчавые над его головой, не шевелясь ни одним листком в тишине вечера. Князь Андрей жалел и любил всё живое и радостно смотрел на эти березки. Желтые листья обсыпали место под ними, но это они обсыпали прежде, теперь ничто не падало, они блестели ярким светом, вырвавшимся из-за туч, блестящим светом. Воробьи слетали с берез на оставшееся звено забора и опять влетали на них. Князь Андрей лежал, облокотившись на руку и закрыв глаза. Распоряжения все были сделаны, завтра должно было быть сражение. У⁵⁸⁵ начальника его⁵⁸⁶ колонны он уже был, с ротным и батальонными командирами обедал и теперь хотел побыть

⁵⁷⁸ След. пять слов вписаны позднее.

⁵⁷⁹ В рукописи: до

⁵⁸⁰ Зач. позднее: В штабе у Pierr'a не только много было знакомых, но все были знакомые. Следующий абзац вписан позднее на полях.

⁵⁸¹ Переправлено из: попросив

⁵⁸² Зачеркнуто: у Кутайсова и узнав, где стоит Перновский полк,

⁵⁸³ Зач.: вечер

⁵⁸⁴ Зач.: августа сидел в сарае на ковре

⁵⁸⁵ Зач. позднее: полкового командира и вписаны след. четыре слова.

⁵⁸⁶ Зач.: отряда

один и подумать, подумать так же, как он думал накануне Аустерлица.⁵⁸⁷ Как ни много времени прошло с тех пор, как ни много пережито было с тех пор, как ни скучна и никому не нужна и ни тяжела ему казалась его жизнь, теперь точно так же, как и 7 лет тому назад, накануне сражения, страшного сражения, которое он предвидел на завтра, он чувствовал себя взволнованным, раздраженным и испытывал необходимость, как и тогда, сделать счеты с самим собою и спросить себя, что и зачем я?

Ничего похожего не было в нем, каким он был 1805 и каким он был 1812 года. Все очарования войны не существовали уже для него. Откидывая и откидывая прежние заблуждения, он дошел до того,⁵⁸⁸ что война ему представлялась уже самым простым и ясным, но ужасным делом. Он несколько недель тому назад сказал себе, что война понятна и достойна только⁵⁸⁹ в рядах солдат, без ожидания⁵⁹⁰ наград и славы. Воевать в товариществе Тимохиных и Тушиных, которых он так глубоко презирал прежде, к уважению которых он не пришел и теперь, но которых все-таки предпочитал Несвицкому,⁵⁹¹ Чарт[орижскому] и т. п. на том основании, что хотя Т[имохин] и Т[ушин] были почти животные, но честные, не лживые, простые животные, а те были – обманщики и лгуны, загребаящие жар чужими руками и над смертью и страданиями людей вырабатывающие себе крестики и ленточки, которых им и не нужно.⁵⁹² Но даже и эта война в самом упрощенном виде теперь слишком ясно, всей своей ужасной бессмысленностью представлялась князю Андрею.⁵⁹³ Он был раздражен, ему хотелось думать, он чувствовал, что находится в одной из тех минут, когда ум так пронизателен, что, откидывая всё ненужное, запутывающее, проникает в самую сущность вещей, и именно от этого ему страшно было думать.

Он удерживался и все-таки думал.⁵⁹⁴

Он⁵⁹⁵ вызывал в себе тот ряд мыслей, которые бывали у него прежде, но ничего похожего не шевелилось в нем. «Чего ж я хочу? – спрашивал он сам себя. – Славы, власти над людьми? Нет, зачем? Я бы не знал, что с нею делать. Не только не знал бы, что делать, но знаю наверно, что людям ничего нельзя⁵⁹⁶ желать, ни к чему стремиться».

Он посмотрел на воробьев, слетевших роем с забора на выгон.⁵⁹⁷ «Что ж они (люди)⁵⁹⁸ могут решать? Всё идет по тем вечным законам, по которым этот воробей⁵⁹⁹ отстал от других⁶⁰⁰ и подлетел после.⁶⁰¹

⁵⁸⁷ *Зач. позднее:* Но ничего и *вписан на полях текст, кончая словами:* зачем я? Ничего

⁵⁸⁸ *Зачеркнуто позднее:* что считал честным и разумным воевать и *вместо зач. вписан на полях дальнейший текст, кончая словами:* понятна и достойна

⁵⁸⁹ *Зач.:* с солдатами

⁵⁹⁰ *Далее конец фразы исправлен из:* славы и наград и радостей.

⁵⁹¹ *Зач.:* Кут[айсову?] и

⁵⁹² *Зач. позднее:* Князь Андрей уже 3 месяца был в полку. Сначала его дичились и бранили, как человека и одевающегося, и говорящего, и всё делающего не так, как другие, но потом его почтительно <строгое> далекое обращение с начальством, его всегда ровная и снисходительная учтивость к низшим, его связи и знакомства в высших сферах (не раз видели, как [к] нему приезжали генералы и флигель-адъютанты, с которыми он обращался точно так же, как с армейцами), его готовность к матерьяльной услуге – обеда, лошади, водки солдатам – приобрели ему общее уважение. «Наш князь», называли его все в полку. *Вместо зачеркнутого вписан на полях след. текст, кончая словами:* Он удерживался и все-таки думал.

⁵⁹³ *На полях:* Князь Андрей раздражен, видит всю правду. Измена Наташи – так должно быть – тело.

⁵⁹⁴ *Зач. позднее:* И так

⁵⁹⁵ *Зач. позднее:* лежал

⁵⁹⁶ *Зач. позднее:* делать, что всё они делают сами. Славы для меня? Нет, ведь я отказался, отказываюсь от нее. Разве не в моей воле было теперь быть там с теми, которые решают теперь судьбы этих 180 тысяч, судьбы России (думают, что решают). *Вместо зачеркнутого вписаны след. пять слов и зач. вписанное:* Всё делается по вечным, неизменным и бессмысленным законам.

⁵⁹⁷ *Зачеркнуто:* и улыбнулся.

⁵⁹⁸ *Слово:* (люди) *вписано позднее.*

⁵⁹⁹ *Слово:* воробей *вписано позднее.*

Так чего ж я хочу? Чего? Умереть, чтоб меня убили завтра?⁶⁰² Чтоб меня не было, чтобы всё это было, а меня бы не было?»

Он живо представил себе отсутствие себя от этой жизни с плетнем (он отломил палочку) и дымом котлов, и мороз подрал его по коже. «Нет, я *этого* не хочу, я боюсь⁶⁰³ еще чего-то. Чего же я хочу?⁶⁰⁴ Ничего, но живу, потому что не могу не жить и боюсь смерти».

«Вот эти все, – думал он, глядя на двух солдат, которые, стоя у пруда⁶⁰⁵ голыми ногами в воде, вытягивали с бранью друг у друга доску, на которой они хотели стоять, чтоб мыть белье. – Вот эти и этот офицер, который так доволен, что прискакал верхом – чего они хотят, из чего хлопочут? Им кажется, что и эта доска, и эта его лошадка, и это будущее сражение, что всё это очень важно, и живут... И там где-то моя княжна Марья и Никулушка тоже боятся, хлопчат и бог знает, кому лучше: им или мне? И я, так же, как они, недавно еще верил во всё. Как же я делал поэтические планы о любви, о счастье с женщинами. – О, милый мальчик! – с злостью вслух проговорил он. —Как же! Я верил в какую-то идеальную любовь, которая должна была мне сохранить ее верность за целый год моего отсутствия. Как нежный голубок басни, она должна была зачахнуть в разлуке со мной и не полюбить другого. Как же я боялся того, что она зачахнет с тоски по мне».

Краска бросилась ему в лицо, он встал и начал быстро ходить.

«А всё это гораздо проще. Она – самка, ей нужен муж, первый самец, который встретился и стал хорош для нее. И непонятно, как можно не видеть такую простую и ясную истину. Отец тоже строил в Лысых Горах и думал, что это – его место, его земля, его воздух, его мужики, а пришел Наполеон и, не зная об его существовании, как щепку с дороги, толкнул и развалил *его* Лысые Горы и всю его жизнь. А княжна Марья говорит, что это – испытанье, посланное свыше. Для чего же испытанье, когда его уж нет и не будет? Никогда больше не будет. И я буду думать, что мне послано испытанье. Очень хорошо – испытанье. Что это меня готовит к чему-то. А завтра меня убьет – и не француз даже, а свой, как вчера разрядил солдат ружье около моего уха, и придут французы, возьмут меня за ноги и за голову и швырнут в яму, чтоб я не вонял им под носом, а завтра придут в Москву и, как в Смоленске, поставят лошадей в собор, а на раку святителя насыпят овса и сена и лошади будет очень покойно... Кому же это испытание? Испытание человеку, который всё не понимает того, что над ним смеются. Глупо, когда не понимаешь, мерзко, когда понимаешь всю эту шутку».

Он⁶⁰⁶ вошел в сарай, лег на ковер, закрыв глаза, перестал ясно думать. Одни образы сменялись другими. На одном на чем-то он долго, радостно остановился, когда его развлек какой-то близко знакомый, пришепетывающий голос, говоривший за сараем:

– Да я и спрашивал не Петра Михайловича, а князя Андрея Николаевича Болконского.

Князь Андрей пропустил мимо ушей этот голос и стал спрашивать себя, о чем он так долго и радостно думал. О чем последнем? Да, вот о чем:

⁶⁰⁰ Слова: от других вписаны позднее и зач.: воробьев

⁶⁰¹ Зач.: Разве я не мог бы там с ними в ш[табах] притворяться, что я решаю судьбы? Для этого так мало надо. Такую малую долю усилия души. Но многого надо отречься, многого не иметь... Но иметь <любви к истине> Далее зачеркнуто вписанное: ясного, прямого, неробкого взгляда, чтоб видеть правду, всю правду.

⁶⁰² След. фраза вписана позднее.

⁶⁰³ Позднее вписаны след. три слова вместо зачеркнутого: ни этого ничего

⁶⁰⁴ Зач. позднее: Узнать всё, всю правду всей этой путаницы. Да, этого я хочу, одного этого хочу и могу, я чувствую. Теперь что-то светит мне в этой путанице, но не могу я уловить этого света. Подыму и опушу завесу. Что же, истины я хочу? Но и то нет. Коли узнать ею, надо смертью. Нет, не хочу». Он привстал и стал ломать палочку и радостно смотреть на дым из-под горы. «Есть, есть что-то в этой жизни, чего мне нужно, что могло бы быть хорошо. А что это?» Вместо зачеркнутого вписан след. текст, кончая: когда понимаешь всю эту шутку» (стр. 105).

⁶⁰⁵ Зач.: с криком

⁶⁰⁶ След. шесть слов вписаны позднее.

«Я вошел в заднюю дверь нашей комнаты. Она (Наташа) сидела перед трюмо и чесала волосы. Она услышала мои шаги и оглянулась. Оглянулась, держа пряди волос в руке и прикрывая ими румяную, свежую щеку, и смотрела радостно-благодарно на меня. И я был ее счастливый муж, и она была, да, Наташа. Да... Да, в эти самые щеки, в эти плечи,⁶⁰⁷ может быть, целовал ее этот человек.⁶⁰⁸ Нет, нет, никогда, видно, никогда я не прощу, не забуду этого».

Князь Андрей почувствовал, что слезы душат его. Он⁶⁰⁹ приподнялся и перевернулся на другой бок.

«И могло, могло этого не быть. Нет, я одно хочу, хочу еще. Это – убить этого человека и видеть ее.⁶¹⁰ И зачем он не женился на ней? Он не удостоил ее. Да, то, что для меня – верх моих желаний, для него – презренно. Так, их есть царство земное. Что же мое?..... Что-то есть и все-таки не хочу я быть ими».⁶¹¹

В входной двери послышались шаги и голоса. Он знал, что это были батальонные командиры, которые шли к нему пить чай, но кроме их был знакомый голос, который сказал:

– Que diable!⁶¹²

Андрей оглянулся. Это был Pierre, который в своей пуховой шляпе, входя вместе с офицерами, не нагнулся и стукнулся головой о жердь, остававшуюся сверх ворот сарая.

Pierre с первого взгляда на своего друга заметил, что, ежели он переменялся с последнего их свидания, то только в том, что за это время он еще дальше ушел на том пути мрачного озлобления. Андрей с насмешливой и скорее неприязненной улыбкой встретил Безухова.

Князю Андрею вообще неприятно было видеть людей теперь из своего мира, в особенности же Pierre'a, с которым он почему-то чувствовал необходимость всегда быть откровенным и еще более потому, что вид Pierre'a напоминал ему живее всего их последнее свидание и угрожал ему повторением тех объяснений, которые были при последнем свидании. Князь Андрей, сам не зная почему, испытывал неловкость смотреть ему прямо в глаза (неловкость эта тотчас же передалась Pierre'у) и боялся остаться с ним с глазу на глаз.

– А, вот как, – сказал он, подходя к нему и обнимая его. – Какими судьбами? Очень рад.

Но в то время, как он говорил это, в глазах его и выражении всего лица была больше, чем сухость, была враждебность, как будто он говорил: «Ты – очень хороший человек, но оставь меня, мне тяжело с тобою».

Последнее свидание их было в Москве, когда Андрей получил письмо Ростовой.⁶¹³

– Mon cher. Я⁶¹⁴ приехал.... Так..... знаете... приехал... мне интересно, – сказал Pierre, краснея. – Полк мой еще не готов.⁶¹⁵

– Да, да, а братья масоны что говорят о войне? Как предотвратить ее? – сказал Андрей.⁶¹⁶

⁶⁰⁷ Зачеркнуто: с жемчугом

⁶⁰⁸ След. фраза вписана позднее.

⁶⁰⁹ Зач. позднее: встал и вышел и стал ходить взад и вперед по сараю, ударяя, ломая хворост и вписано окончание фразы.

⁶¹⁰ Зачеркнуто позднее: «Я говорил себе всё, чтобы доказать, что я не имею этого права, но я не могу. И зачем мне ее видеть? Вон Тимохин идет, и чего он желает? Совсем другого. Кто это всё поймет? Ему всё равно, и Павлу всё равно. Стало быть, и мне всё равно, И действительно, мне всё равно. – Эй, Павел, давай самовар и попроси господ, кто хочет чаю. Это кто? Это был Pierre, который, разминая ноги, в своей пуховой шляпе входил в сарай князя Андрея и ударился головой о жердь, оставшуюся сверх ворот. Вместо зачеркнутого вписан на полях след. текст, кончая: мне тяжело с тобою».

⁶¹¹ На полях: <Князь Андрей восхваляет линейную службу. Немцы едут мимо. Русские, как на острове.>

⁶¹² Ах, чорт возьми!

⁶¹³ Зачеркнуто: A que diable, – сказал Pierre, потирая себе лоб. Последние три слова вписаны по зачеркнутому позднее: – Eh bien, mon cher, voilà où nous en sommes. Napoléon à 60 v[erst] de Moscou [Ну, мой милый, вот до чего мы дошли: Наполеон в 60 верстах от Москвы]. – Ты зачем здесь? – спросил Андрей. – Не потому, чтобы я был не рад тебя видеть, напротив, я очень, очень рад нынче тебя видеть. Ах ты, милая рожа, <говорил он, целуя его> и князь Андрей, сделал свое детское лицо, обнял его.

⁶¹⁴ След. девять слов вписаны позднее.

⁶¹⁵ Зач. позднее: Как я ни старался, я не мог быть употреблен. Что ж мне делать?

⁶¹⁶ Зач. позднее: улыбаясь.

– Да, да...⁶¹⁷

– Ну, что Москва? Что мои? Приехали ли, наконец, в Москву? – спросил князь Андрей.

– Не знаю.⁶¹⁸ Жюли Друбецкая говорила, что она получила письмо из Смоленской губернии.

– Не понимаю, что делают. Не понимаю.⁶¹⁹ Войдите,⁶²⁰ господа, – обратился он к офицерам, которые, увидав гостя, замялись у входа в сарай. Впереди офицеров был Тимохин с красным носом,⁶²¹ который хотя теперь за убылью офицеров был уже батальонный командир,⁶²² был такой же добрый и робкий человек.⁶²³ За ним вошли адъютант и казначей полка. Они были грустны и серьезны, как показалось Риег'у. Адъютант почтительно сообщил князю, что в один батальон не достало калачей, присланных из Москвы. Тимохин тоже что-то передал по службе.⁶²⁴

Раскланявшись с Риег'ом, которого князь Андрей назвал им, они разместились на полу вокруг поданного самовара, и младший из них занялся разливанием. Офицеры не без удивления смотрели на толстую громадную фигуру Риег'a и слушали его рассказы о Москве и о расположении наших войск, которые ему удалось объездить. Князь Андрей молчал, и лицо его так было неприятно, что Пьер уж обращался более к добродушному батальонному командиру Тимохину.

– Так ты понял всё расположение войск? – перебил его князь Андрей.

– Да, то есть как? – сказал Пьер, – как невоенный человек, я не могу сказать, чтобы вполне, но все-таки понял общее расположение.

– Eh biens, vous êtes plus avancé que qui cela soit,⁶²⁵ – сказал князь Андрей.

– То есть как? – сказал Риег, с недоумением через очки глядя на Андрея.

– То⁶²⁶ есть, что никто ничего⁶²⁷ не понимает,⁶²⁸ как и должно быть, – сказал князь Андрей.

– Да, да, – отвечал он на удивленный взгляд Риег'a.⁶²⁹

⁶¹⁷ След. фраза вписана позднее.

⁶¹⁸ Зач. позднее: Риег уселся на ковер и кивал дружески головой дядьке Сидору, вошедшему с самоваром.

⁶¹⁹ Зач. позднее: Как оставаться там, где всякую минуту могут захватить французы.

⁶²⁰ След. слово вписано позднее.

⁶²¹ Зач. позднее: тот же Тимохин, так же, как и в 1805 г. ротный и надписаны след. девять слов.

⁶²² Зач. позднее: и робкий, запуганный надписаны след. шесть слов.

⁶²³ Зач. позднее: Офицеры успо[коились] и вписан текст до конца абзаца.

⁶²⁴ От слов: тоже что-то передал по службе кончая словами: – Eh bien vous êtes plus avancé que qui cela soit, – сказал князь Андрей – печатается по наборной рукописи, сверенной с остатками попорченного автографа, который был написан позднее на полях вместо зачеркнутого первоначального текста: <и князь Андрей> завязался разговор, более общий, и князь Андрей старательно всякий раз переводил французские слова, по привычке говоренные Риег'ом, и сам говорил только по-русски. На вопрос Андрея, где был Риег и что видел, Безухой рассказал свое посещение главной квартиры, объезд позиции и столкновение на левом фланге, которого он был свидетелем. – Я не мог понять хорошенько только одного, – сказал Риег, – это то, где наш центр, где левый и правый фланг? Ежели он атакует нас в Бородине, то это так, но ежели он атакует нас на правом фланге, то то, что было левым флангом, делается центром... Князь Андрей улыбался, слушая Риег'a. – Ты выучил, однако, уж эти слова: центр и фланг, – сказал он. – А ты не поверишь, какие ты истины говоришь, однако... – Я не понимаю.

⁶²⁵ Ну так ты больше знаешь, чем кто бы то ни было,

⁶²⁶ Зач. позднее: что ты не понимаешь и вписаны след. два слова.

⁶²⁷ Слово: ничего вписано позднее.

⁶²⁸ Зач. позднее: Но ты говоришь истину, потому что не понимаешь и так говоришь. Всё это не имеет никакого смысла. Вместо зач. вписаны след. семь слов.

⁶²⁹ Зач. позднее: Ты говоришь: где наш <левый> центр, никто не знает и не может знать, потому что никто не знает, будет ли он нас атаковать спереди, или слева, или справа, или сзади. Центр и фланги <сражения> диспозиции можно видеть только после сражения, а не до. Далее вписан текст, кончая: нельзя быть легкомысленным (стр. 111) вместо зач.: – Ну, однако, есть же тактические законы, по которым, как в jeu d'échecs [шахматной игре] руководствуются полководцы. – Никаких нет и не может быть, а так, забавляются, вот, что ты можешь ли себе представить. А это – так, и только вследствие этого я <перестал служить> теперь служу с этими господами, с которыми мы стреляемся и деремся, а не с теми, которых ты сейчас видел в штабе и которые заняты только тем, чтобы притворяться делающими. [Далее пропуск пятинадцати строк, которые были написаны на

– То есть как же ты это понимаешь. Ведь есть же *les lois*.⁶³⁰ Ведь, например, я сам видел, как на левом фланге Бенигсен нашел, что войска стоят слишком далеко назади для взаимного подкрепления и выдвинул их вперед.

Князь Андрей сухо, неприятно рассмеялся.

оборванной части рукописи, до слов: и сообразить все сочетания, которые могут быть, и сос[тавл]яет мастерство игрока. [Князь Андрей улыбнулся, как человек, [который] рад, что противник в [спо]ре, желая опровергнуть, дает ему наилучшие орудия.– Прекрасно, – и князь Андрей, обращаясь к Тимохину («и он мог понять это, так просты будут мои доводы», думал князь Андрей).– Остановимся на шахматной игре, с которой так любят сравнивать военное дело. В шахматах есть 16 штук у одного, 16 у другого, всех вместе на доске 4 × 16. Сила и действие каждой шашки определена неизменно, противнику видны все действия другого противника. Шашкам есть, пить и греться не нужно, шашки не имеют своей воли никакой, и время не принимается в расчет в игре. Ты можешь обдумывать ход, сколько тебе угодно. Условия войны немножко другие, мы после об них поговорим. Но и при [шахма]тах – (ты ведь играешь) <видишь, что нужно> знаешь, [что] сочетание может быть так[ое], какого не напишешь во всю эту стену, и что всех сообразить нельзя, а нужен талант, инстинкт шахматный одного человека. Ну так ежели нужен талант в шахматах, где условия так определены, так тем более нужен этот – еще больший талант и дар – в военном деле.– Да, ты говоришь «тем более». А я говорю, совсем не нужно именно оттого, что сочетаний, которые могут выйти из военного, не только бильоны, но им нет числа, это – бесконечность, и обнять это дело умом совсем нельзя....– Да отчего же?<Совершенно оттого же, отчего ты не можешь>– Оттого, что надо хорошенько понять условия войны. Не забудь: в шахматах ты знаешь свою силу и силу противника – раз. Здесь ты этого не знаешь, так что ты можешь ошибиться, как один к 10.– Противника, но свою, как же не знать?...– Да, ежели ты говоришь, что у Кутузова есть список, что у меня в батальоне 360 человек (365, поправил адъютант), то ты прав, но когда он захочет употребить этот батальон, то он никак не может определить силу напора или отпора этого батальона. В начале дела пролетит ядро, хорошенко срежет три – 4 головы, мы не удержим батальона и побежим, а пролетит над нами 3–4 ядра, да Петр Захарович перед фронтом колесо сделает, мы целый полк прорвем.– Это так точно, ваше сиятельство, – радостно подхватил Тимохин, давно желавший согласиться с «нашим князем», но не в силах понимать того, что говорилось прежде.– Как в Туретчине... Князь Андрей перебил его.– Ну так видишь ли, во-первых, ты не знаешь, сколько у противника и сколько у тебя (эти люди равны 100 иногда). Но всё это зависит от самых непредвиденных обстоятельств, понапер, чуть накатил колесо, и ядро полетит, убьет Наполеона, а откатил, оно пролетит мимо. – Теперь другое. Шахматы не имеют своей воли, а здесь у каждого своя, потом 3-е: в шахматах пустого места ровно вдвое против занятого, а здесь мы столпились на клочке, который составляет 1/100000 всего пространства, которое может быть театром войны, а потом главное, как мне ответить на твои вопросы. Если вот я могу, закурив трубку, думать *Далее край листа с написанным текстом оборван. Текст восстановлен по копии, кончая словами:* мгновенно тем,] Ты говоришь: наша позиция, левый, правый фланг, всё это – вздор, ничего этого нет. А вот что нам предстоит завтра: 100 миллионов самых разнообразных случайностей, которые будут решаться мгновенно тем, что побежали мы, побегут они, убьют того, убьют другого, а то, что делается теперь, всё это – забава.<[Диспо]зиция и всё это забава, флюгерок, [который] вертится над машиной и воображает, [что он] вертит машину, а в сущности вертится только оттого, что вертится машина.> Дело в том, что не только они вертят машину, но они большей частью стараются мешать ходу дела, занимаясь только своими страстями. Однако и помешать они не могут, потому что дело слишком огромно. Для меня всё это теперь представляется чем: 100.000 русских и 100.000 французов сошлись драться. Факт в том, что эти 200 тысяч дерутся, [а] записывать счета и лгать после сражения они поручили Кутузову и Наполеону с компанией. Ты вот рассказывал, что на левом фланге Бенигсен напутал что-то с Тучковым и перевел его на другое место вперед <и не доложили об этом главнокомандующему>. Ты ищешь объяснения этому и думаешь, что ты недостаточно знаешь военное дело, чтобы понять всё глубококомысле этого поступка, а я тебе объясню: Бенигсен спит и видит быть главнокомандующим; ему надо подставить ногу Кутузову и показывать, что он знает дело, что он готов [?] даже жертвовать собой для успеха дела. Вот он переводит Тучкова вперед. А зачем? Этого понять нельзя. Совершенно [?] всё равно ему стоять сзади или впереди. Обойдет неприятель левый фланг, тем лучше, пускай он, имея слева Багратиона, наткнется на Тучкова, а не обойдет – он и Багратион будут атаковать, тем лучше, ежели он впереди, чтобы подать ему помощь. Всё покажет самое дело, а до тех пор ничего нельзя сказать и обдумать.<Ну, как,> диспозиция. Есть у нас войска, есть за нами войска, поставили на холм за спиною нас всех в линию, резервы очень близко сзади (это может быть хорошо, может быть очень дурно) и станем завтра стрелять друг в друга, бежать и пугать и, когда кончится всё, они там выдумают историю баталий о том и по образцу прежних, и напишут, и все поверят, и мы даже, которые были в баталии и ничего не видали из того, что написано, поверим, что всё это так точно было, поверим потому, что вся история была написана к нашей чести, как это было везде, где я только был, от Аустерлица до Бухареста [?].– Ну, так как же военная история? – сказал Piere.– Военная история, – разгорячаясь всё больше и больше, продолжал Андрей. – Ты пойми одно, <что> война есть <одно> самое гадкое и неразумное дело. Что такое война? Убийство, <грабеж, обман, измена [?]>. Что нужно для успеха войны? Грабеж (продовольствие войск), обманы (военная хитрость), поддержание духа (измена – шпионство). <Для того чтобы> Это – самое скверное дело, преданное позору в лице Каина. <Но ничего> И оно не изменилось, мы все – Каины, но дело в том, что Наполеон <победил> убил многих, и оттого он имеет власть. А как скоро он имеет власть, он имеет льстецов *Далее вписано позднее на полях:* (а до него ее имел Марат, Робеспьер, Пугачев), всех за редкими исключениями, и эти льстецы не могут иначе, как, подделав разум под совершившиеся факты, объяснять, что убийство есть величайшее достоинство. (Труднее было найти ему предком императора, но нашел же.) *Далее часть рукописи оборвана, недостает пяти строк.* Всё, что мы писали [?], говорили, печатали, думали о войне – всё есть ложь, ложь, ложь и ложь, подобной которой нет ни в каком деле, потому что нет дела более дурного. Piere обрадовался вдруг, поняв эту мысль, и, встав, начал ходить, дальше развивая ее. *На полях рукописи:* перевязочный пункт – P[ierre].

⁶³⁰ [законы.]

– Выдвинул вперед корпус Тучкова, я был там, я видел. А ты знаешь, зачем он выдвинул? А затем, что глупее этого уж ничего нельзя сделать.

– Ну, как же однако, – возражал Pierre, избегая взгляда своего бывшего друга, – все обсуживали этот вопрос. И в такую минуту, я думаю, нельзя быть легкомысленным.⁶³¹

Князь Андрей захохотал так же, как смеялся его отец (Pierre'a поразило это сходство).

– *В такую минуту*, – повторил он. – Для них, для тех, с которыми ты там объезжал позицию, эта минута только такая минута, в которую можно подкопаться под врага и получить крестик и звездочку лишнюю.

Расставлять и переставлять нечего, потому что всякая диспозиция не имеет смысла, а так как *ils sont payes pour cela*,⁶³² им надо притворяться, что они что-нибудь делают.

– Однако всегда успех и неуспех сражения объясняют неправильными распоряжениями, – сказал Pierre, оглядываясь на Тимохина за подтверждением и на лице его находя согласие с своим мнением, точно такое же, какое и находил в нем князь Андрей, когда случайно взглядывал на него.

– А я тебе говорю, что всё это вздор и что ежели бы что-нибудь зависело от распоряжений штабов, то я бы был там и делал бы распоряжения, а вместо того я имею честь служить здесь, в полку, вот с этими господами и считаю, что от нас действительно будет зависеть завтрашний день, а не от них....

Pierre молчал.

Офицеры, напившись чаю и не понимая того, что говорилось,⁶³³ ушли.

– Но трудно тебе дать понять всю пучину этой лжи, всю отдаленность понятия о войне до действительности.⁶³⁴ Я это понимаю, 1) потому что я испытал войну во всех видах, 2) потому что я не боюсь прослыть трусом – *j'ai fait mes preuves*.⁶³⁵ Ну, начать с того, что сраженья, чтобы войска дрались, никогда не бывает и завтра не будет.

– Это я не понимаю, – сказал Pierre. – Идут же одни на других и сражаются.

– Нет, идут, стреляют и *пугают* друг друга. Головин, адмирал, рассказывает, что в Японии всё искусство военное основано на том, что рисуют картины изображения ужасов и сами наряжаются в медведей на крепостных валах. Это глупо для нас, которые знаем, что это наряженные, но мы делаем то же самое. Говорится в III: «*Culbuta les dragons russes. Ils rejetta*» и т. д., *ils abordèrent à bayonettes*.⁶³⁶ Этого никогда не бывает и не может быть. Ни один полк никогда не рубил саблями и не колол штыками, а только делал вид, что хочет колоть, и враги пугались и бежали. Вся цель моя завтра не в том, чтобы колоть и бить, а только в том, что[бы] помешать моим солдатам разбежаться от страха, который будет у них и у меня. Моя цель только, чтобы они шли вместе и испугали бы французов и чтобы французы прежде нас испугались. Никогда не было и не бывает, чтобы два полка сошлись и дрались, и не может быть (про Шенграбен писали, что мы так сошлись с французами. Я был там. Это – неправда: французы побежали). Ежели бы сошлись, то кололись бы до тех пор, пока всех бы перебили или переранили, а этого никогда не бывает. В доказательство тебе скажу даже, что существует кавалерия только для того, чтобы пугать, потому что физически невозможно кавалеристу убить пехотинца с ружьем. А ежели бьют пехот[инца], то когда он испугался и бежит, да и тогда ничего не могут сделать, потому что ни один солдат не умеет рубить, да и самые лучшие рубаки самой лучшей саблей не убьют человека, который бы даже не оборонялся. Они только могут царапать. Штыками тоже

⁶³¹ *Зачеркнуто*: Пьер начал приводить примеры из военной истории Фридриха и Наполеона

⁶³² [им за это платят,]

⁶³³ *Зач. позднее вписанное на полях*: хотели уйти, но князь Андрей удержал их.

⁶³⁴ *Зач.*: рассказать

⁶³⁵ [я это доказал.]

⁶³⁶ [Опрокинул русских драгун. Они отбросили... сошлись в штыки.]

бьют только лежачих. Поди завтра на перевязочный пункт и посмотри. На 1000 ран пульных и ядерных ты найдешь одну à l'arme blanche.⁶³⁷ Всё дело в том, чтобы испугаться после неприятеля, а неприятеля испугать прежде. И вся цель, чтобы⁶³⁸ разбежалось как можно меньше, потому что все боятся. Я не боялся, когда шел со знаменем под Аустерлицем,⁶³⁹ но это можно сделать в продолжение 1/2 часа из 24-х. А когда я стоял под огнем в Смоленске, то я едва удерживался, чтобы не бросить батальон и не убежать. Так и все. Стало быть, всё, что говорится о храбрости и мужестве войск – всё вздор.⁶⁴⁰ Теперь второе: распоряжений никаких главнокомандующий в сражении никогда не делает, и это невозможно, потому что всё решается мгновенно. Расчетов никаких не может быть, потому что, как я тебе говорил, я не могу отвечать, чтобы мой батальон завтра не побежал с 3-го выстрела и тоже чтобы не заставил побежать от себя целую дивизию. Распоряжений нет, но есть некоторая ловкость главнокомандующего: солгать вовремя, накормить, напоить во-время и опять, главное, не испугаться, а испугать противника и, главное, не пренебрегать никакими средствами, ни обманом, ни изменой, ни убийством пленных. Нужны не достоинства, а отсутствие честных свойств и ума. Нужно, как Фридрих, напасть на беззащитную Померанию, Саксонию. Нужно убить пленных и предоставить льстецам, которые во всем совершившемся и давшем власть найдут великое, как нашли предков Наполеону. Ведь ты заметь, кто полководцы у Наполеона, и нас уверяют, что это всё – гении: зять, пасынок, брат, как будто могло это так случайно совпасть: родство с талантом военным. Не родство совпало, а для того, чтобы быть полководцем, нужно быть ничтожеством, а ничтожных много. Ежели бы кинуть жребий, было бы то же.

– Да, но как же установились такие противоположные мнения? – спросил Pierre.⁶⁴¹

– Как установилось? Как установилась всякая ложь, которая со всех сторон окружает нас и которая, очевидно, должна быть тем сильнее, чем хуже то дело, которое служит ей предметом. А война есть самое гадкое дело и потому всё, что говорят о войне, – всё ложь и ложь.

Сколько сот раз я видал людей, которые в сражении бежали (это всегда бывает) или спрятавшись сидели, ждали позора и вдруг узнавали по реляции, что они были герои и *прорвали*, *опрокинули* или *сломили* врагов и потом твердо и от всей души верили, что это была правда. Другие бежали от страха, натыкались на неприятеля и неприятель бежал от них,⁶⁴² и потом уверялось, что они, влекомые мужеством, свойственным сынам России, бросились на врага и сломили его. А потом⁶⁴³ оба неприятеля служат благодарственные молебны за то, что побили много людей (которых число еще прибавляют) и провозглашают победу. Ах, душа моя, последнее время мне стало тяжело жить. Я вижу, что стал понимать слишком много. А не годится человеку вкушать древа познания добра и зла.

Они ходили теперь перед сараем, солнце уже зашло, и звезды выходили над березками, левая сторона не была закрыта длинными тучами, поднимался ветерок. Со всех сторон виднелись огни наши и вдалеке огни французов, казавшиеся в ночи особенно близкими.⁶⁴⁴

⁶³⁷ [холодным оружием.]

⁶³⁸ *Зачеркнуто*: все не

⁶³⁹ *Зач.*: мне даже весело было

⁶⁴⁰ *След. фраза печатается по наборной рукописи, сверенной с остатками попорченного автографа.*

⁶⁴¹ *Зачеркнуто позднее*: – Ну, как же ты не понимаешь? Одно из главных источников заблуждений людских это свойство подделывать разумные причины под совершившиеся факты. *Вместо зач. вписан текст след. абзаца.*

⁶⁴² *Зач. позднее*: В сражении – вот ты увидишь завтра – шум, дым, бегство, испуг на всех лицах, беготня, из которой никто, ничего не понимает; но, когда дело кончилось, тогда под него подделывается одна общая мысль, и так как мысль клонится к славе русского оружия, патриотизму, и п[отому] каждого солдата и офицера, за которым за каждым есть грешки трусости, никто не спорит и все верят и забросали бы меня камнями, ежели бы я им сказал то, что говорю тебе. От этого почти во всех сражениях *Вместо зач. вписано на полях, кончая словами*: А потом

⁶⁴³ *Вписано на полях позднее*: Я сам струсил под Шенграбеном, так что чуть не уехал, а в Турции вовсе спрятался за дерево.

⁶⁴⁴ *Далее, кончая словами*: услышали следующие фразы: *печатается по наборной рукописи, сверенной с остатками попорченного автографа.*

По дороге недалеко от сарая застучали копыта трех лошадей и послышались гортанные голоса двух немцев. Они близко ехали, и Pierre с Андреем невольно услышали следующие фразы:

– Der Krieg muss im Raum verlegt werden. Der Ansicht kann ich nicht genug Preis geben.⁶⁴⁵

– Warum nicht, sogar bis Kazan,⁶⁴⁶ – сказал другой.

– Der Zweck ist nur den Feind zu schwächen, so kann man gewiss nicht den Verlust der Privat-Personen in Achtung nehmen.

– Jawohl,⁶⁴⁷ – послышался басистый, в себе самоуверенный немецкий голос, и Clauseviz⁶⁴⁸ с другим немцем, важные люди при штабе, проехали.

– Да, im Raum verlegen,⁶⁴⁹ – повторил, смеясь, князь Андрей. – Im Raum-то⁶⁵⁰ у меня остался отец, и сын, и сестра в Лысых Горах. Ему это – всё равно.⁶⁵¹

– И всё – немцы, и в штабе всё немцы, – сказал Pierre.

– Это – море, в котором – редкие острова русские. Они всю Европу отдали ему и приехали нас учить, славные учителя.⁶⁵² Одно, что бы я⁶⁵³ сделал, ежели бы имел власть, это – не брать пленных.⁶⁵⁴

Что такое пленные? Это рыцарство. Они враги мои, они преступники все по моим понятиям. Надо их казнить. Ежели они – враги мои, то не могут быть друзьями, как бы Александр Павлович ни разговаривал в Тильзите.

Это одно изменило бы всю войну и сделало бы ее менее жестокой. А то мы играли в войну – вот что скверно – наряжались в страш[ое], как М. и М., великодушничали и т. п. И всё это великодушие оттого, что мы не хотим видеть, как для нас бьют теленка, а кушаем его под соусом. Нам толкуют о правах, рыцарстве, о парламентарстве, щадить несчастных и т. д. Всё вздор. Я видел в 1805 г. рыцарство, парламент[ерство]. Нас надули, мы надули. Грабят чужие дома, пускают⁶⁵⁵ фальшивые ассигнации, да хуже всего – убивают моих детей, моего

⁶⁴⁵ – Война должна быть перенесена в пространство. Это воззрение я не могу достаточно восхвалить.

⁶⁴⁶ [– Почему же нет, даже до Казани.]

⁶⁴⁷ Так как цель состоит только в том, чтоб ослабить неприятеля, то нельзя принимать во внимание потери частных лиц.
[– О, да.]

⁶⁴⁸ [Клаузевиц]

⁶⁴⁹ перенести в пространство,

⁶⁵⁰ В пространстве-то

⁶⁵¹ *Зачеркнуто позднее:* Да, это ужасно, сколько их в штабе и *вписаны след. восемь слов.*

⁶⁵² *Зач. позднее:* Ах, у нас был человек – Суворов, которого мы еще не скоро пойдем. У него были две мысли: простота – постное масло, отсутствие всякого штаба. Это первое. Когда эти подлецы и трутни пьют шампанское, а мы без сапог, мы не верим друг другу, и другое это атака, и всегда атака вперед. Он понимал, что всё дело в том, чтоб пугать и не давать разбежаться и для этого всегда заставлял бежать вперед.

⁶⁵³ *Зач. позднее:* прибавил и *написаны след. пять слов.*

⁶⁵⁴ *Далее зач. написанное позднее на отдельном листе, верхний угол которого попорчен. Отсутствующие слова заменены многоточиями...* На войне не всё лганье, оттого что это – самое гадкое дело... кавалерия – лганье, саблей нельзя рубить, рукопашная – штык... позиции-диспозиции и 100 positions – всё вздор. Дерутся, один другого победит, кто сильнее или упрямее. Упрямее – это главное... вместе, то вопрос в том, как справа этот не убил этого... бы добывать в середине. Но этот в середине прибьет и пойдет... а слева... видишь, ежели 4 человека вместе, то сколько перемен... расчесть нельзя. Надо, чтоб они хотели драться, и самому тут быть... главное потому, что один может побить двух и не побить и все 3 могут убить[?]... Всё это зависит от того, чего расчесть нельзя: ноги мокры. Потом главное лганье в том, что говорят: все стремятся сражаться – неправда, все стремятся за дерево. Главная цель моя завтра не то, чтоб французы сбежали, а чтобы вот эти не убежали. Но ты спросишь, что же надо на войне делать? Много. Во-первых, всю ложь отбросить. Наград никому не давать, кроме фронтовых. Диспозиций никаких не было. Кавалерию всю уничтожить и японскими средствами не пренебрегать. Стариков, как Кутузов, не допускать, и детей тоже. Теоретиков всех прогнать, войска равнять не по росту, а по мужеству. Потому лганье – honneur, patriotisme [честь, патриотизм] после [?]. Потом, главное – я думаю пленных не брать. *Вместо зачеркнутого написано на том же листе, кончая вновь зач. словами:* и забыли правду, а помнят ложь (стр. 116 сноска 1).

⁶⁵⁵ *Зачеркнуто:* фальшивки [?] *Следующие слова, написанные на полях, с трудом поддаются прочтению из-за попорченного состояния рукописи. Несохранившиеся слова заменены многоточием.* Будут тактик, историк искать стратегии в Суворове – никакой. Это все хитрости Бенигсена или Ермолова... Аустерлиц мы проиграли оттого, что ехал, я видел, с духом[?], а тут... правду т[рудно?]... еще труднее...

отца и говорят о правилах и разумности. Одна разумность в том, чтобы понять, что в этом деле одна скотскость моя призвана. На ней и строить всё. Не брать пленных, кто готов на это, как я готов теперь, тот военный, а иначе – сиди дома и ходи к А[нне] П[авловне] в гостиную разговаривать.⁶⁵⁶

Князь Андрей остановился перед Риег'ом и остановил на нем странно блестящие, восторженные глаза, смотревшие куда-то далеко.

– Да, теперь война – это другое дело. Теперь, когда дело дошло до Москвы, до детей, до отца, мы все – от меня и до Тимохина, мы готовы. Нас не нужно посылать. Мы готовы резать. Мы оскорблены, – и он остановился, потому что губа его задрожала.

– Ежели бы так было всегда: шли бы на верную смерть, не было бы войны за то, что П. И. обидел М. И., как теперь. А ежели война, как теперь, так война, и тогда интенсивность войск была бы не та, как теперь. Мы бы шли на смерть, и им бы невкусно это было – вестфальцам и гессенцам и т. д. А в Австрии мы бы и вовсе драться не стали. Всё в этом – откинуть ложь, и война, так война, а не игрушка. Меня не Александр Павлович посылает, а я сам иду.⁶⁵⁷

– Однако, ты спишь, – сказал князь Андрей.⁶⁵⁸

– О, нет! – отвечал Риеге, испуганно соболезнующими глазами глядя на князя Андрея.

– Ложись, ложись, перед сражением нужно выспаться, – повторил князь Андрей.

– А вы?

– И я лягу.

И действительно, князь Андрей лег, но не мог спать, и, как только он услышал звуки храпения Риег'а, он встал и до рассвета продолжал ходить перед сараем. В 6-м часу он разбудил Риег'а. Полк князя Андрея, находившийся в резерве, выстраивался. Впереди слышно и видно было усиленное движение, но канонада еще не начиналась. Риеге, желавший видеть всё сражение, простившись с князем Андреем, поехал вперед по направлению к Бородину, где он надеялся встретить Бенигсена, предложившего ему накануне причислить его к своей свите.

В 6 часов было светло. Утро было серое. «Может быть, и вовсе не начнут, может быть, этого не будет», думал Риеге,⁶⁵⁹ подвигаясь по дороге.

Впереди⁶⁶⁰ показался дымок, и густой, звучный, одинокий выстрел⁶⁶¹ пронесся и замер среди общей тишины. Прошло несколько минут.⁶⁶² Войска, стоявшие тут,⁶⁶³ так же, как и Риеге,

⁶⁵⁶ *Зач.*: Я так велел своим и сам на то иду. Я-то не убью, я не сумею и не осилю. *Поперек текста написано*: Суворов [ел?] капушту с [пост]ным маслом и вперед! *Далее, согласно знаку переноса*: ☉, *вписано на полях, кончая словами*: и губа его задрожала.

⁶⁵⁷ *Зачеркнуто позднее*: Риеге говорит: – Но как же обществ[енное], государств[енное] устройство. Дипломат[ические] снош[ения]. <Князь Андрей> А не знаю. А то, что я говорю, я знаю, что это так. Прежде разговор об успехе Бориса. Толя, Кутайсова он не любит – об нем одном будут. Штабные? Да это всё – подлецы, шакалы или льстецы, или трутни. На совет можно нас позвать, а адъютантам можно кронд. написать. На левом фланге – это нарочно сделал Бенигсен. Андрей при свидании с Наташей понял, что она не виновата. Князь Андрей говорит Риег'у: я знаю, что меня убьют, и одного мне хочется – это убить этого быка Анатоля. Откупщики, все родные, гении. И у Бонапарта: п[ринц] Е[вгений] Б[огарне] – Jerome. Всё лганье на войне. Оттого ничего не помнишь. Я видел, как под Шенграбенем, как в Турции – подделали всё после под рассказы и реляции и забыли правду, а помнят ложь.

⁶⁵⁸ *Зач.*: В 1-м часу <пропели> <[1 неразобр.] из телеги> Князь Андрей и друзья эшли в сарай и заснули. В 4 часа часовой разбудил князя Андрея: велено было становиться в ружье. Риеге, разбуженный князем Андреем, пожал <руку князя Андрея> его руку и поехал в Бородино, где он <при Раевском> намеревался находиться во время сражения. *Далее вписано на полях позднее, кончая*: своей свите. *На полях*: Риеге пошел в сарай и заснул. Князь Андрей раздраженный ходил всю ночь.

⁶⁵⁹ *Зачеркнуто позднее*: подъезжая к флешам Багратиона. (Андрей ему советовал быть там, ежели он хотел видеть ход сражения.) Но вдруг справа... и не из Бородина... *Вместо зач. вписаны след. три слова.*

⁶⁶⁰ *Слово*: Впереди *вписано позднее.*

⁶⁶¹ *След. шесть слов вписаны позднее.*

⁶⁶² *Зач. позднее*: Видно было, как двигались французские войска и раздался 2-ой, 3-ий выстрел и всё слилось в дым, звуки, движение войск, страх и поспешность. *Вместо зач. надписано в тексте и на полях, кончая словами*: невидимую колесницу.

⁶⁶³ *Зач.*: у Бородина

вглядывались в этот дымок и вслушивались в этот звук.⁶⁶⁴ 2-ой, 3-ий выстрел в двигавшиеся французские войска заколебали воздух. 4-й, 5-й раздалась близко и торжественно где-то справа, и как будто от этого выстрела проскакал кто-то мимо Pierr'a и тоже от этого выстрела задвигались⁶⁶⁵ солдаты, заслоняя⁶⁶⁶ батарею. Еще не отзвучали эти выстрелы, как раздалась еще другие, еще, еще и еще, сливаясь и перебивая один другой. Уже нельзя было ни считать, ни слышать их отдельно. Уже слышались не выстрелы, а с грохотом и громом катились со всех сторон громадные колесницы, вместо пыли распространяя голубоватый дым вокруг себя. Только изредка вырывались более резкие звуки из-за равномерного гула, как будто встряхивало что-то эту невидимую колесницу.

Pierre редко видел утро. Он вставал поздно, и впечатление холода и утра соединилось в его впечатлении с ожиданием чего-то страшного. Он ехал и чувствовал, что как будто он не проснулся еще, что будто он всё еще с князем Андреем лежит на его турецком ковре и говорит, и слушает его говорящим, и видит эти страшно блестящие, восторженные глаза и безнадежные, сдержанно разумные речи. Он ничего не помнил из того, что говорил с князем Андреем, он только помнил его глаза, лучистые, блестящие, далеко смотрящие куда-то, и одно только вводное предложение из всех его речей живо осталось в памяти Pierr'a:

«Война теперь – это другое дело, – сказал он, – теперь, когда дело дошло до Москвы, нас не нужно посылать, а все от Тимохина до меня, в хорошие или дурные минуты, готовы резать.⁶⁶⁷ Мы оскорблены». И губа князя Андрея дрогнула при этом,⁶⁶⁸ и Pierre ехал, пожимаясь от свежести и вспоминая эти слова.

Он проехал уж Бородино и остановился у батареи, где он был вчера. Пехотные солдаты, которых не было вчера, стояли тут, и два офицера смотрели вперед и влево. Pierre посмотрел тоже по направлению их взгляда.

– Вот оно, – сказал один офицер.

Лошадь Pierr'a стала горячиться, настораживать уши и торопиться, с Pierr'ом сделалось то же самое. Гул орудий, торопливые движения лошади, теснота полка, в который он заехал, и, главное, все эти лица, строгие, задумчивые – всё слилось для него в одно общее впечатление поспешности и страха. Он спрашивал у всех, где Бенигсен, но никто не отвечал ему, все были заняты своим делом, которого не видно было, но присутствие которого видел Pierre.

– И что ездит тут в белой шляпе, – услышал он голос позади себя.

– Поезжайте, куда вам надо, а здесь не толкайтесь, – сказал ему кто-то.

– Где генерал Бенигсен? – спрашивал Pierre.

– А кто ж его знает.

Pierre, выехав из полка, поскакал налево к тому месту, где была самая сильная канонада. Но только что он выехал из одного полка, как попал в другой и опять кто-то крикнул ему:

– Чего едешь перед линией?

И опять везде он видел те же озабоченные, занятые лица каким-то невидимым, но важным делом.

⁶⁶⁴ *Зач.*: Pierre проскакал селение и с горы увидал

⁶⁶⁵ *Зач.*: и мерно и

⁶⁶⁶ *Зач.*: с правой стороны какие-то пехотные

⁶⁶⁷ *Зач.*: и стрелять.

⁶⁶⁸ *Зачеркнуто позднее*: Из всего вечера памятно было Pierr'у это, и он, едзя по сражению, вспоминал только одно это слово и эту дрожащую губу. Pierre направлялся к флешам. Он обгонял стоявшие полки, шедшие полки и во всех глазах, встречавшихся с его глазами, он видел одно и то же выражение: сначала удивления – зачем этот толстый в белой шляпе с вывернутыми носками трясется тут, потом удовольствия при виде такого мирного домашнего явления и потом досады – зачем, мол, этот суется тут, когда дело не до шуток, – с которым отворачивались от Pierr'a. Один раз даже Pierre заехал в двигавшиеся батальоны, и офицер сердито крикнул: «Чего едешь!» на галопировавшего Pierr'a. Все были заняты, казалось, очень заняты делами, кто строгал, кто чистил, кто распоряжался. *Вместо зачеркнутого вписан на полях дальнейший текст, кончая словами:* но важным делом.

Один Pierre был без дела и⁶⁶⁹ без места.

Дым и гул выстрелов всё усиливался.⁶⁷⁰ Летали ли над ним ядра, Pierre не замечал, он не знал этого звука и был так встревожен, что не был в силах отдавать себе отчет о причинах разнообразных звуков. Он торопился скорее и скорее поспеть⁶⁷¹ куда-то и найти себе дело.

Раненых и убитых он не видал (по крайней мере он думал так, хотя он проехал уж мимо сотни таковых).⁶⁷² Дело началось канонадой против флеш Багратиона и потом атакой на них. К ним-то и ехал Pierre, с страхом чувствуя, что беспокойство⁶⁷³ и бесцельная поспешность всё больше и больше овладевают им.⁶⁷⁴

Всё у него перед глазами слилось в туман дыма и пальбы, из которых он редко натыкался на оазисы человеческих лиц, и все эти лица носили один и тот же отпечаток⁶⁷⁵ озабоченности и недовольства, и упреки в том, что заехал сюда без дела этот толстый человек в белой шляпе. Pierre ехал от Бородина по полю к флешам, полагая, что там только будет сражение. Но в то время, как он был уже в 200 шагах от флешей и в дыму видел прогалопировавшего вперед генерала со свитой (это был Багратион) и видел надвигавшиеся массы синих солдат с штыками, он вдруг услышал, что сзади его в Бородине, откуда он выехал, тоже началась стрельба и канонада.⁶⁷⁶

Он поскакал к тому месту, где видел генерала со свитой, но генерала уже не было, и опять сердитый голос закричал на него:

– И чего вертится тут под пулями!

Тут только Pierre услышал звуки пуль, свистевших уже вокруг него. Pierre остановился, отыскивая места, куда бежать, и, потерявшись, не узнавая, где были свои, где неприятель, поскакал вперед. Но пули, которых он прежде не замечал, свистали со всех сторон, и на него нашел ужас.

Pierre был так⁶⁷⁷ уверен, что каждая попадет в него, что⁶⁷⁸ он остановился, пригнулся к седлу, мигал, почти не открывая глаз.⁶⁷⁹

Но вдруг на него наскочили наши кавалеристы, бывшие впереди, и его лошадь, повернув назад, поскакала с ними. Он не помнил, долго ли он скакал, но когда он остановился, он заметил, что страшных звуков пуль уже не было вокруг него, и что он весь дрожит, и что зубы его щелкают⁶⁸⁰ друг об друга.⁶⁸¹

⁶⁶⁹ *Зач. позднее:* это было тяжело ему и *вписаны след. два слова.*

⁶⁷⁰ *Зач.:* Наконец

⁶⁷¹ *Зач.:* к Багратиону, думая найти там спасенье от овладевшего им беспокойства и сбивчивости впечатлений, овладевших им. *Вместо зач. вписан конец фразы.*

⁶⁷² *Зачеркнуто:* Но он видел что-то неловко, не то, и всякий раз считал нужным смотреть в другую сторону. Однако как дале *Вместо зач. вписан дальнейший текст, кончая:* овладевают им.

⁶⁷³ *Зач.:* торопливость

⁶⁷⁴ *На полях:* Pierre удивляет всех своей храбростью. «Куда же вы едете?» – говорит ему адъютант. А он едет под страшным огнем наперерез. В нем – кровь отца.

⁶⁷⁵ *Зач. позднее:* страха. Несколько раз он натыкался на войска и думал: «уж не неприятель ли это?» и потом стыдил себя, так что, когда он, торопясь всё поскорее, действительно наскочивал на неприятеля, он думал, что это свои, и вскакал бы в ряды их, ежели бы кто-то не закричал ему: – «Куды?» Какой-то пехотный офицер с подвязанной щекой указал ему назад, недалеко, Багратиона, и Pierre поскакал туда. Он испытал утешение путника, после дождя попавшего под крышу, когда почувствовал себя в кругу знакомых лиц, но успокоение это продолжалось одну минуту. Багратион тронул вперед. Кажется, под горкой были очень близко французы, но Pierre не решился спросить. Он боялся, что этого не надо делать. И вдруг все заговорили и пули засвистели со всех сторон и *Вместо зач. вписан на полях дальнейший текст, кончая:* на него нашел ужас.

⁶⁷⁶ *Зач.:* «Ну, теперь – кончено, – подумал Pierre, – и назад то же самое. И мне некуда уехать». Несколько

⁶⁷⁷ *Слово:* так *вписано позднее.*

⁶⁷⁸ *След. пять слов вписаны позднее.*

⁶⁷⁹ *Зачеркнуто:* Потом все поскакали назад, и Pierre боялся только не отстать. Только что остановились, как Багратион обратился, кого бы послать, и Pierre предложил себя. И Багратион велел ему ехать в Горки к Кутузову. Pierre поскакал и, как только выскакал из-под ядер, заметил *Вместо зач. вписан дальнейший текст кончая:* пуль уже не было вокруг него,

⁶⁸⁰ *След. три слова вписаны позднее.*

Вокруг него слезали с лошадей уланы.⁶⁸²

Много их было, раненых, в крови. Один в двух шагах от Риегг'а упал с лошади, и лошадь, фыркнув, отбежала от него. Лица всех этих людей были страшные. Пуль не слышно было, но над головами еще летали ядра. Риегге содрогался от звука каждого ядра: каждое ему казалось направленным в его голову.⁶⁸³ Он подъехал к упавшему с лошади и увидел, что у него оторвана рука выше локтя, что на вздрагивающих жилах в крови висит что-то,⁶⁸⁴ и услышал, что улан плачет и просит водки.

– Некогда разбирать,⁶⁸⁵ веди на перевязочный, – слышался сзади строгий и сердитый командирский голос.

– Батюшки! кормильцы, – плакал улан. – Смерть моя. Не дайте умереть.

– Полковник, – сказал Риегге распоряжавшемуся офицеру, – прикажите помочь этому.

– Этот готов. Мне этих свезти на перевязочный пункт и то не знаю где.⁶⁸⁶

– Не могу ли я вам быть полезен? – сказал Риегге.

Полковник попросил его съездить отыскать перевязочный пункт, который должен был быть вправо у роши. Риегге поехал туда и,⁶⁸⁷ не переставал с замиранием сердца слушать продолжающуюся пальбу, долго отыскивал перевязочный пункт, и хотя после многих встреч и противоречивых известий о ходе сражения и нашел его, но не нашел уже того места, где были уланы. Отыскивая их, Риегге ехал по тому короткому пространству, которое отделяло в Бородинском сражении первую линию от резервов. Вдруг сзади стрельба и канонада усилились до отчаянности, как человек, который, надрываясь, кричит из последних сил. Толпа солдат, раненых и здоровых, нахлынула на Риегг'а, проскакали офицеры и войска, бывшие впереди его – резервы тронулись вперед.

Навстречу ему рысью ехали пушки и ящики, облепленные солдатами, другие солдаты цеплялись, соскакивали и бежали кругом, впереди скакал офицер. Это был <князь Андрей>...

Князь Андрей узнал Риегг'а.

– Ступай, ступай, тебе здесь не место. Не отставать! – пронзительно крикнул он на своих солдат, лепившихся и бежавших вокруг орудий.⁶⁸⁸

–

---

⁶⁸¹ *Зач. позднее:* Он прискакал в Горки. Там Кутузов сидел на лавке и смотрел в трубу. Риегге не хотел в том виде, в котором он был, показаться главнокомандующему, и передал порученное Толю. В сарае офицеры закусывали и дали Риегг'у кусок курицы, который он съел с хлебом и сделался очень весел. Но бу-тум бу-бу-бум – все смешались звуки, и Риегг'у стало совестно, и он поскакал назад туда, где бы могли убить его. Теперь уж он не мог не видеть раненых и убитых, не мог достаточно быстро отворачиваться от них. Отворачиваясь от одного, он попадал на другого. «Надо, надо ехать», думал Риегге, вспоминая, как задрожала губа князя Андрея. По дороге встретился ему адъютант Мюрата, взятый в плен. «Ура, ура», – закричали солдаты полка, шедшего мимо Риегг'а. Он остановился, чтобы пропустить их, и увидел князя Андрея, который бледный, с блестящими глазами, ехал сбоку. В это время налетела кавалерия, разбитая, бежавшая назад. Много смеялись они, захватив с собой Риегг'а в белой шляпе; один ударил его лошадь по крупу, и он поскакал с ними назад, оглядываясь на князя Андрея. Андрей улыбнулся на минуту, и опять рот его тонко твердо сложился, и он всё смотрел вперед, далеко вперед, своими блестящими из бледно-желтого лица лучистыми глазами. *Вместо зач. вписан на полях и на отдельном листе дальнейший текст, кончая словами:* бежавших вокруг орудий (стр. 121).

⁶⁸² *Зач.:* и одного раненого положили на землю. «Нет, я не могу этого выносить», подумал Риегге и тихим шагом, но оглядываясь, поехал назад к Татариновой вслед за фурами, которые, полные раненых, ехали впереди. Сзади еще громче, еще сплошнее и шире расплывались страшные звуки стрельбы и изредка даже и тут, над головой Риегг'а, пролетали ядра, и он содрогался от их звука, каждое казалось ему направленным в его голову. Он слез с лошади и, опустив голову, пошел по дороге, по которой всё <больше> прибывали и прибывали раненые.– Взята, наши взяли. Как же? Царя в плен взяли. Беда, всё побил, слышались голоса. Он шел

⁶⁸³ *Зачеркнуто:* Некогда разбирать

⁶⁸⁴ *Зач.:* но что лицо улана было

⁶⁸⁵ *Зач.:* вали, поднимай на ложе.

⁶⁸⁶ *Зач.:* – Я <съезжу> поезду узнаю сейчас. Я видел у роши лазарет.

⁶⁸⁷ *Зач.:* хотя и нашел фуры лазаретные, *Вместо зач. надписан дальнейший текст, кончая:* и нашел его,

⁶⁸⁸ *На полях:* Князь Андрей трусил и разозлился на себя.

Князь Андрей был в резервах, которые⁶⁸⁹ били без движения ядрами до 3-го часа и которые тронулись к батарее Раевского в 3-м часу! Князь Андрей устал от волнения опасности и бездействии, и теперь он задыхался от волнения и радости, подвигаясь вперед.⁶⁹⁰

Да, только сколь ни глупое дело было война, он чувствовал себя ожившим, счастливым, гордым и довольным теперь, когда чаще и чаще слышались свисты пуль и ядер, когда он, оглядывая своих солдат, видел их веселые глаза, устремленные на него,⁶⁹¹ слышал удары снарядов, вырывавших его людей, и чувствовал, что⁶⁹² эти звуки, эти крики только больше выпрямляют ему спину и выше поднимают голову и придают непонятную радость его движению.⁶⁹³

«Ну, еще, – думал князь Андрей, – еще, еще», и в эту же минуту почувствовал удар⁶⁹⁴ выше соска. «Это – ничего, ну его», сказал он сам себе в первую секунду удара. Еще бодрее он стал духом, но вдруг силы его ослабели и он упал.

«Это – настоящая. Это – конец», в ту же минуту сказал он себе. «А жалко. Что теперь.⁶⁹⁵ Еще что-то, еще что-то было хорошего.⁶⁹⁶ Досадно», подумал он. Солдаты подхватили его.⁶⁹⁷

– Бросьте, ребята. Не выходи из рядов, – сказал еще князь Андрей, сам не зная зачем он говорил это, но в ту же минуту дрожа, чтобы они исполнили его приказание.

Они не послушались и понесли его.

«Да, что-то нужно было еще».⁶⁹⁸

Солдаты принесли его к лесу, где стояли фуры и где был перевязочный пункт.

Перевязочный пункт состоял из трех раскинутых с завороченными полами палаток на краю березника. В березнике стояли фуры и лошади. И лошади в храпугах ели овес, и воробы слетались к ним и подбирали просыпанное точно так же, как будто ничего не было особенного в том, что происходило вокруг палаток. Вокруг палаток больше, чем на две десятины места, лежали окровавленные тела живых и мертвых; вокруг лежащих с унылыми и испуганными лицами стояли толпы солдат-носильщиков, которым нельзя было отходить от этого места. Они стояли, кури[ли] трубки, опираясь на носилки. Несколько начальников распоряжалось порядками, 8 фельдшеров и 4 доктора перевязывали и резали в 2-х палатках. Раненые ожидали по часу и более своей очереди, хрипели, стонали, плакали, кричали, ругались, просили водки и бредили. Сюда же принесли князя Андрея и как п[олкового] к[омандира], шагая через перевязанных раненых, пронесли его ближе к палатке и положили у ее края.

Он был бледен, съежился весь и, стиснув тонкие губы, молчал, блестящими, открытыми глазами оглядываясь вокруг. Он сам не знал отчего, оттого ли, что сражение было проиграно, оттого ли, что⁶⁹⁹ он желал жить, и оттого ли, что так много было страдающих, но ему хотелось плакать, и не слезами отчаяния, а добрыми, нежными слезами. Что-то жалкое и детски-невин-

⁶⁸⁹ *Зач.*: тронулись

⁶⁹⁰ *Зачеркнуто вписанное на полях*: Несколько рот его полка посадили на орудия и повезли. С веселым говором вскочили солдаты с разгоревшимися лицами. *И далее зач. в тексте*: «Да, только в рядах есть наслаждение войны», чувствовал он. Он оглядывал ряды, ротных командиров и не мог себе представить, как бы они испугались. Чем дальше шли, тем чаще вырывало людей из батальона. «Ну, еще, еще, – говорил себе князь Андрей, – чем больше, тем лучше». Впереди виднелся редут и на редуте каша, с редута бежит к нему. Больше ничего не видит князь Андрей. *Вместо зач. вписан на полях след. абзац.*

⁶⁹¹ *Зач.*: и чувствовал

⁶⁹² *Зач.*: возможно

⁶⁹³ *На полях зач.*: Удовольствие от удара. Это только немножко больно. Но вдруг силы ослабели и холод от мокрой крови.

⁶⁹⁴ *Зач. позднее*: <в живот> в грудь

⁶⁹⁵ *Зач.*: подумал он

⁶⁹⁶ *На полях*: (Победа, думает)

⁶⁹⁷ *Зач.*: рады уйти

⁶⁹⁸ *Зач. позднее*: «Да, этого человека... да, да, напрасно я не убил его». И опять он видел, как Анатолий целовал лицо и руки его невесты и видел эту невесту, презирающую его и любящую другого. *Вместо зач. вписан на полях дальнейший текст, кончая*: два раза оглянулся на него (стр. 123).

⁶⁹⁹ *Зачеркнуто*: он убит

ное было в его лице. И, вероятно, от этого его трогательного вида доктор, еще не окончив делаемую операцию,⁷⁰⁰ два раза оглянулся на него.

До князя Андрея не скоро дошло дело. Шесть человек докторов в фартуках,⁷⁰¹ все в крови и в поту, работали. Офицер какой-то отгонял солдат, приносивших раненых.⁷⁰²

«Разве не всё равно теперь? – думал князь Андрей. – А может быть...» и он смотрел на того, которого перед ним резали доктора. Это был татарин-солдат с коричневой голой спиной, из которой ему вырезали пулю. (Князь Андрей вспомнил то мясо, которое было в реке.) Татарин страшно кричал. Доктор отпустил ему руки и накинул на него шинель и⁷⁰³ подошел к князю Андрею. Они переглянулись друг с другом и что-то оба поняли. Князю Андрею стыдно и холодно было, когда, как с маленького, с него снимали панталоны.⁷⁰⁴ Его стали сондировать и вынимать пулю, и он⁷⁰⁵ почувствовал новое чувство холода и смерти, которое было сильнее, чем боль.⁷⁰⁶

* № 181 (рук. № 89. Т. III, ч. 2, гл. XXVIII).

Главный источник людских заблуждений состоит в отыскании и определении причин⁷⁰⁷ явлений жизни человеческой – тех органических, жизненных явлений, которые вытекают из совокупности бесчисленного количества необходимостей. Вольтер, кажется, сказал, что не было бы Варфоломеевской ночи, ежели бы у короля не было запора. Это столько же справедливо, как и то, что, ежели бы не было всех тех волнений, предшествующих Варфоломеевской ночи, то у короля желудок действовал бы исправнее. Столько же справедливо, как и то, что причина Варфоломеевской ночи был фанатизм средних веков, была интрига католиков и т. д. и т. д., о чем можно справиться во всех историях. Факт Варфоломеевской ночи есть одно из тех жизненных явлений, которое совершается неизбежно по предвечным законам, свойственным человечеству – убивать в среде своей лишнее число людей и подводить под это совпадающие с этим убийством свои страсти. Статистика преступлений показывает, что человек, думающий, что он убивает свою жену, потому что она изменила ему, исполняет только⁷⁰⁸ общий закон, по которому он должен пополнить число убийц в статистическом отчете. Самоубийца, лишаящий себя жизни по самым сложным философическим соображениям, исполняет только тот же закон. Это относится до личности человека. Но общество человеческое, всё человечество, кроме⁷⁰⁹ законов, управляющих их личностью, подлежат еще законам⁷¹⁰, управляющим обществами, группами человечества (группами, определяемыми не по государственному различию, так что Баден не составляет отдельной группы,⁷¹¹ но по управляемости ими одними началами) и всем человечеством.

В этих обществах есть такая же необходимость больших убийств – войны, как и необходимость убийств для отдельных лиц, и точно так же, как и для самоубийства и убийства,

⁷⁰⁰ *Зач.*: обратился к нему

⁷⁰¹ *Зач.*: хлопотали

⁷⁰² *Зач.*: Прямо

⁷⁰³ *Зач.*: взял

⁷⁰⁴ *Зач.*: Они что-то сделали с ним

⁷⁰⁵ *Зач.*: опять

⁷⁰⁶ *Зач.*: «Ну, что мучать, всё кончено. А может быть...» и он держался, чтобы не кричать.

⁷⁰⁷ *Зач.*: живых

⁷⁰⁸ *Зачеркнуто*: зоологический

⁷⁰⁹ *Зач.*: личных

⁷¹⁰ *Зач.*: обще[ственным]

⁷¹¹ *Зач.*: а Европа, Россия и Мал

частью ум и воображение человека подделывают причины, частью совпадают обстоятельства, принимаемые за причины, так и [в] обществах совершается то же.

Человек, как пчела и муравей, не могут быть рассматриваемы только как личности. Только общество людское есть целый организм, подчиненный таким же законам, как организм улья и муравейника. Для того, чтобы яснее понять это, посмотрите на мелкие общества людей, стоящих на низкой степени развития (там легче видеть от несложности условий), и дальше от нас, вследствие чего мы независимо можем смотреть на них, посмотрите на любое село. Каждый дом, двор, чулан, лавка, образ, чашка, ложка, одежда, еда, всё устроено точно так же у одного, как у другого. Весенний день вы видите из одного двора, из другого, точно так же, с теми же орудиями выезжают мужики сеять. Они не сговаривались, но думали об этом, но точно так же, как одна пчела, за ней другая из другого улья, как будто говоря: ребята, на работу, уже полетели, вылетели пчелы и возвратились с калошкой, точно так же выехали и вернулись мужики, или бабы пошли брать замашки, или мыться к празднику. Как после 19 февраля мы все, помещики, углубились в новые условия жизни, вникали, отыскивали, думали, что мы только разумным путем доходим до вступления в новые условия и что же: из Пензенской губернии встречались с Тульскими и, не перебивая один другого, говорили всё то же, одно и то же, как сыновья, нечаянно все подарившие по зонтику матушке. Все говорили, что на сходках надо быть требовательнее, а никак не великодушными, что⁷¹² лучше всего исполу, что батраки разорительны, что надо уменьшать запашки и т. д. и т. д. Всё это есть муравейная сторона, стадная сторона жизни. Для того, чтобы вполне понять возможность заблуждаться в непризнании этих общих стихийных законов, управляющих человечеством, необходимо понять⁷¹³ свойства человека.

1)⁷¹⁴ Закон подделывания воображения с быстротой, исключаящей понятие времени, под неизбежную необходимость, сложные умственные доводы, убеждающие нас в том, что то, что мы делаем, неизбежно делается по нашему произволу.

2)⁷¹⁵ Закон, лишаящий человека⁷¹⁶ в минуту совершения стихийного поступка видеть стихийность его и необходимость видеть его личную выгоду (праздники-посты)

и 3) закон совпадения жизненных явлений внешних с соответствующими ему душевно-нравственными или умственными проявлениями.

1) Для [того], чтобы понять способность подделывания причин под неизбежные⁷¹⁷ явления лучше и очевиднее и проследить эту способность там, где она выражается отдельно от логичной способности ума.

Вы спите и видите сон, что шли на охоту, и длинную историю, предшествующую охоте; наконец вылетает дичь, вы стреляете и просыпаетесь. Звук выстрела был действительный звук – звук хлопнувшего ветром ставня. В момент пробуждения – воображение подделало всю историю охоты. Сумасшедший ничему не удивляется: его сажают в карету и везут, он не знает, зачем и куда. Он не только не удивлен, но говорит, смотря по своему пункту помешательства, почему он ждал этого, и рассказывает целую историю, вследствие [которой] должны были за ним приехать.

Дети сидят, им целый день не позволяют бегать.⁷¹⁸ Они сидят и играют в тихую игру, представляя больную мать, доктора и мужа, и няню. Вдруг им позволено бегать. Слуга бежит

⁷¹² *Зачеркнуто*: надо давать

⁷¹³ *Зач.*: закон

⁷¹⁴ *Зач.*: Способность

⁷¹⁵ *Зач.*: Свойство

⁷¹⁶ *Зач.*: объяснять причину явлений только сообразно с своей выгодой и невыгодой.

⁷¹⁷ *Зач.*: факты

⁷¹⁸ *Поперек текста*: Время. 2) Закон личности – лисица, зайцы и 3) закон совпадения. Что-то совершилось для него по неизвестной мне причине, имея причину и для меня.

за лекарством 30 раз вокруг стола, муж тоже, больная тоже. Для того, чтобы удовлетворить потребности движения, воображение мгновенно подделало им предлог посылки за доктором. Ребенку хочется спать или есть. Он плачет и сердится и всегда о чем-нибудь плачет и о чем-нибудь сердится. Это примеры (и таких миллионы) того действия воображения, где ум слабый не успевает разумно выбрать и обставить подделку воображения. Но процесс тот же самый. Вы сельский хозяин, вы не в духе, вы идете туда и обращаете внимание на то, что может дать вам предлог сердца, и искренно убеждены, что не вы выбрали предлог хозяйства, а что хозяйство мучит вас, что, не будь хозяйства, вы были бы спокойны. Вам необходимо по законам стихийным все верить, вы увидели сон, и вы под него подделываете будущее и лжете, не признаваясь себе. Вертящиеся столы, которые вертели все в мире и спорили, и говорили, и писали о магнетизме только потому, что стихийный закон – желание проникнуть будущее.

– Да вот вы не верите в гомеопатию, а он воскрес после белладонны, да и без исключения всем помогаю, – говорит гомеопат, здоровый и ученый, обладающий логичной способностью человек. Вас тронул мороз по спине, вы содрогнулись, читая книгу – это впечатление у вас бывало, когда вас тронуло что-нибудь и вы тронуты книгой. Вы вспоминаете, вам нечего вспоминать, и вы вспоминаете, что вы вспоминали. Бисмарк убежден, что из сложных, хитрых и глубоких государственных соображений его возникла победоносно кончившаяся последняя война. Члены *Vaterland'a*⁷¹⁹ думают, что это сделал патриотизм. Англичане думают, что они перехитрили Наполеона, а всё, что они все думают, подделало им их воображение с помощью ума – подделало под потребность кровопускания европейскому обществу. Такую же потребность, как потребность желтых и черных муравьев истреблять [друг друга] и по известной вечно одной форме строить свой муравейник.

* № 182 (рук. № 89. Т. III, ч. 2, гл. XXVIII?).

Не спор материалистов и идеалистов занимает меня. Что мне за дело до их спора. Но этот самый спор во мне, в вас, во всяком человеке. Есть у меня свобода воли? Это старое, столь дорогое мне понятие, или нет его и всё, что и делаю, совершается по законам неизбежным. Он говорит, что нервы мои аффективированы так, что я не могу не сделать этого движения; но кроме того, что он запутался сам, когда дошел до объяснения понятия, из которого никто ничего понять не мог, он не ответил и никто не ответит на главный аргумент, простой и неоспоримый, как колумбово яйцо: я сижу и пишу, подле меня лежит гиря гимнастическая и собака. Могу я или не могу сейчас перестать писать? Попробовал – могу, а теперь могу я продолжать писать – могу. Стало быть, есть произвол. Но спрашиваю себя дальше, могу я поднять гирю и сделать так и так движение – могу. А могу я сейчас с высоты руки бросить гирю на собаку? Попробовал – нет, не могу. Оно можно в другие минуты; а теперь нет – 1000 соображений: глупо, жалко, можно сделать другой опыт. Нет, не могу.

А! так вот есть поступки, как маханье рукой во всех направлениях, как писание и воздержание от него, которые могу, и такие, которые не могу. Продолжу испытание. Могу пойти поцеловать спящего ребенка. Могу пойти в безик сыграть с тетушкой – могу. Могу пойти ударить лакея – или пойти поцеловать кухарку? – Нет, не могу, теперь не могу. Могу ли я не спать нынче ночью, мог ли я не согнать муху с глаза? – нет, не могу и не мог. Я просил других отвечать мне на такие же вопросы, и все отвечали то же. Есть вещи, которые можно сделать и не сделать (разумеется, в области физически возможного), есть вещи, которые нельзя сделать и нельзя не сделать. Это ясно. И ежели не только не запутается, как до сих пор в доказательствах, что нет ничего, кроме нервов, а что такое нервы, он не знает, но даже, если он мне, как

⁷¹⁹ [Отечества]

2 × 2 = 4 докажет это, то я не поверю, потому что я могу сейчас протянуть руку и потом не протягивать ее.⁷²⁰

№ 183 (рук. № 89. Тт. III—IV).⁷²¹

Соня (практ[ичная]) переглядывалась, несколько раз смотрела на часы, он всё сидел. Наконец, поймав раз этот взгляд, он засмеялся неестественно, встал и сказал:

– M-lle Natalie, j'ai à vous parler,⁷²² подите сюда.

Она вышла с ним в залу.

– Eh bien,⁷²³ – сказал он, и всё по-французски, – я знаю, что я вас больше не увижу, я знаю... теперь время... Не знаю зачем, я не думал, что я это скажу вам, но теперь время такое, что мы все на краю гроба, и меня стесняют наши приличия. Я вас люблю и люблю безумно, как никогда ни одну женщину. Вы мне дали счастье, которое только я испытывал. Знайте это, может быть вам это будет приятно знать, прощайте.

Не успела еще Наташа ответить ему, как он уже убежал. Наташа рассказала Соне, что ей сказал Pierre, и, странно, в этом доме, набитом ранеными, с неприятелем у заставы Москвы, с неизвестностью о двух братьях, в первый раз после долгого времени у них возвратился тот душевный разговор, которые бывали в старину. Соня говорила, что она это давно замечала и удивлялась, как он мог не сказать этого прежде, что теперь он, как сумасшедший.

Наташа не отвечала. Она поднялась.

– Где он теперь? – спросила она. – Дай бог ему счастья и помилуй его.

Она разумела Андрея. Соня поняла это, но, с своею способностью скрывать, она спокойно сказала:

– Ежели бы он был ранен или убит, мы бы знали.

– Знаешь, Соня, я всей душой, всей внутренностью никогда не любила его. <Кур[агина]>, того я совсем не любила – это было другое, но его я не любила, и в этом, в первом я виновата перед ним. Ежели бы я знала, что он счастлив, и я бы могла жить, а теперь нет... Мне всё черно, всё темно на свете. Прощай. Ты спать хочешь. Да?

–

На другой день⁷²⁴ Наполеон стоял⁷²⁵ на Поклонной горе и смотрел на Moscou, cette ville asiatique aux innombrables églises,⁷²⁶ и говорил: «La voila donc enfin cette fameuse ville.... Il était temps qu'on m'amene les boyards»,⁷²⁷ и он, слезши с лошади, смотрел на этот город,⁷²⁸ qui était à la veille⁷²⁹ d'être occupé par l'ennemi comme une fille qui a perdu son honneur,⁷³⁰ по его собственному выражению.

Этому узкому уму ничего не представилось, кроме города, добычи и его великого завоевательства – Alexandre de Macédoine⁷³¹ и т. д., и он с хищной и пошлой радостью смотрел на город и поверял на разостланном перед ним плане подробности этого города.

⁷²⁰ *Зачеркнуто*: Стало быть, есть произвол. Но кроме того, я не мог сейчас же после этого не протянуть руки к глазу, на котором зашекотала меня муха, и кроме того я не мог сейчас не бросить гирию на собаку.

⁷²¹ *Данный вариант представляет собою первую редакцию конца романа.*

⁷²² [Мадемуазель Натали, мне нужно с вами переговорить,]

⁷²³ [Так вот,]

⁷²⁴ *Зачеркнуто*: рано

⁷²⁵ *Зач.*: слезши с лошади

⁷²⁶ Москву, этот азиатский город с бесчисленными церквами,

⁷²⁷ [Так вот он, наконец, этот знаменитый город... Давно пора привестико мне бояр,]

⁷²⁸ *Зач.*: с той хищной радостью

⁷²⁹ *Зач.*: de perdre son honneur [потерять свою невинность]

⁷³⁰ [которому на другой день предстояло быть занятым неприятелем, стать подобным девушке, потерявшей невинность,]

⁷³¹ [Александра Македонского]

– Да, – говорит разбойник, готовящийся изнасилничать женщину, – мне говорили: красавица, так – и косы и груди, всё, как они говорили мне.

– Les boyards⁷³² не пришли, и с шумом и криком «Vive l'Empereur!»⁷³³ и звоном бросились войска через Драгомиловскую заставу.

В это время Риегге в мужицкой свитке, но в тонких сапогах, которые он забыл снять, шел по пустынному⁷³⁴ Девичьему Полю, ощупывая пистолет под полою и остановившимися близорукими глазами без очков глядя под свои ноги. Риегге сжег свои корабли и⁷³⁵ вышел из⁷³⁶ черты, занимаемой нашими войсками, и торопился скорее войти в черту французов. Он испытывал новое для него, счастливое чувство независимости, похожее на то, которое испытывает богатый человек, оставляя все прихоти роскоши и отправляясь с сумкой путешествовать в горы Швейцарии. «Чего мне нужно? Вот я один, и всё у меня есть, и солнце, и силы». Чувство это еще более усилилось случившимся с ним на Девичьем Поле событием у Алсуфьева дома. Он услышал крик и песни в доме и зашел в ворота. Пьяная солдатская голова выглянула из окна гостиной.

– Опоздал, брат..... не хочешь ли? А, черт, пришел, услышал.

Другой человек, видимо дворовый, высунулся.

– Что ругаешь? – и, поглядев на него, сошел вниз.

Он, шатаясь, подошел к Риегг'у и взял его за полу.

– Что, брат, дожили до времячка, вот они! – И он потряс в руках два мешка с чем-то. – Иди. Друх, люблю. – И он дергал его.

Риегге хотел итти прочь и оттолкнул его.

– Чего толкаешься? И, Петро, барин? Ей-богу, барин, – сапоги-то.

Еще три человека обступили Риегг'а.

– Барин кошку ошпарил. В мужика нарядился. Твой дом, что ль? – нагло глядя в глаза, спросил его один.

– Вон, бездельники, – крикнул Риегге, толкнув переднего.

Все отступились от него, и он пошел дальше, намереваясь⁷³⁷ тотчас же выстрелить в Наполеона. Но войска, которые он скоро встретил и от которых он спрятался в ворота дома, оттеснили его на левую сторону Девичьего Поля, тогда как Наполеон проехал Драгомиловским мостом.⁷³⁸

В это же время в Гостином дворе и на площади происходили неистовые крики солдат, растаскивающих товары, и офицеров, старающихся собрать их. Подальше, в улицах, ведущих к Владимирской заставе, толпились войска, повозки с кладью и ранеными.⁷³⁹ На Яузском мосту толпились повозки и не пропускали шедшую сзади артиллерию. Впереди повозок была одна, парой, с горой накладенных вещей, стульчик детский, перины торчали, наверху сидела баба, придерживая кастрюли, сзади между колес жались 4 борзые на ошейниках, рядом с ней, сцепившись колесом, была мужицкая телега с шифоньеркой, обвязанной рогожами, и на ней был денщик, сзади коляска, потом три купеческие фуры. Кирасир обгонял с одной стороны.

– Что, батюшка, идет, что ль, сзади-то? – спросила баба.

⁷³² [Бояре]

⁷³³ Да здравствует император!

⁷³⁴ Зачеркнуто: Арбату

⁷³⁵ Зач.: скорее

⁷³⁶ Зач.: меж

⁷³⁷ Зач.: спря[таться]

⁷³⁸ На полях: – Англичане идут на выручку нам, – сказала Риегг'у баба, но он услышал говор французов: – Pas plus [de] cosaques, a que diable. On dirait le champ de Mars. [И помину нет о казаках, черт возьми. Точно Марсово поле.]

⁷³⁹ На полях: Кутузов сидел на скамейке и он взволновался и испугался, когда сказали, что Мил[орадовича] преследуют. Удерживать неприятеля и остановить всю армию или итти дальше?

– Кык она моя Касатинка была, – вдруг закричал кирасир, желая запеть, и, палашом ударяя худую лошадь, качаясь, проскакал мимо.

– Держи его! – слышалось сзади, и два казака, смеясь, проскакали с⁷⁴⁰ шубой в руках.

– Тепло так, согреешься. С возу уташил. Что ж. Это хуже хранцуза. Да трогай, что ль.

Вдруг сзади, ломая, поперла толпа; палить будут. Пан[ика]. Кто под мост, кто за перилы. Это был Ермолов, который велел артиллерии сделать пример, что стреляют, чтоб очистить мост.

В другом месте Растопчин подскакал к Кутузову и много и сердито начал говорить ему.

– Мне некогда, граф, – отвечал Кутузов и отъехал далее и, став на дрожжах, облокотя стар[ую] голову на руку, молча пропуская войска.

За Москвой по Тамбовской дороге цугами тянулись в два-три ряда экипажи, тем гуще, чем ближе к Москве, и тем реже, чем дальше. Только отъехав верст за 10, люди едущие начинали опоминаться от страха, тесноты, крика, которые были в городе, начинали переговариваться между собой, осматривать, все ли и всё ли цело, и начинали дышать менее пыльным воздухом.

В числе этих счастливых был и обоз Ростовых. Они выбрались за город, но ехали все-таки шагом;⁷⁴¹ 6 подвод с ранеными отправились от них отдельно. С ними же ехали те повозки с ранеными, которые они отделили уже от своего личного поезда. Таких было 2, из которых в одной лежал князь Андрей с Тимохиным. Эта повозка ехала впереди. За ними охала большая карета, где сидели: графиня, Дуняша, доктор,⁷⁴² Наташа и Соня, сзади коляска графа, граф с камердинером, потом бричка с девушкой и людьми. Вдруг поезд остановился от передних повозок, и, высунувшись, Соня и Наташа из двух окошек увидели, что что-то возятся около передней брички с офицерами. Соня услышала слово: «кончается. Он умрет сейчас», которое сказал один из людей, и, дрожа от страха, чтоб Наташа не услышала того же, вернулась головой в карету и стала говорить что-то Наташе. Но Наташа тоже слышала это и с обычной быстротой отперла дверцу, откинула подножку, сбежала и побежала вперед. В передней повозке на ситцевой подушке лежал лицом кверху князь Андрей с закрытыми глазами и, как рыба, открывал и закрывал рот, лоя воздух. Доктор стоял уже на подножке и щупал пульс. – Наташа ухватилась за колесо повозки, почувствовала, как бьются одна о другую ее колени. Но она не упала.

– Что вам, графиня, тут делать? – сказал доктор сердито. – Извольте итти, ничего!⁷⁴³

Она пошла покорно.

– Скажите лучше графу, что нельзя ли ему уступить рессорный экипаж. – Наташа пошла к отцу, но граф Илья Андреевич уже шел навстречу, и передала ему то, что сказал доктор. Больного перенесли в коляску. А Наташа молча села в карету. Ни Соня, ни мать старались не смотреть на нее. Мать сказала только:

– Доктор говорил, что он будет жив.

Наташа посмотрела на нее и опять отвела глаза в окно.

На⁷⁴⁴ 1-ой станции был вперед посланный задержать постоянный двор для Ростовых. Они остановились в нем ночью. Одну комнату заняли они все вместе, другую, лучшую, отдали раненым офицерам. Было уже темно, когда сели обедать. Доктор пришел от раненых и объявил, что Болконскому лучше, что он может поправиться и доехать. Главное доехать.

– Он в памяти?

– Теперь совершенно.

⁷⁴⁰ *Зачеркнуто:* кастрю[лей], сед[лами]

⁷⁴¹ *Зач.*: 8

⁷⁴² *Зач.*: слуга, сзади

⁷⁴³ *Зачеркнуто:* Скаж[ите]

⁷⁴⁴ *Зач.*: посто[ялом]

Доктор ушел спать к больному, граф – в коляску. Наташа легла к матери. Когда свечи потушили, она прижалась к матери и зарыдала.

– Он будет жив.....

– Нет, я знаю, что он умрет.... я знаю. – Они вместе плакали. И ничего не говорили. Соня с своего сена на полу несколько раз поднимала голову, но ничего не слышала, кроме слез. Уж петухи пропели несколько раз близко на дворе и все заснуло, но Наташа не спала. Она не могла ни спать, ни лежать, она тихо встала, не обуваясь, надела материну куцавейку и, перешагнув через храпевшую девушку, вышла в сени. В сенях спали какие-то мужчины и забурчали что-то при звуке отворившейся двери. Она нашла скобу другой двери и отворила ее.⁷⁴⁵ В комнате был свет нагоревшей сальной свечи. Что-то зашевелилось, это и был Тимохин с своим красным носом, который испуганными глазами смотрел на графиню, поднявшись на локоть. Узнав барышню, он, не переставая смотреть, стал закрываться стыдливо плащом. Против него лежал еще раненый на кровати, спустив маленькую белую руку. Наташа неслышными босыми шагами подошла к нему, но он услышал, тяжело открыл глаза и вдруг радостно, детски улыбнулся. Наташа ничего не сказала, она упала неслышно на колени, взяла его руку, прижала к вдруг вспухнувшим от слез губам и нежно прильнула к ней. Он делал движения пальцами, он чего-то хотел. Она поняла, что он хотел видеть ее лицо. Она подняла свое детски-изуродованное всхлипываньями мокрое лицо и посмотрела на него. Он всё так же радостно улыбался. Тимохин, стыдливо закрывая голую, желтую руку, дернул доктора, заснувшего рядом, и доктор и Тимохин испуганно смотрели, не шевелясь, на Наташу и Андрея. Доктор стал кашлять. Они не слышали его.

– Можете ли вы простить?

– Всё, всё – тихо сказал Андрей.⁷⁴⁶

Доктор еще громче закашлял и зашевелился. Тимохин, ожидая, что она обернется, скрыл всё до подбородка, хотя и высунулась босая нога.

Наташа вздохнула тяжело и легко и вышла из комнаты.⁷⁴⁷

–

Из дома Рieger'a две княжны (3-я давно вышла замуж) были выпровожены,⁷⁴⁸ многое было увезено. Что именно, Rieger не знал хорошенько. Он начал было руководить уборкой картинной галереи, но, увидав, как много было драгоценных вещей и как мало средств увоза и времени, он предоставил всё дело дворецкому и не вмешивался более. Сам же он ехать никуда не хотел, преимущественно от того, что ему совестно было подражать всем слабым уезжающим людям и женщинам. Он всё верил еще в сражение последнее, отчаянное, как защита Сарагоссы. Потом же осталось так мало времени, когда узналось, что сражения не будет, что не успел принять нового решения. Смутно представлялось ему ббб и Pierre de Besuhoff, но главное волновало его беспокойство и показать, что всё ему действительно море по колено, как он это почувствовал и сказал на Дворянском собрании. Главное чувство, владевшее им, было то русское чувство,⁷⁴⁹ которое заставляет загулявшегося купца перебить все зеркала – чувство, выражающее высший суд над всеми условиями истины жизни, на основании какой-то другой, неясно осознанной истины. Одно, о чем и не думал Rieger, но что инстинкт дал понять ему и что было уже решен-

⁷⁴⁵ *Зач.*: Ничто

⁷⁴⁶ *Зачеркнуто*: – идите, —

⁷⁴⁷ *Зач.*: и вернулась. *На полях два конспекта*: Rieger первое время, когда один, то озлоблен и оскорблен, но потом смягчен. Остался оттого, что совестно ехать. *Далее карандашом*: Rieger в доме Ростовых с дворником в комнате Наташи, танцы, офицер. Долохов. Пожар. Ребенок. По пожару взят на Д[евичьем] П[оле]. Старушка, знакомая Rieger'a. Rieger рассказывает французу про свою любовь. Убита девка за то, что выстирала услужливо ассигнации в штанах, тело ее осталось. Ребенок R[ieger'a]. Масонство менее действует, чем всемирное знакомство добрых людей. Сапоги разбойник снимал – дед заплакал, за колпак деда. Дети из палок стреляют. Б.... – Белобородова.

⁷⁴⁸ *В рукописи*: выпровожено

⁷⁴⁹ *Зачеркнуто*: равно[душия]

ный вопрос, как только он задумал оставаться в Москве, было то, что он будет оставаться в Москве не под своим именем и званием графа Безухова и зятя одного из главных вельмож, а в качестве своего дворника.⁷⁵⁰ Он перенес свою постель и книги во флигель и поместился там за перегородкой комнатки, в которой жил⁷⁵¹ дворецкий с старухой тещей, женой и свояченицей, вдовой, бойкой, худой красивой бабой, когда-то бывшей 1-й любовью Pierr'a и потом испытавшей много превратностей и радостей и бывшей близко знакомой со многими из богатейших московских молодых людей. Теперь она была *sur le retour*,⁷⁵² повязана платочком, с косичками, румяными, чахоточными щеками, мускулистыми, худыми, сильными членами и блестящими, прекрасными, всегда веселыми глазами. Отношения, кончившиеся весьма приятно для Мавры Кондратьевны, со стороны Pierr'a теперь были забыты. Мавра Кондратьевна была с Pierr'ом почтительно фамильярна и веселила весь их кружок своей находчивостью и бойкостью.

Она нарядила Pierr'a в армяк Степки (сначала выпарив его), и она, принарядившись, пошла с Pierr'ом навстречу французам. В кабаке был крик, Мавра Кондратьевна останавливается. Pierr'a остановили и через поляка спросили: где жители. Кто он. Какой это костел, показывая на собор? Они поглядели на драгун, на пехоту. Мавра Кондратьевна, смеясь, советовала Pierr'у ласковее быть с ними.

И страшно и весело было Pierr'у подумать, что он уже обхвачен и корабли сожжены. Он всё ходил, смотрел разные войска и вблизи видел живые, добрые, усталые, страдальческие, человеческие лица, которые жалко ему симпатичны были. Они кричали «Vive l'Empereure», и были минуты, что Pierr'у казалось (уже под конец), что так и должно быть и что они правы. Ему даже захотелось закричать.

Они⁷⁵³ узнали, что Наполеон стоял в Драгомиловском предместьи, и вернулись. Мавра Кондратьевна с платком, свернутым мышкой, в розовом платье и лиловом шелковом платке пошла одна, несколько не робея, подмигивая французам.

Pierre пошел один в Старую Конюшенную к княжне Чиргазовой, старой-старой москвичке, которая, он знал, не выезжала из Москвы. Pierre пошел к ней, потому что некуда было деваться, и он рад был, что пошел к ней. Как только он вошел в ее переднюю, услышал привычный запах старого затхла и собачек в передней, увидел старика лакея, девку и шутиху, увидел цветочки на окнах и попугая, – все по-старому, так он опять попал в прежнее свое русское состояние.

– Кто там? – послышался старухин ворчливый голос, и Pierre невольно подумал, как посмеют войти французы, когда она так крикнет.

– Царевна! (так звали шутиху) подите же⁷⁵⁴ в переднюю.

– Это я, княжна. Можно?

– Кто я? Бонапарт, что ль? А, ну здорово, голубчик, что же ты не убежал? Все бегут, отец мой. Садись, садись. Это что же, в кого нарядился, или святки уж, ха-ха. Царевна, поди, погляди... А⁷⁵⁵ что же они тебе сделают? ничего не сделают. Что ж, пришли, что ль? – спрашивала она, точно как спрашивала, пришел ли повар из Охотного ряда. Она⁷⁵⁶ или не понимала еще, или не хотела понимать. Но, странно, ее уверенность была так сильна, что Pierre, глядя на нее, убеждался, что действительно ничего нельзя ей сделать.

⁷⁵⁰ *На полях:* В Pierr'e детская наивность и незнания языка и условий быта, за к[оторые] с ним обращается, как с ребенком, почтительно.

⁷⁵¹ *Зач.:* пр[ивратник?]

⁷⁵² [уже немолода.]

⁷⁵³ *Зач.:* прознали

⁷⁵⁴ *Зачеркнуто:* кто сюда

⁷⁵⁵ *Зач.:* и то правда

⁷⁵⁶ *Зач.:* видимо

– А соседка-то моя, Марья Ивановна Долохова, вчера уехала – сынок спровадил, так же, как ты, наряжен, приходил меня уговаривать уехать, а то, говорит, сожгу. А я говорю: сожжешь, так я тебя в полицию посажу.⁷⁵⁷

– Да полиция уехала.

– А как же без полиции? У них, небось, своя есть. Я, чай, без полиции нельзя. Разве можно людей жечь? Пускай едут, мне выгода:⁷⁵⁸ я на двор к ним прачечную перевела, мне простор....

– А что ж, не приходили к вам?

– Приходил один, да я не пустила.

В это время послышался стук в калитку, и скоро вошел гусар. Очень учтиво, прося извинения за беспокойство, он попросил поесть. Грузинская княжна посмотрела на него и, поняв, в чем дело, велела отвести его в переднюю и покормить.

– Поди, голубчик, посмотри, дали ли ему всего: от обеда вафли хорошие остались, а то ведь они рады, сами сожрут...

Pierre подошел к французу и поговорил с ним.

– Граф Петр Кирилыч, поди сюда, – закричала старуха, но в это время француз, отзывая в переднюю Pierre'a и показывая черную рубаху, краснея, просил дать ему чистую, ежели можно. Pierre вернулся к старухе и рассказал.⁷⁵⁹

– Хорошо, дать ему полотна десять аршин, да сказать, что я из милости даю. Да скажи ему, чтоб он своему начальнику сказал, что, мол, вот я – княжна грузинская, Марфа Федоровна, живу, никого не трогаю и чтоб они мне беспокойства не делали, а то я на них суд найду, да лучше самого бы ко мне послал. Хорошо, хорошо, ступай с богом, – говорила она француз, который расшаркивался в дверях гостиной en remerciant la bonne dame...⁷⁶⁰

Выходя от княжны, Pierre в темноте лицо с лицом наткнулся с человеком в таком же армяке, как он сам.

– А, Безухой! – сказал человек, которого Pierre тотчас узнал за Долохова. Долохов взял его за руку, как будто они всегда были друзья. – Вот что, ты остался, и хорошо. Я запалил уж Каретный ряд, мои молодцы зажгут везде, да вот как мне с старухой быть, жалко; а материн дом я зажгу.

Pierre тоже забыл в это время, что Долохов был его враг, он без предисловий отвечал ему.

– Нельзя, за что же ее жечь? – сказал он. – Да кто ж распорядился жечь?

– Огонь! – отвечал Долохов, – а свой дом зажжешь?

– Да лучше, чем угощать в нем французов, – сказал Pierre, – только сам зажигать не стану.

– Ну, я тебе удружу. Завтра сделаю визит с красным петухом, – сказал Долохов, близко приставляя свое лицо к лицу Pierre'a, и, засмеявшись, пошел прочь.

– Ежели меня нужно будет, спроси у Данилки под Москворецким мостом.

Вернувшись домой во флигель, Pierre встречал везде французских солдат; некоторые спрашивали его, кто он, и, получая ответ: «дворник из такого-то дома», пропускали его. У его дома стояли часовые, и в доме, как он узнал, стоял важный французский начальник. В галерее сделали спальню, перестановили всё и спрашивали, где хозяин, и с Маврой Кондратьевной заигрывали.⁷⁶¹ Слышно было тоже про пожары.

⁷⁵⁷ На полях: М. Д. Ахросимова

⁷⁵⁸ Зач.: у меня дров

⁷⁵⁹ На полях конспект: Типы французов. Итальянец – нежный, добрый, образованный. Рыжий Javert – честный служака. Брульон – весельчак.

⁷⁶⁰ [благодаря добрую госпожу...]

⁷⁶¹ Зачеркнуто: да она

На другой день Pierre пошел опять ходить и⁷⁶² невольно толпой народа привлечен был к гостинным рядам, которые горели. Здесь от дыма он пошел к реке и у реки наткнулся на толпу, около мальчика 5 лет. Чей он был – никто не знал, и взять его никто не решался. Pierre взял его и пошел домой. Но горела уже и Покровка и его дом. Толпы народа и солдат грабили и сновали по городу.⁷⁶³ У своего дома [?] он встретил Мавру Кондратьевну, она бежала и кричала, что всё сгорело и разграблено. Они вместе с ней пошли к церкви. По дороге видел, как убил улан пикой купца. В церкви нечего было есть. Мавра Кондратьевна пошла на добычу и достала чаю, и сахару, и водки, а водку променяла на хлеб.⁷⁶⁴ Pierre пошел на добычу, но по дороге был остановлен солдатом, который снял с него кафтан и велел нести мешок. По дороге они зашли на <П[одновинское] П[оле]>, там Pierre видел, как дворнику старику велел солдат сесть и разуться. Старик заплакал, мародер отдал ему сапоги и ушел. Потом отпустил Pierre'a. Когда Pierre вернулся голодный, он заснул. Поутру пришли два офицера в церковь. Один подошел к Pierre'у, спрашивая, кто он? Pierre сделал ему масонский знак, которого не понял офицер, но обратился с вопросом, что ему нужно? Pierre рассказал свое положение. Они пошли вместе с найденышем на квартиру француза в доме Ростовых,⁷⁶⁵ пообедали и выпили. Pierre рассказал свое положение и свою любовь. Он говорил, как духовнику. Француз – милый, умный человек. Pierre, чтобы не подводить француза, давшего ему слово, ушел к княжне грузинской. У нее начальник, присылавший ей кофе. На дворе тихо, дети стреляют из палок в французов. Но на дворе соседней событие: убийство кухарки за то, что прислужилась: вымыла панталоны с ассигнациями. Pierre идет отыскивать Долохова, чтоб найти средство уйти. Он встретил Долохова и зашел в подвал. Вдруг француза Долохов ударил ножом и пистолетом и выскочил. Pierre'a взяли и повели на Девичье Поле к Даву. При нем расстреляли 5-х. Его положили в часовню. Часовня для них была только место.

Масонские знаки сначала не помогают.

—

В Петербурге после приезда государя из Москвы многое было уложено и готово к отправке. В высших кругах с большим жаром, чем когда-нибудь, шла сложная борьба партий: Румянцева, французов, патриотическая Марии Федоровны, оскорбленной самим государем, и бестолковая цесаревича, заглушаемая и усиливаемая⁷⁶⁶ трубением трутней; но спокойная, роскошная, тщеславно пустая жизнь, озабоченная только признаками жизни, шла по-старому, и из-за хода этой жизни надо было делать большие усилия, чтобы сознать опасное и трудное положение государства. Те же были выходы, даже балы, французский театр, интересы двора, интри[ж]ки службы и торговля. Только в самых высших кругах делались усилия напоминать то положение, в котором находилось государство.⁷⁶⁷

Так, у Анны Павловны 26 августа, в самый день Бородинского сражения, был вечер, цветком которого должно было быть чтение письма преосвященного....,⁷⁶⁸ посылавшего государю образ Сергия. Письмо это почиталось образцом патриотического духовного красноречия. Прочесть его должен был сам князь Василий, славившийся своим искусством чтения. Он читывал еще у импер[атрицы]. И искусство чтения считалось в том, чтобы громко, певуче, лавируя между отчаянным завыванием и нежным ропотом, переливать слова, совершенно независимо от их значения, то есть что совершенно всё равно было, на какое слово попадало завывание,

⁷⁶² *Зач.*: на Арбате встретил Наполеона

⁷⁶³ *Зачеркнуто*: Pierre прошел к княжне грузинской. У них стоял начальник во флигеле, и ее не трогали – посылали ей даже гостинцев.

⁷⁶⁴ *Зач.*: В церковь пришли два

⁷⁶⁵ *Зач.*: Pierre рассказал всё свое по[ложение]

⁷⁶⁶ *В рукописи*: усиливаемой

⁷⁶⁷ *Зачеркнуто*: 1 сентября пришло известие о Бородинском сражении.

⁷⁶⁸ *Многоточие в рукописи.*

на какое ропот. Чтение это, как и все вечера Анны Павловны, имело политическое значение. Было собрано много народа и таких, которых надо было устыдить за их поездки во французский театр и воодушевить. <Пока> Анна Павловна еще не видела в гостинной всех, кого нужно было, и потому заводила общие разговоры.

На одном конце говорили о *Hélène*,⁷⁶⁹ рассказывали с соболезнованием о ее болезни. Она выкинула, и доктора отчаивались в ее излечении.⁷⁷⁰ Злые языки говорили, что странно ей выкинуть теперь, когда она 9 месяцев, как в разлуке с мужем.

– Ну, это положим, – говорил другой, – это – секрет комедии. – Он назвал очень важное лицо, находящееся <теперь>⁷⁷¹ в армии, – но дело в том, что скандальная хроника говорит, что она и этому лицу не осталась верна и что неожиданное возвращение и приезд, когда *l'autre un petit housard*⁷⁷² был тут, б[ыли] причиной ее испуга.

– Жалко. Необыкновенно умная женщина.⁷⁷³

– Ах, вы о бедной графине говорите, – сказала, подходя, Анна Павловна. – Ах, как мне ее жаль. Мало, что умная женщина, какое сердце! И как необыкновенно она сформировалась. Мы с ней много спорили, но я не могу не любить ее. Неужели нет надежды! Это ужасно. Ненужные люди живут, а цвет нашего общества... – Она не договорила и обратилась к Билибину, который в другом кружке, подобрав кожу и, видимо, собираясь распустить ее, чтобы сказать *un mot*,⁷⁷⁴ говорил об австрийцах.

– *Je trouve que c'est charmant*,⁷⁷⁵ – говорил он про сообщение, при котором отосланы в Вену австрийские знамена, взятые Витгенштейном (*le héros de Péteropol*).⁷⁷⁶

– Как, как это? – обратилась к нему Анна Павловна, возбуждая молчанье для услышания *mot*, которое она уж знала.

– *L'Empereur renvoie les drapeaux autrichiens*, – сказал Билибин, – *drapeaux amis et égarés qu'il a trouvé hors de la route*,⁷⁷⁷ – закончил Билибин, распуская кожу.

– *Charmant, charmant*. Ах, иди Га-га [?], – сказал князь Василий, но в это время уж вошло то недостаточно патриотическое лицо, которое ждала для обращения Анна Павловна, и она, пригласив князя Василия к столу и поднося ему две свечи и рукопись, попросила его начать. Всё замолкло.

– Всемилостивейший государь император, – строго провозгласил князь Василий и оглянул публику, как будто спрашивая, не имеет ли кто сказать что-нибудь против этого. Но никто ничего не сказал.⁷⁷⁸

– Первопрестольный град Москва, новый Иерусалим, приемлет Христа *своего*, – вдруг ударил он на слове *своего*, – яко мать во объятия усердных сынов своих, и, сквозь возникающую мглу провидя блистательную славу твоей державы, поет в восторге: Осанна, благословен грядый! – взвыл он и оглянул всех.

Билибин рассматривал внимательно свои ногти, многие, видимо, робели, как бы спрашивая, в чем же они виноваты. Анна Павловна повторяла уже вперед, как старушка перед причастием: «Пусть наглый и дерзкий Голиаф...»

⁷⁶⁹ *Зач.*: шопотом

⁷⁷⁰ *Зач.*: Дур[ные]

⁷⁷¹ *Вместо зач.*: теперь написано одно неразобр. слово.

⁷⁷² [другой, молодой гусар]

⁷⁷³ *На полях*: Жюли тут, ждет мужа.

⁷⁷⁴ [словечко,]

⁷⁷⁵ Я нахожу, что это прелестно,

⁷⁷⁶ [героем Петрополя.]

⁷⁷⁷ [Император отсылает австрийские знамена, дружеские и заблудившиеся знамена, которые он нашел вне настоящей дороги,]

⁷⁷⁸ *На полях*: 595. II т. [?] Богд[анович]

– Charmant ! Quelle force !⁷⁷⁹ – слышались похвалы теще и сочинителю. Воодушевленные этой речью, гости Анны Павловны долго еще говорили о положении отечества и⁷⁸⁰ делали различные предположения о исходе сражения, которое на днях должно было быть дано.

– Vous verrez,⁷⁸¹ – сказала Анна Павловна, – что завтра, в день рождения государя, мы получим известие. У меня есть хорошее предчувствие.

Предчувствие Анны Павловны действительно оправдалось. На другой день во время молебствия во дворце, по случаю дня рождения государя, князь Волконский был вызван из церкви и получил конверт от князя Кутузова,⁷⁸² [который] писал, что русские не отступили ни на шаг, что французы потеряли гораздо более его, что он пишет второпях с поля сражения, не успев еще собрать последних сведений. Стало быть, это была победа. И тотчас же по выходе из храма была воздана Творцу благодарность за его помощь и за победу.

Предчувствие Анны Павловны оправдалось, и в городе всё утро царствовало радостно-праздничное настроение духа. Вдали от дел и среди условий придворной жизни весьма трудно, чтобы⁷⁸³ события отражались во всей их полноте и силе. Невольно события общие группируются около одного какого-нибудь частного случая. Так теперь главная радость заключалась в том, что мы победили, и известие об этой победе пришлось именно в день рождения государя. Это было, как удавшийся сюрприз. В известии Кутузова сказано было тоже о потерях русских, и в числе их названы Тучков, Багратион и Кутайсов. Также и печальная сторона событий невольно в здешнем петербургском мире сгруппировалась около одного события – смерти Кутайсова. Его все знали. Государь любил его, он был молод и интересен. В этот день все встречались с словами:

– Как удивительно случилось! В самый молебен. А какая потеря Кутайсов! Ах, как жаль!

– Что я вам говорил про Кутузова, – говорил князь Василий с гордостью пророка.

Но на другой день не получилось известий из армии, и общий голос стал беспокоиться, а придворные страдать за страдание неизвестности государя.

– Каково положение государя! – говорили все. Упрекали Кутузова, и князь Василий уже помалкивал о своем protégé.⁷⁸⁴ Кроме того, к вечеру этого дня присоединилось еще печальное городское событие: узнали, что *Hélène* скоропостижно умерла, и на 3-й день общий разговор был уже о трех печальных событиях: неизвестность государя, смерть Кутайсова и смерть *Hélène*. Наконец приехал помещик из Москвы, и по всему городу распространилось известие о сдаче Москвы. Это было ужасно! Каково было положение государя! Кутузов был изменник, и князь Василий, во время *visites de condoléance*,⁷⁸⁵ которые ему делали, говорил (ему простиительно было в печали забыть то, что он говорил прежде), говорил, что чего же хотели от слепого и *de mauvaises moeurs*⁷⁸⁶ старика.

Наконец приехал Мишо француз к государю и имел с ним знаменитый разговор, в котором, сделав государю *jeu de mots*,⁷⁸⁷ состоящее в том, что он оставил русских в страхе, но страхе не боязни французов, а боязни, чтобы государь не заключил мира, он вызвал государя на выражение знаменитых слов, заключающихся в том, что государь готов отпустить бороду до сих пор и есть один картофель из всех овощей, а не заключать мира.

–

⁷⁷⁹ [Прелестно! Какая сила!]

⁷⁸⁰ *Зачеркнуто*: предполагали

⁷⁸¹ [Вы увидите,]

⁷⁸² *Зач.*: в своем старческом [1 *неразобр.*]

⁷⁸³ *Зачеркнуто*: обстоятельства

⁷⁸⁴ [любимце.]

⁷⁸⁵ [визитов сочувствия,]

⁷⁸⁶ [дурного нрава]

⁷⁸⁷ [игру слов,]

⁷⁸⁸1-го октября в Покров на Девичьем Поле звонили в монастырские колокола, но звонили не по-русскому. Pierre вышел из шалаша, построенного на Девичьем Поле, и поглядел на колокольню. Это звонили два французские улана.⁷⁸⁹

– Каршо? – спросил улан у Pierr’a.

– Нет, скверно, – сказал Pierre и по-французски прибавил, что звонить надо умеючи.

– Tiens il parle le français cet homme, dites donc.⁷⁹⁰

Но часовой, стоявший у балагана, проходя мимо него с ружьем, сказал, не поворачиваясь: rentres.⁷⁹¹ И Pierre вошел назад в балаган, где кругом стен сидели и лежали человек 15 русских пленных.

– Дядинька, – сказал ему мальчик 5-летний, толкая его за ногу, – пусти.

Pierre поднял ногу. Он наступил нечаянно на⁷⁹² тряпку, которую разостлал мальчик. Pierre поднял ногу и посмотрел на нее. Ноги его были босые, высывавшиеся из серых, чужих панталон, завязанных по совету его товарища по плену – солдата веревочкой на щиколках. Pierre поставил ровно свои босые ноги и задумчиво стал смотреть на их грязные и толстые большие пальцы. Казалось, что созерцание этих босых ног доставляло Pierre’у большое удовольствие. Он несколько раз сам с собой улыбался, глядя на них, и потом пошел к своей шинели, на которой лежала деревянная чурочка и ножик, и стал резать ее. Солдат-сосед посторонился, но Pierre прикрыл его шинелью. А другому старику, видно чиновнику, который сидел рядом с ним и шил что-то, Pierre сказал:

– Что, Миха[ил] Онуф[риевич], пошло на лад?

– Да что, и руки отнимаются.

– Э, ничего, всё пройдет – мука будет, – сказал Pierre, улыбаясь и жуя язык, что он имел привычку делать, работая, принялся резывать свою будущую куклу.

Мальчик подошел к нему. Pierre вынул кусок булки и усадил мальчика на шинель.

Pierre не видал себя давно в зеркало и, ежели бы увидел, то очень бы удивился, так он стал непохож на себя и так он, к выгоде своей, переменялся.

Он похудел значительно, особенно в лице, но, несмотря на то, в плечах его и членах видна была та сила, которая наследственна была в их породе. Волосы, которые он постоянно из какой-то оригинальности и страха казаться занимающимся собой, он, портя себя, стриг в скобку, теперь обросли и курчавились так же, как курчавились все волосы его отца. Борода и усы обросли его нижнюю часть лица, а в глазах была⁷⁹³ свежесть, довольство и оживленность такие, каких никогда прежде не было. На нем была рубашка, остаток прежнего величия, тонкая, но разорванная и грязная, сверху шубка, женская вероятно, как гусарский ментик в накидку, солдатские серые штаны, обвязанные у щиколок, и замозоленные босые ноги, на которые он всё время радостно поглядывал.

В этот месяц плена в Москве Pierre много пережил. Много пострадал, как⁷⁹⁴ казалось бы, но он чувствовал, что он столько наслаждался и узнал и себя, и людей, как не узнал во всю свою жизнь. И всё, что он узнал, в его понятии соединялось с понятием и ощущением босых ног. Казалось, и сапоги, и чулки и переменять нужно, а вот босиком и легче, и поворотливее, и приятнее. По крайней мере знаю, что это мои ноги. Pierre испытал много счастливого, но он не сказал бы этого теперь, напротив, он всякую секунду думал о том счастье, которое будет, когда он избавится от этого плена, и желал этого всеми силами души. Но в глубине души он, взгля-

⁷⁸⁸ *Зачеркнуто:* Pierre в это время

⁷⁸⁹ *Зач.*: Он на полях: Ребенка нет

⁷⁹⁰ [Каково, он говорит по-французски, этот человек. Скажите пожалуйста.]

⁷⁹¹ [вернитесь.]

⁷⁹² *Зач.*: постель [?], на кот[орую]

⁷⁹³ *Зачеркнуто:* какая

⁷⁹⁴ *Зач.*: говорят

дывая на свои босые ноги, чувствовал себя счастливым. И это происходило⁷⁹⁵ оттого, что в 1-й раз в жизни он лишился полной свободы и излишества, которыми он пользовался всю жизнь – никогда он прежде не знал радости поесть и согреться; 2) ему было чего желать, 3) он чувствовал, особенно благодаря ребенку, который попался ему, что в тех тесных рамках свободы, в которых он действовал, что он поступил наилучшим образом, 4) потому что, глядя на уныние всей этой толпы, его окружающей, он говорил себе, что не стоит унывать, и действительно не унывал, а радовался теми радостями жизни, которые ни у кого отнять нельзя, 5) и главное, что за свободу он чувствовал теперь с своими босыми ногами, что за море предрассудков соскочило с него, когда он думал, что у него нет предрассудков, как далеки от него были и чужды понятия войны, полководцев, геройства, государства, управления или наук философских и как близки были ему понятия человеческой любви, сострадания, радостей, солнца, пенья.

В часовне он пробыл 5 часов, и это были самые тяжелые его минуты. Он видел, что всё горело, что все уходят и что его забыли. Ему физически страшно стало, и он, высунувшись в решетку, закричал:

– Коли хотите сжечь меня живого, так так и скажите, а коли это нечаянно, так я вам имею честь о себе напомнить.

Офицер, проходивший мимо, ничего не сказал, но скоро пришли и взяли его и, присоединив к другим, повели через город на П[окровскую] г[ауптвахту?]. Потом его два раза водили в какой-то дом, где его допрашивали о его участии в пожарах⁷⁹⁶ и отвели на Девичье Поле. Там его привели к Даву.

Даву писал что-то и, оборотившись, посмотрел на Pierr'a пристально и сказал:

– Я знаю этого человека, я видал его, расстрелять.

Pierr'e похолодел и по-французски заговорил:

– Вы не могли меня знать, потому что я никогда не видал вас.

– А, вот он говорит по-французски, — сказал Даву и еще раз посмотрел на Pierr'a.

Они⁷⁹⁷ на минуту смотрели друг на друга, и этот взгляд спас Pierr'a. В этом взгляде, помимо всех условий войны и суда, между этими двумя людьми установились человеческие отношения. Оба они в эту одну минуту смутно перечувствовали бесчисленное количество вещей и понятий: что они оба дети⁷⁹⁸ человеческие, что у каждого из них есть или была мать, что их любили, что они любили, что они увлекались, и делали зло и добро, и гордились, и тщеславились, и раскаивались. Pierr'e понял в различии этого 2-го взгляда от 1-го свое спасение. В 1-м взгляде он видел, что для Даву, приподнявшего только голову от отчетов по корпусам, где людские дела и жизни назывались №-ами, что для Даву, который был методист дела и который был жесток не потому, что любил жестокость, а любил аккуратность дела и любил, тщеславясь своей любовью к делу, показывать, что все нежности сострадания ничто в сравнении с делом, он понял, что после первого взгляда Даву застрелил бы его, не взяв на совесть свою дурного поступка, но теперь уж он имел дело не с ним, а с человеком.

– Почему вы не сказали, что знаете наш язык?⁷⁹⁹

– Я не нашел нужным.

– Вы не то, что говорите.

– Да, вы правы. Но я не могу сказать, кто я.

⁷⁹⁵ *Зач.*: преимущественно

⁷⁹⁶ *Зачеркнуто*: и при нем расстреляли 5.

⁷⁹⁷ *Зач.*: долго

⁷⁹⁸ *Зач.*: одной

⁷⁹⁹ *Зач.*: – Я скрыл

В это время вошел адъютант Даву, и Даву велел отвести Риегг'а на экзекуцию. Это было сказано неясно. Риегге чувствовал, что можно было⁸⁰⁰ понять это так, чтобы расстрелять его, и так, чтобы ему присутствовать при экзекуции, про приготовления к которой он слышал. Но он не мог переспросить. Он обернул голову и видел, что адъютант переспрашивал что-то.

– Да, да, – сказал Даву.

Но что «да», Риегге не знал.

Его два часовые привели к⁸⁰¹ реке.⁸⁰² Там была толпа народа вокруг столба и ямы. Толпа состояла из малого числа русских и большого числа наполеоновских войск вне строя и немцев, и итальянцев, и испанцев, которые поражали своим говором. Справа и слева столба стояли фронты французских войск. Два взвода, имея в середине 5 человек русских, подошли к столбу. Это были обличенные поджигатели. Риегге близко остановился подле них. Командир взвода спросил грустно:

– И этого тоже? – слегка взглянув на Риегг'а. (Риегг'у непонятно было, как его, графа Безухова, жизнь могла быть так легка на весах этих людей.)

– Нет, – сказал адъютант, – только присутствовать.

И они шопотом что-то стали говорить. Забили барабаны, и русских выдвинули вперед.

Риегге всех рассмотрел их. Для него, для русского, все они имели значение – он сейчас по лицам и фигурам узнал, что и кто они были. Два человека были из тех, которые с детства возбуждали ужас Риегг'а: это были бритые острожные, один высокий, худой, другой черный, мохнатый и мускулистый с приплюснутым носом, 3-й был фабричный, желтый, худой малый лет 18, в халате. 4-й был мужик, очень красивый, с окладистой русой бородой и черными глазами. 5-й либо чиновник, либо дворовый, лет 45, с седеющими волосами и полным, хорошо откормленным телом.

Риегге слышал, что французы совещались, как стрелять, не по два ли вдруг, и сожалели, что нечет. Но несмотря на это, он видел, что им очень неприятно было исполнять эту обязанность, и они заботились только о том, как бы кончить дело поскорее. Решили по два. Взяли двух колодников и повели к столбу. Чиновник француз в шарфе⁸⁰³ подошел к столбу и прочел по-французски и русски приговор. Колодники смотрели вокруг к себе молча разгоряченными глазами, как смотрит подбитый зверь на подходящего охотника. Один всё крестился, другой чесал спину и складывал впереди перед животом сильные, корявые руки. Наконец чиновник отошел, стали завязывать глаза и выбежали стрелки – 12 человек. Риегге отвернулся, чтобы не видеть. Но выстрел, показавшийся ему ужасно громким, заставил его оглянуться. Был дым, и что-то делали французы с бледными лицами и дрожащими руками. Потом так же повели других двух, так же, такими же глазами и эти двое смотрели на всех, тщетно, одними глазами, молча прося защиты и, видимо, не понимая и не веря тому, что будет. Они не могли верить. Они, они одни знали, что такое была для них их жизнь, и потому не понимали и не верили, чтобы можно было отнять ее. Риегге решился опять не смотреть, но опять как будто ужасный взрыв, выстрел заставил его поглядеть. Он увидел то же: дым, кровь, бледные, испуганные лица и дрожащие руки.

Риегге оглядывался, тяжело дыша, и волнение его еще более усиливалось тем, что вокруг себя на лицах русских, на лицах французских солдат, офицеров – всех без исключения он читал большой испуг, ужас и борьбу, чем на своем лице.

⁸⁰⁰ *Зачеркнуто:* спросить

⁸⁰¹ *Зач.:* самой

⁸⁰² *На полях:* Француз, <звонивший на колокольне Девичьего монастыря,> <спросил> говоривший накануне с ним, узнал его, остановился, <выступил> и закричал: – Tiens, l'ami, j'en suis fâché, bien fâché pour vous. [Эх, дружок, я огорчен, очень огорчен за вас.]

⁸⁰³ *Зач.:* вышел

«Да кто же это делает наконец? – думал Pierre. – Даже и Даву, и тот, я видел, пожалел меня и эти все страдают так же, как и я».

– Tirailleurs du 86-me, en avant!⁸⁰⁴ – прокричал кто-то. Повели 5-го. Это был фабричный в халате. Только что до него дотронулись, как он в ужасе отпрыгнул и закричал диким голосом, но его схватили за руки, и он вдруг замолк. Он⁸⁰⁵ как будто вдруг что-то понял. То ли он понял, что напрасно кричать, или то, что сказал ему охвативший его ужас, что невозможно, чтобы его убили. Он пошел так же, как и другие, подстреленным зверем оглядываясь вокруг себя⁸⁰⁶

---

⁸⁰⁴ [Стрелки 86-го, вперед!]

⁸⁰⁵ *Зачеркнуто*: видимо, понял, что

⁸⁰⁶ *Зач.*: восп[аленными]

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.